

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«Национальный исследовательский Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского»

На правах рукописи

БАЖЕНОВА Яна Георгиевна

**МАНИПУЛЯТИВНЫЕ КОММУНИКАТИВНЫЕ
СТРАТЕГИИ В РУССКОЙ ДИАЛОГИЧЕСКОЙ РЕЧИ:
ЕСТЕСТВЕННО-ЯЗЫКОВОЙ И ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ДИАЛОГ В СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ ОСВЕЩЕНИИ**

Специальность 10.02.01 — русский язык

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
профессор Радбиль Т.Б.

Нижний Новгород — 2021

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
----------------------	----------

Глава I. МАНИПУЛЯТИВНАЯ ДИАЛОГИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ В ТЕОРЕТИЧЕСКОМ ОСВЕЩЕНИИ.....	13
--	-----------

<i>1.1. Основы современного диалоговедения</i>	<i>13</i>
--	-----------

1.1.1. Диалог и диалогичность как объекты интердисциплинарного изучения в гуманитарном знании.....	14
---	----

1.1.2. Диалог как лингвистическое понятие.....	19
--	----

1.1.3. Диалогическое единство как структурная, функциональная и коммуникативная единица диалогического дискурса	25
--	----

<i>1.2. Диалог в художественном тексте.....</i>	<i>35</i>
---	-----------

1.2.1. Диалог художественный и естественный: проблема разграничения	35
---	----

1.2.2. Прагматика, структура, языковые особенности и функции диалога в художественном тексте	42
---	----

<i>1.3. Манипулятивная диалогическая коммуникация в системе других видов речевого взаимодействия</i>	<i>49</i>
--	-----------

1.3.1. Языковое манипулирование сознанием в теории речевого воздействия	49
--	----

1.3.2. Типология моделей манипулятивного диалогического взаимодействия	57
---	----

1.3.3. «Языковая демагогия» в манипулятивной диалогической коммуникации	60
--	----

<i>Выводы по содержанию главы I</i>	<i>65</i>
---	-----------

Глава II. МОДЕЛИ МАНИПУЛЯТИВНОЙ КОММУНИКАЦИИ В ДИАЛОГЕ ЕСТЕСТВЕННОМ И ХУДОЖЕСТВЕННОМ: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ	69
--	-----------

<i>2.1. Манипулятивная диалогическая коммуникация на русском языке (по данным Национального корпуса русского языка).....</i>	<i>69</i>
2.1.1. Манипулятивные коммуникативные стратегии в диалогическом взаимодействии: речевая зона ответной реакции.....	70
2.1.2. Приемы «языковой демагогии» в русской диалогической речи.....	80
<i>2.2. Манипулятивная диалогическая коммуникация в художественной речи Ф.М. Достоевского</i>	<i>105</i>
2.2.1. Проблемы диалога и диалогичности в художественном мире Ф.М. Достоевского	105
2.2.2. Модели манипулятивного диалогического взаимодействия в диалогах героев Ф.М. Достоевского	120
2.2.3. Приемы «языковой демагогии» в диалогической речи персонажей Ф.М. Достоевского.....	135
<i>Выводы по содержанию главы II.....</i>	<i>162</i>
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	165
ИСТОЧНИКИ И ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ	176
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	177

ВВЕДЕНИЕ

Диссертационное исследование посвящено сопоставительному анализу моделей манипулятивной коммуникации в естественно-языковом и художественном диалоге на русском языке.

Диалог выступает не просто как базовая форма существования языка, но и, по мнению многих выдающихся философов, писателей, религиозных деятелей, как форма вообще человеческой жизни: «Жизнь по своей природе диалогична. Жить — значит участвовать в диалоге: вопрошать, внимать, отвечать, соглашаться и т.п. В этом диалоге человек участвует весь и всю жизнь: глазами, губами, руками, душой, духом, всем телом, поступками. Он вкладывает всего себя в слово, и это слово входит в диалогическую ткань человеческой жизни...» [Бахтин 1986: 324-325].

Проблемы анализа разных сторон диалогической коммуникации находятся в центре исследовательского внимания самых разных направлений гуманитарного знания: диалог изучается в философии, психологии, культурологии, литературоведении и т.д. Большие научные традиции имеет и лингвистическое изучение диалога. В современном отечественном лингвистическом диалоговедении утверждается понимание речевого взаимодействия как дискурса особого типа — диалогического дискурса [Макаров 2003; Борисова И. 2009]. В соответствии с основополагающими нормами общения между людьми развертывание диалогического дискурса должно осуществляться с опорой на принципы коммуникативного сотрудничества. Однако в этой области нередко встречаются и разнообразные нарушения, неосознанные или осознанные, что превращает диалогический дискурс из кооперативного в конфликтный (вербально-агрессивный или манипулятивный). Рассмотрение речевых стратегий, приемов и средств языкового манипулирования в диалоге представляется в наши дни особенно важным в связи с усилением информационного воздействия на общество в целом и его отдельных представителей.

Таким образом, **актуальность исследования** состоит в существенной научной и общекультурной значимости изучения моделей манипулятивной диалогической коммуникации на русском языковом материале через призму наиболее востребованных в современной науке о языке коммуникативно-прагматического и когнитивно-дискурсивного подходов.

Одной из значимых проблем в современном диалоговедении является соотношение первичной, естественно-языковой диалогической коммуникации и ее вторичных разновидностей, в ряду которых особое место занимает диалог художественный. Художественный диалог имеет свою специфику: с одной стороны, художественная диалогическая речь предполагает обработанность ее автором, т.е. это всегда — отражение письменной формы существования языка, а, с другой стороны, — эта речь необходимо основана на живой разговорной речи, как бы воспроизводит, имитирует ее. Существенные коммуникативно-прагматические особенности художественного диалога в отличие от естественно-языкового как раз связаны с письменным характером первого, что обуславливает его обдуманность и завершенность. Эти его черты противостоят спонтанности и принципиальной открытости диалога естественно-языкового.

Своеобразие коммуникативной и языковой организации художественно диалога максимально ярко проявляется в художественной речи писателя, романы которого «насквозь диалогичны», пронизаны диалогичностью [Бахтин 1979]. Речь идет о Ф.М. Достоевском, «художественная диалогика» которого является основой «полифонизма» как базовой черты его художественно мира. Кроме того, герои Ф.М. Достоевского в своей диалогической речи далеко не всегда ориентируются на коммуникативное сотрудничество: разнообразные манипулятивные стратегии и тактики являются неотъемлемым компонентом речевой характеристики многих персонажей. Указанные соображения позволяют сформулировать объект, предмет, цель и задачи предпринятого исследования.

Объектом исследования выступают модели манипулятивной диалогической коммуникации в русской речи. Непосредственным **предметом исследования** являются манипулятивные речевые стратегии и техники в естественно-языковом и художественном диалоге на русском языке.

Цель исследования — осуществить сопоставительный анализ моделей манипулятивной коммуникации в естественно-языковом диалоге по данным Национального корпуса русского языка и в художественном диалоге в текстах романов Ф.М. Достоевского.

Поставленная цель предполагает решение следующих **исследовательских задач**:

- осветить современные представления о диалогическом взаимодействии в науке о языке, определить понятийную базу исследования, его основные термины и понятия;
- определить специфику художественного диалога в его соотношении с диалогом естественно-языковым;
- изучить современные подходы к анализу языкового манипулирования применительно к диалогическому взаимодействию людей, существующие методы изучения манипулятивных моделей и на этой основе разработать концепцию исследования;
- охарактеризовать проблему диалога и диалогичности как основы художественного мира Ф.М. Достоевского;
- рассмотреть модели манипулятивной коммуникации и основные приемы «языковой демагогии» в естественно-языковом диалоге по данным Национального корпуса русского языка;
- рассмотреть модели манипулятивной коммуникации и основные приемы «языковой демагогии» в художественном диалоге героев Ф.М. Достоевского;
- осуществить сопоставительную интерпретацию моделей манипулятивной коммуникации и основных приемов «языковой демагогии» в естественно-языковом и художественном диалогах.

Материал исследования. В соответствии с концепцией исследования материал формируют две группы источников: (1) текстовые данные Национального корпуса русского языка; (2) тексты романов Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание», «Идиот», «Бесы», «Подросток» и «Братья Карамазовы»; тексты романа М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» и комедии А.П. Чехова «Вишневый сад» в качестве иллюстративного материала к теоретической части исследования.

Объем исследуемого материала. Всего исследовано: около 800 контекстов, извлеченных методом сплошной выборки из Национального корпуса русского языка; 564 текстовых фрагментов, содержащих диалоги, из романов Ф.М. Достоевского; 18 текстовых фрагментов из романа М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» и комедии А.П. Чехова «Вишневый сад».

Степень изученности проблемы. Диалог естественный и художественный изучается в гуманитарных науках еще со времен античности. Представим современное состояние вопроса. Изучение диалога сегодня является междисциплинарным и опирается на самые передовые идеи когнитивно-дискурсивного [Ван Дейк 1989; Матвеева 1994; Карасик 2000 и 2003; Макаров 2003; Кубрякова 2004; Борисова И. 2009 и др.] и коммуникативно-прагматического подхода [Арутюнова 1970; Грайс 1985; Падучева 1982; Баранов, Крейдлин 1992 и др.] к анализу речевого общения. В отечественной науке о языке огромную роль в изучении особенностей диалогического взаимодействия в художественной речи сыграли основополагающие работы М.М. Бахтина, Г.О. Винокура, В.В. Виноградова, М.Б. Борисовой и др. [Борисова М. 1956; Винокур 1959; Бахтин 1979 и 1986; Виноградов 1980]. В современном отечественном языкознании художественный диалог анализируется в работах [Полищук, Сиротинина 1979; Долинин 1985; Лагутин 1991; Голованева 2013; Садикова 2015; Хисамова 2015; Масленников 2017 и др.]. В настоящее время проблема языкового манипулирования всесторонне рассмотрена в работах таких исследователей, как [Иссерс 1999; Гронская 2000; Кара-

Мурза 2000; Паршин 2000; Пирогова 2002; Чернявская 2006; Баранов 2009; Копнина 2012 и др.].

Особая роль диалога в художественном мире Ф.М. Достоевского подчеркивается практически всеми исследователями творчества писателя, прежде всего литературоведами и критиками [Бахтин 1979; Хоц 1994; Сараскина 1996; Достоевский 1997; Касаткина 2004; Бадалова 2017 и др.], но также и философами, психологами, культурологами и антропологами [Карасев 1994; Дуров, 2000 и др.]. Непосредственно диалог Достоевского как объект литературоведческого исследования рассматривается, например, в монографии К.А. Степаняна [Степанян 2010]; диссертации О.Ю. Рождественской [Рождественская 2018], в статье Е.А. Гаричевой [Гаричева 2002] и др. Также эта проблема стала объектом исследовательского внимания лингвистов, в котором основополагающую роль сыграли, в частности, работы Е.А. Иванчиковой [Иванчикова 1994] и Н.Д. Арутюновой [Арутюнова 1999], известный сборник, подготовленный учеными Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН [Слово Достоевского 2001], а также лексикографический проект, начатый Ю.Н. Карауловым [Словарь языка Достоевского 2001–2003]. Из последних лингвистических работ следует также отметить монографию Н.Т. Ашимбаевой [Ашимбаева 2014], монографию и статьи И.В. Ружицкого [Ружицкий 2013, 2015а и 2015б], диссертацию Е.В. Шараповой [Шарапова 2018]. Постепенно появляются и исследования, посвященные лингвистическому анализу разных аспектов диалога у Ф.М. Достоевского, например, работа [Романова, Орлова 2018].

Несмотря на значительные научные результаты по заявленной нами проблематике, в интересующем нас ракурсе сопоставительное изучение моделей манипулятивной коммуникации в естественно-языковом и художественном диалоге еще не проводилось.

Новизна исследования, таким образом, состоит во введении в научный оборот нового предмета — моделей манипулятивной коммуникации и приемов «языковой демагогии» в естественно-языковом диалоге и в художе-

ственном диалоге Ф.М. Достоевского, анализируемых в сопоставительном аспекте, и нового материала для анализа — диалоги героев пяти романов Ф.М. Достоевского в плане речевой актуализации манипулятивных коммуникативных стратегий.

Теоретическая значимость исследования заключается в обосновании, уточнении апробированной на значительном текстовом материале исследовательской модели сопоставительного анализа моделей манипулятивной коммуникации и приемов «языковой демагогии» в естественно-языковом диалоге и в художественном диалоге на русском языке.

Практическая значимость исследования связана с возможностью применить его результаты в вузовских курсах преподавания общего языкознания, современного русского языка и стилистики, в общих и элективных курсах по лингвистической прагматике, теории коммуникации, дискурс-анализу, анализу художественного текста и языка отдельных писателей. Также результаты исследования могут быть использованы в деятельности практикующих специалистов по медиатексту, рекламе и PR, в лингвоэкспертных исследованиях.

Методологической основой исследования являются теоретические принципы изучения диалогической коммуникации, представленные в работах Л.В. Щербы, Л.П. Якубинского, В.В. Виноградова, Г.О. Винокура, Т.Г. Винокур, Н.Ю. Шведовой, Е.В. Падучевой, В.З. Демьянкова, Т. Ван Дейка, И.Н. Борисовой, Т.В. Матвеевой и др.; основы анализа художественного диалога, изложенные в трудах М.М. Бахтина, Н.Д. Арутюновой, Е.А. Иванчиковой, Ю.Н. Караулова, К.А. Степаняна, О.Ю. Рождественской и др.; идеи и методы в области исследования языкового манипулирования сознанием И.А. Стернина, С.Г. Кара-Мурзы, А.Н. Баранова, П.Б. Паршина, В.Е. Чернявской, О.С. Иссерс, Т.Б. Радбиля и др.

Методы и методики исследования. В работе использованы методы структурно-семантического описания, функционального анализа, коммуни-

кативно-прагматического анализа, дискурс-анализа, лингвостилистического анализа художественного текста.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Применение методики сопоставительного анализа моделей манипулятивной коммуникации и приемов «языковой демагогии» в естественно-языковом и художественном диалоге позволяет наиболее эффективно выявить общие и различительные черты в реализации указанных моделей и приемов в диалогах первичного и вторичного типов. При этом в качестве образца для исследования художественного диалога необходимо выбирать произведения писателя, в которых диалогичность является текстообразующим и мирообразующим фактором, основой художественной поэтики: в нашем случае выбраны тексты романов Ф.М. Достоевского, полностью соответствующие указанным критериям.

2. Модели манипулятивной коммуникации в естественно-языковом диалоге, в число которых входят речевые стратегии манипулятивного ухода от темы, манипулятивного переспрашивания, перебива и подхвата, манипулятивной перемены темы, манипулятивного отказа от коммуникации, демонстративного молчания, приводят к разного рода нарушениям принципов коммуникативного сотрудничества Г.П. Грайса или постулатов вежливости Дж.Н. Лича. Однако манипуляция в зоне адресата может иметь целью как раз соблюдение постулата тактичности (уход от обсуждения неудобной темы, сделанный в тактичной форме перемены темы), при этом ряд признаков манипулятивной коммуникации все же сохраняется.

3. Приемы «языковой демагогии» в естественно-языковом диалоге эксплуатируют общезыковые механизмы выражения имплицитной информации, порождают языковые отклонения тавтологического, логически противоречивого или алогического типа, что ведет к нарушению принципа кооперации, провоцируя некритичность восприятия адресатом навязываемых ему мнений, причем в такой форме, которая не предполагает их возможного обсуждения.

4. Модели манипулятивной коммуникации в художественном диалоге героев Ф.М. Достоевского обнаруживают определенные сходства в ситуациях использования тех или иных манипулятивных стратегий, в их коммуникативной организации и речевого оформления. В то же время в них имеется и специфика использования манипулятивных коммуникативных схем, которая связана с особой ролью диалога в моделировании художественного мира «полифонических» романов писателя. Манипулятивные диалогические техники в зоне ответной реакции, как и другие средства художественного воплощения напряженного взаимодействия «своего» и «чужого слова» в полифоническом повествовании Ф.М. Достоевского, служат инструментом художественного познания личности, ее самораскрытия в процессе непрерывающегося диалога с другими людьми и с миром в целом.

5. Приемы «языковой демагогии» в художественном диалоге героев Ф.М. Достоевского, также при наличии определенного сходства с особенностями их реализации в естественно-языковом диалоге, свидетельствуют о существенном функциональном своеобразии применения приемов «языковой демагогии» в речевом взаимодействии персонажей романов Достоевского, что связано с особенностями художественного мира писателя, в частности — с изображением разного рода недоговоренности, умолчания в целях сокрытия «больных мест» в сознании героя. Они служат художественным средством раскрытия характера героя в его речи, когда персонаж, незаметно для себя, приоткрывает свой внутренний мир для читателя, также играя существенную роль как в самораскрытии характера героя через его речь, так и в саморазоблачении.

Апробация результатов исследования. Основные положения диссертации были изложены в ряде научных статей, докладов и тезисов. Работа прошла апробацию на международных научных конференциях в гг. Москва (МПГУ, 2021 г.; ГИРЯ им. А.С. Пушкина, 2021 г.), Нижний Новгород (ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2019, 2020 и 2021 гг.; НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2015, 2020 и 2021 гг.), Симферополь (2021 г.), Чебоксары (2016 г.); на все-

русской конференции в г. Арзамас (2021 г.). Исследование обсуждалось на заседании кафедры теоретической и прикладной лингвистики ННГУ им. Н.И. Лобачевского.

Структура работы. Диссертационное исследование состоит из введения, двух глав, заключения, списка источников и принятых сокращений, библиографического списка. Общий объем исследования — 203 с.

Во **введении** изложены актуальность, объект, предмет и материал исследования, цель и задачи работы, научная новизна, теоретическая и практическая значимость, методологическая база и методы исследования, положения, вынесенные на защиту.

В **первой главе** освещаются основные теоретические проблемы сопоставительного изучения моделей языкового манипулирования в естественно-языковом и художественном диалоге, обосновывается концепция работы.

Во **второй главе** представлен сопоставительный анализ моделей манипулятивной коммуникации и приемов «языковой демагогии» в естественно-языковом диалоге по данным Национального корпуса русского языка и в художественном диалоге героев романов Ф.М. Достоевского.

В **заключении** изложены основные результаты исследования его дальнейшие перспективы.

В **списке источников и принятых сокращений** приводится описание основных источников языкового материала для исследования.

Библиографический список содержит 245 позиций (из них 6 — на иностранных языках).

Глава I. МАНИПУЛЯТИВНАЯ ДИАЛОГИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ В ТЕОРЕТИЧЕСКОМ ОСВЕЩЕНИИ

В главе I рассмотрены основы современного лингвистического диалоговедения (раздел 1.1), определена специфика диалога в художественном тексте (раздел 1.2), освещается место манипулятивной диалогической коммуникации в системе других видов речевого взаимодействия (раздел 1.3).

1.1. Основы современного диалоговедения

Феномен диалога пронизывает всю глубину бытия: «Жизнь по своей природе диалогична. Жить — значит участвовать в диалоге: вопрошать, внимать, ответствовать, соглашаться и т.п. В этом диалоге человек участвует весь и всею жизнью: глазами, губами, руками, душой, духом, всем телом, поступками. Он вкладывает всего себя в слово, и это слово входит в диалогическую ткань человеческой жизни...» [Бахтин 1986: 324-325]. Сама жизнь есть диалог, а мир человека есть мир общения, мир диалога.

Не случайно, что внимание к изучению разных аспектов диалога характерно для самых разных наук в системе современного гуманитарного знания. Прежде всего назовем философию и психологию, антропологию и социологию, культурологию и литературоведение. Этот список можно продолжить. Трудно представить себе вообще какое-либо направление в гуманитаристике, которое обошлось бы без изучения диалога. Конечно же, диалог является объектом пристального научного интереса и для лингвистики. Л.В. Щерба в свое время сформулировал, что «подлинное свое бытие язык обнаруживает лишь в диалоге» [Щерба 1915: 4]. Речь идет о том, что устная форма существования языка является для него исходной, первичной, в сравнении с письменной. Но ведь устная форма проявляет себя главным об-

разом через диалогическое взаимодействие. И вполне закономерны успешные в современном гуманитарном знании попытки объединить все разнонаправленные лингвистические штудии, посвященные диалогу, в такое междисциплинарное направление, как **лингвистическое диалоговедение** [Борисова 2009; Кузнецов 2020].

1.1.1. Диалог и диалогичность как объекты интердисциплинарного изучения в гуманитарном знании

Диалог между людьми издавна осознавался не просто как средство общения, но и как средство познания и самопознания личности, как механизм интеграции и самоорганизации человеческого общества в целом. Еще в античной философии и риторике формируется интерес к диалогу [Рождественский 1997]. Диалог выступает как наиболее действенное средство построения сложных системных отношений людей в разных сферах общественной жизни. Проблема диалога как способа позиционного обмена уходит корнями в далекое прошлое, где диалог возникает в качестве способа культивации искусства убеждения, т. е. эффективного управления умами и чувствами людей посредством использования языка и логики. Это было продиктовано запросами общества еще в античный период.

Уже в эллинской культуре благодаря трудам Платона появляется феномен «сократического диалога» как специфической формы интеллектуального общения самостоятельно мыслящих людей. Сократ сравнивал искусство диалогической беседы с «повивальным» искусством в том смысле, что оно помогает рождению истины. Платон считал живую беседу истоком мудрости, а плохого собеседника он сравнивал с немymi книгами, которые не умеют «отвечать на вопросы», «не в состоянии ни ответить, ни спросить».

Изучение правил построения диалога как аналогии регулятивных норм, по которым вообще устроена жизнь, живет культура и цивилизация, еще в

древности входит в область пристального внимания европейской и восточной философской мысли.

В философских исследованиях с давних пор и по настоящее время диалог трактуется как универсальное условие и принцип любого существования, как основной — диалектический — метод познания. Анализируя множество диалогов, таких, например, как диалоги Платона, Сократа, изучая философские работы по проблеме диалога, психолого-педагогические труды таких мыслителей, создававших концепции диалога, как М. Бубер, Х. Гадамер, В. Дильтей, Ж.-Ж. Руссо, Ф. Ницше, А. Камю, Ж.-П. Сартр, М. Хайдеггер, С.С. Аверинцев, Г.С. Батищев, М.М. Бахтин, В.С. Библер, Д.С. Лихачев, Г.М. Бирюкова, М.С. Каган, Ю.М. Лотман, С.В. Нилова, А.А. Бодалев, В.А. Кан-Калик, Г.А. Ковалев, Б.Д. Парыгин, А.А. Леонтьев, В.И. Слободчиков, И.А. Зимняя, и многих других, можно выделить определенные характеристики диалога, отражающие его сущность.

К этим характеристикам относятся: целеориентированность, при которой единой для участников целью является познание истины, получение нового знания; условия успешности, что возможно при субъектно-субъектной парадигме коммуникативных отношений и равенстве партнеров; эмотивность — эмоциональная включенность общающихся; взаимопроникновение личностных смыслов субъектов диалога и их взаимопонимание, так как диалог считается состоявшимся при условии нахождения всех его субъектов в зоне «понимания» и при отсутствии коммуникативных неудач; мотивационно-стимулирующая среда, сотворчество; рефлексия; и, наконец, важнейшей составляющей является результат — преобразование личных точек зрения взаимодействующих субъектов и получение нового знания, открытие новых смыслов [Измайлов 2009; Макшанцева 2009; Алферов 2011]. Однако диалог представляет собой не просто общение, но взаимодействие, в ходе которого человек открывается себе и другим, обретает и узнает свою сущность, раскрывает свое «Я» и развивает себя как личность. В диалоге происходит

«встреча» субъектов, результатом которой является познание истины, познание самого себя [Баженова 2016].

Современный философский словарь определяет диалог как «особый уровень коммуникативного процесса, на котором происходит слияние личностей участников коммуникации» [СФС 2004: 244]. Также современная энциклопедическая литература определяет диалог как разговор между людьми, как переговоры, как свободный обмен мнениями между представителями двух сторон, как жанр философского или литературного произведения, написанного в форме беседы. Такая узкая трактовка диалога не раскрывает во всей полноте его онтологию, его многофункциональность, его всеобъемлющую роль и место в жизни человека.

Так, М.М. Бахтин, утверждает, что диалог есть «противостояние человека человеку, противостояние “Я” и “Другого”» [Бахтин 1979: 299]. И в этом главнейшая ценность диалога, ведь именно так рождается истина, рождается новое «неявное» знание. Диалогические отношения, по М.М. Бахтину, — это почти универсальное явление, пронизывающее всю человеческую речь и все проявления человеческой жизни. Рефлексивный момент реализуется у М.М. Бахтина во внутреннем плане: «Простая формула: я гляжу на себя глазами другого, оцениваю себя с точки зрения другого. Но за этой простотой необходимо вскрыть необычайную сложность взаимоотношений участников этого события. Вненаходимость (я вижу себя вне себя). Как я представляю себя самого, когда думаю о себе. Я ставлю себя на сцену, но не перестаю ощущать себя самого в себе» [Бахтин 1986: 335]. Благодаря существованию «другого», говорящая личность способна объективировать саму себя.

Все вышесказанное приводит нас к мысли о том, что нужно различать диалогичность, т.е. диалог в широком смысле, и собственно диалог как акт конкретного речевого взаимодействия людей. Диалогичность в этом плане выступает, согласно М.М. Бахтину, как форма самой жизни, как инструмент познавательной и ценностной активности человека. Это универсальное свойство сознания, отражающее направленность на взаимодействие в модусе

«субъект — субъект», в отличие от однонаправленного «объектного» познания негласной вещи [Бахтин 1986]. Еще Л.П. Якубинский писал, что язык есть разновидность человеческого поведения, факт психологический, проявление человеческого организма, и социологический, зависящий от совместной жизни организмов в условиях взаимодействий [Якубинский 1986]. В таком понимании диалог является универсальной категорией культуры, отраженной в том числе и в формах речевого взаимодействия людей: «Вся жизнь языка в любой области его употребления... пронизана диалогическими отношениями» [Бахтин 1986: 245].

Тогда собственно диалог, диалог в узком смысле можно трактовать как языковое проявление диалогичности: «Таким образом, диалогичность наиболее явно эксплицируется в собственно диалоге как форме речи, но пронизывает и другую ее форму — монолог. Следовательно, диалогичность свойственна не только внешне диалогическим текстам (фиксированный знаками разговор двоих), но и монологическим» [Дускаева 2003]. Ср. также мысль Н.М. Кожиной: «Языковое общение в принципе диалогично, более того, диалогичность — это форма существования языка в речи» [Кожина 1986: 11]. Это особая, диалогическая форма речи, которая состоит «в обмене взаимобусловленными репликами» [Трошева 2003: 44]. Именно так понимаемый диалог является предметом изучения в лингвистике.

Традиции собственно лингвистического изучения диалога в отечественной науке о языке заложены в 20-30-е гг. двадцатого столетия в трудах Л.В. Щербы, Л.П. Якубинского и др. [Щерба 1915; Якубинский 1986]. В 50-е гг. XX в. эта традиция была продолжена в работах Н.Ю. Шведовой, Е.М. Галкиной-Федорук, Г.О. Винокура, [[Шведова 1956; Галкина-Федорук 1958; Винокур Г. 1959] и вышла на более серьезный уровень разработки проблемы в научном творчестве академика В.В. Виноградова [Виноградов 1980] и др. Несмотря на доминирование в указанный период времени системно-структурного подхода к анализу диалога [Валюсинская 1979; Худснуршер 1998 и др.], уже тогда ученые указывали на важность рассмотрения диалога в

его внеязыковом окружении, в аспектах коммуникативном и функциональном, с учетом социальных, психологических и культурных особенностей.

Диалог одновременно предстает «как конкретное воплощение языка в его специфических средствах, как форма речевого общения, сфера проявления речевой деятельности человека и форма существования языка. В первом случае анализируется речевая структура, возникшая в результате говорения, осуществления диалогической речи, во втором исследователь имеет дело с выяснением условия порождения и протекания этой речи, в третьем случае проблемы диалога оказываются в кругу вопросов, связанных с изучением общественной функции языка» [Валюсинская 1979: 300].

К нашему времени сложившаяся теория и практика изучения диалога характеризуется отчетливой установкой на комплексность и интердисциплинарность, что закономерно обусловлено сложностью и многоаспектностью самого изучаемого объекта [Федорова и др. 2007].

Диалог как форму осуществления речи нужно отграничить от противоположной ему формы — от монолога. На первый взгляд, исходной, первичной формой в этой оппозиции предстает монолог. Однако еще в пионерской работе Л.П. Якубинского «О диалогичности речи» (1923) доказывается естественность диалога в противовес искусственности монолога [Якубинский 1986]. О диалоге именно как о первичной форме языкового существования неоднократно высказывался и М.М. Бахтин, утверждая, что как раз монолог есть частный случай диалога. Каждая реплика диалога «сама по себе монологична (предельно маленький монолог), а каждый монолог является репликой большого диалога (речевого общения определенной сферы)» [Бахтин 1986: 296]. По мнению А.А. Холодовича, в чистом виде монолога не существует, имеются лишь разные степени диалогизации [Холодович 1967: 45]. В том же духе рассуждает и академик В.В. Виноградов, постулируя, что диалог выступает как естественная данность языка, тогда как монолог есть всегда искусственное произведение речи, «продукт индивидуального построения» [Виноградов 1980: 181].

Поэтому в работах некоторых ученых доказательно обосновывается, что само разграничение диалога и монолога в ряде случаев выглядит искусственным [Винокур Г. 1959; Красильникова 1996; Нестерова 1996 и др.]. Еще Л.П. Якубинский отмечал, что в живой речи диалог и монолог зачастую переплетаются и что существует ряд переходных явлений [Якубинский 1986]. А согласно Т.Г. Винокур, «любой отрывок монологической речи в той или иной мере «диалогизирован», т.е. содержит показатели ... стремления говорящего повысить активность адресата» [Винокур 1998: 119-120].

Однако все же в своих базовых, прототипических разновидностях диалог и монолог противопоставлены по следующим параметрам: (1) количество коммуникантов: (2) роль адресата (активная или пассивная); (3) смена ролей *говорящий — слушающий*; (4) степень гибкости дискурса; (5) степень импровизационности речи; (6) синтаксическая сложность дискурса и пр. [Колокольцева 2001: 26–27]. Важным параметром разграничения также является степень самостоятельности семантики высказывания (автосемантичность для монолога, синсемантичность для диалога) [Гельгардт 1971]; вписанность отдельного высказывания в соответствующий ему речевой акт или характеристика разных высказываний в пределах единой коммуникативной перспективы, наличие или отсутствие взаимообусловленности высказываний в дискурсе [Падучева 1982: 305]. Это позволяет выявить дифференциальные признаки диалога как базовой формы речевого взаимодействия и рассмотреть проблему его дефиниции.

1.1.2. Диалог как лингвистическое понятие

Если рассматривать диалог как факт речевого взаимодействия с чисто внешней, формальной стороны, то в самом общем виде его можно определить как взаимный обмен репликами двух собеседников в режиме устной неподготовленной речи, который осуществляется в одно время в одном месте:

«Для диалога в узком его понимании характерен следующий набор дифференциальных признаков: наличие не менее двух собеседников; обязательная смена говорящих (на этом основании разговор сам с собой исключается из рассмотрения); участники диалога понимают язык, на котором ведется диалог; участники диалога видят, по меньшей мере, слышат друг друга» [Лагутин 1991: 8].

И.Н. Борисова справедливо указывает, что реальный диалог всегда имеет начало и конец. Тем самым, как и текст в лингвистике текста, диалог имеет такую категорию, как интегративность, т.е. завершенность, единство и целостность [Борисова И. 2009]. Однако интегративность диалога определяется внеязыковыми условиями: интенциями его участников, темой, спецификой ситуации общения и пр. [Ахманова 1966; Святогор 1967; Изаренков 1979]. Тематическая цельность диалога, в свою очередь, определяет согласованность ролей его участников, его информационную составляющую, особенности развития мысли. Ср. в этом плане мнение Н.Д. Арутюновой о том, что диалог представляет собой «речевое произведение, в котором двое говорящих как бы создают одну мысль» [Арутюнова 1996].

Существует множество подходов к определению диалога: «Диалог понимается как функциональная разновидность речи, вид речи, тип коммуникации, принцип организации коммуникации, реализация которого создает особый тип текста» [Лагутин 1991: 8]. В этом перечне отражено прежде всего формально-структурное определение диалога. Диалог рассматривается как речевое произведение, как особый тип текстовой организации речи [Борисова И. 2009: 9], как форма речи [Ахманова 1966; Якубинский 1986; Трошева 2003], как тип коммуникативного взаимодействия [Винокур Т. 1998].

Однако еще в трудах Л.В. Щербы содержится указание на возможность функционального, коммуникативно-прагматического понимания диалога: диалог образуется «из взаимных реакций двух общающихся между собой индивидов, реакций нормально спонтанных, определяемых ситуацией или высказыванием собеседника» [Щерба 1957: 115]. Иными словами, диалог —

это прежде всего объект функциональный, что отражено, например, в определении Т.В. Матвеевой: «Разговорный диалог или полилог представляет собой функциональный объект, состоящий из ряда реплик коммуникантов, каждая из которых обусловлена ситуативно и влияет на следующую реплику речевого партнера» [Матвеева 2018: 92].

Также коммуникативно ориентированное понимание диалога как интеракции людей, обусловленной условиями речевого общения, отражено в концепции Д.И. Изаренкова: «Диалог — есть акт непосредственного общения двух людей, протекающего в форме перемежающихся ситуативно обусловленных речевых действий (поступков), возникающий по инициативе одного из них (говорящего) в процессе его деятельности в тот момент, когда обстоятельства этой деятельности создают перед ним проблему, которую он может (или считает целесообразным) решить путем вовлечения в эту деятельность другого компетентного, с его точки зрения, лица (собеседника), в силу чего их общение развивается в направлении разрешения данной проблемы и угасает либо с ее разрешением, либо тогда, когда говорящий убеждается в неспособности (или нежелании) собеседника к ее разрешению» [Изаренков 1986: 15]. Ср. также определение диалога Т.Н. Колокольцевой, которая трактует его как «форму активного коммуникативного взаимодействия двух или более субъектов, материальным результатом которого является образование специфического дискурса, состоящего из последовательности реплик. При этом один из субъектов может носить интегрированный, полимодальный характер, т.е. быть представленным группой лиц» [Колокольцева 2001: 36].

Итак, мы видим, что диалог необходимо определять как феномен комплексный — речевой, мыслительный, структурный, функциональный, коммуникативный. Эта комплексность в современной науке о языке находит свое выражение в понятии «дискурс» [Ван Дейк 1989; Макаров 2003 и др.]. В современном понимании диалог рассматривается именно как вид (тип) дискурса (диалогический дискурс в противопоставлении монологическому и

внутреннему). Это отражено, например, в определении С.А. Ремизовой: «Диалог — это тип дискурса, результатом которого является текст, создаваемый в определенной коммуникативной ситуации совместными усилиями двух коммуникантов с большей или меньшей общностью «картины мира», каждый из которых руководствуется своими целями, но при этом имеет более или менее четкое представление о целях собеседника» [Ремизова 2001: 36].

Диалогическое взаимодействие как особый тип дискурса рассматривается в работах [Колокольцева 2001; Федотова 2006; Борисова И. 2009; Кудрявцев 2014; Матвеева 2014 и др.]. Так, Т.Н. Колокольцева под *диалогическим дискурсом* понимает «результат совместной коммуникативной деятельности двух или более индивидуумов, включающий помимо собственно речевого произведения определенный набор экстралингвистических признаков (конситуативные показатели, определенные пресуппозиции и т.п.)» [Колокольцева 2001: 36]. И.Н. Борисова определяет его как «эмпирически наблюдаемый и фиксируемый в тексте поток речевого поведения коммуникантов» [Борисова И. 2009: 10]. Именно последнего, дискурсивного понимания диалога мы и будем придерживаться в настоящей работе.

Типология диалогического взаимодействия. Отмеченная выше сложность и многоаспектность организации диалогического взаимодействия делает возможными разные подходы к классификации диалогического дискурса: «Диалогические дискурсы могут классифицироваться по целому ряду оснований; по социолингвистическим, психолингвистическим, коммуникативно-прагматическим, тематическим и др.» [Колокольцева 2001: 37].

Самой простой классификацией типов диалогического взаимодействия является их подразделение на устные и письменные, или, в терминологии Т.Н. Колокольцевой, на первичные (естественные) и вторичные (воспроизведенные художественными или иными средствами) [Колокольцева 2001: 42]. В науке также существуют формально-структурные классификации диалога по

количеству участников, по количеству тем и пр. [Ухова 2014; Колокольцева 2001].

В целях нашего исследования наибольший интерес представляют классификации диалогов по коммуникативно-прагматическим основаниям. Это, например, деление диалогов в зависимости от разных сфер коммуникации и ее типов: личные и публичные; официальные и неофициальные; бытовые, производственные, научные и учебные, личностно ориентированные и статусно-ролевые (институциональные) [Колокольцева 2001; Карасик 2000 и 2003; Адмони 2004 и др.]. По характеру коммуникативной направленности диалоги можно подразделять на диалоги-сообщения, диалоги-обсуждения и диалоги-беседы [Валюсинская 1979: 306]; на диалоги-беседы, диалоги-споры, диалоги-дискуссии, диалоги-обсуждения, диалоги-аргументации, диалоги-переговоры, диалоги-интервью, диалоги-расспросы, диалоги-допросы и пр. [Ремизова 2001], на диалоги диктальные (информативные) и модальные, которые подразделяются на полемические и унисонные [Балаян 1971]; на информативные, рескриптивные, дискуссионные, регулятивные, праздноречевые (т.е. фатические) [Арутюнова 1992; 52-53]. По интенциям коммуникантов различаются диалоги аффилятивные (экспрессивная макроинтенция); диалоги-интервью (эвристическая макроинтенция); интерпретационные (координативная макроинтенция); инструментальные (регулятивная макроинтенция) [Сухих 1998: 14-15]. По характеру ролей коммуникантов Т.Г. Винокур выделяет диалоги равных и неравных [Винокур Т. 1984]. По целеориентированности различают диалоги одноцелевые (звонок в справочную службу) и многоцелевые [Колокольцева 2001: 43].

Ниже мы более подробно рассмотрим только две классификации диалогического взаимодействия, важные в целях нашего дальнейшего исследования. Первая из них отражает два противоположных типа взаимоотношений коммуникантов исходя из подлинных целей коммуникации: это коммуникация с целью обмена информацией, которая так и называется — информативная коммуникация, и коммуникация, направленная на собственно поддержа-

ние общения, которая именуется фатической; она выступает как «средство установления определенных отношений между говорящим и слушающим» [Винокур Т. 1993: 15]. Посредством фатического речевого общения собеседники осуществляют поддержание контакта, т.е. реализуют «общение ради общения» [Федорова и др. 2007]. Об этом в свое время писал Р.О. Якобсон: «Существуют сообщения, основное назначение которых — установить, продолжить или прервать коммуникацию, проверить, работает ли канал связи (“Алло, вы меня слышите?”), привлечь внимание собеседника или убедиться, что он слушает внимательно (“Ты слушаешь?” или, говоря словами Шекспира, “Предоставь мне свои уши!”), а на другом конце провода: “Да-да!”). Эта направленность на *контакт*, или, в терминах Малиновского, *фатическая* функция, осуществляется посредством обмена ритуальными формулами или даже целыми диалогами, единственная цель которых — поддержание коммуникации» [Якобсон 1975: 194].

Разграничение «фатики» и «информации» рассматривается Т.Г. Винокур как различие в реализации «разных коммуникативных намерений говорящего и слушающего» [Винокур Т. 1993], или двух полярных речевых замыслов при вступлении в речевое общение. Фатика — это вступление в общение, имеющее целью само общение, а главным коммуникативным намерением говорящего в фатических диалогах является удовлетворение потребности в общении — кооперативном или конфликтном, с разными формами, с разной степенью близости между коммуникантами, с разной эмоциональной тональностью и пр. Информатика — это вступление в общение с целью что-то сообщить адресату. Как показывает наш материал, большинство интересующих нас случаев манипулятивной коммуникации, представленных в корпусе собранных нами примеров, принадлежат в целом именно к фатическому типу диалогической коммуникации.

Вторая классификация диалогического взаимодействия, важная в целях нашего исследования, — это деление типов диалога в соответствии с соблюдением или несоблюдением участниками речевого взаимодействия принципа

кооперации [Падучева 1982; Грайс 1985]. Прежде всего это различие между кооперативными диалогами и диалогами конфликтными [Макаров 2003], которое, в классификации Е.М. Галкиной-Федорук, имеет вид оппозиции между диалогом-синтезом и диалогом-противоречием [Галкина-Федорук 1958], или, в другой терминологии, диалог–унисон и диалог — эмоциональный конфликт (ссора) [Соловьева 1965]. Более развернутой является эта классификация в работах И.Н. Борисовой: «Наблюдение за динамикой взаимной ориентации речевого поведения участников диалога делает возможным выявление степеней коммуникативной координации речевого поведения, на основании которых выделяются базовые модальные координативные типы диалогов: консентный, конформный, полемичный и конфликтный» [Борисова И. 2009: 246]. В работах [Радбиль 2017; Кузнецов 2020] представлена двухуровневая трехкомпонентная типология: коммуникация делится на кооперативную и некооперативную; последняя в свою очередь подразделяется на конфликтную (вербально-агрессивную) и манипулятивную.

1.1.3. Диалогическое единство как структурная, функциональная и коммуникативная единица диалогического дискурса

Выделяя феномен диалога как явления целостного (структурного, функционального и коммуникативного), ученые неизбежно приходят к проблеме выявления его устройства, обнаружению единиц диалога: «В лингвистике существуют формально-структурный и функционально-прагматический подходы к вычленению коммуникативных единиц. Оба подхода учитывают диалогический характер коммуникативного события» [Борисова И. 2009: 17].

Итак, каковы же эти минимальные отрезки, на которые условно делится континуум диалогической речи в коммуникативной деятельности индивидов? По этому вопросу существуют разнообразные мнения. Академик В.В. Виноградов использовал понятия «система реплик» и «диалогическое объединение» [Виноградов 1980: 160–161]. Т.Г. Винокур применяла термины

«диалогический минимум» или «смысловое целое» [Винокур Т. 1998: 120]. Также используется термин «коммуникативный блок» [Бизева 2000] и т.д. И.Н. Борисова предлагает минимальную «двухчастную, диалогическую по своему строению единицу» — *интеракцию*, или *минимальный микродиалог* [Борисова И. 2009: 18]. Л.Л. Федорова называет эту единицу «акт речевого взаимодействия (АРВ)». Это однократный обмен речевыми действиями между участниками диалога, взаимонаправленные акцию и реакцию [Федорова и др. 2007].

В настоящее время общепринятым терминосочетанием, называющим минимальную единицу диалогического взаимодействия, считается «диалогическое единство», который ввела в научный оборот Н.Ю. Шведова [Шведова 1960: 69]. Именно оно используется большинством ученых [Святогор 1967; Валюсинская 1979; Изаренков 1979; Депутатова 2004; Казаковская 2004; Мартыненко 2005; Плотникова 2012; Масленников 2017 и др.].

По Н.Ю. Шведовой, диалогическое единство — «такое сочетание реплик диалога, в которых эти реплики связаны в единое целое, по определенным правилам, а именно, по линии синтаксического подчинения... [Шведова 1960: 282]. Диалогическое единство обладает свойством смысловой завершенности (интегративности) [Борисова И. 2009] и коммуникативной замкнутости, которая проявляется в следующем: «Речевая акция всегда ориентирована вперед, то есть на развитие диалога. Речевая же реакция ориентирована на предшествующее высказывание, и создается впечатление, что она замыкает процесс коммуникации» [Косогорова 2006: 47].

А.Н. Баранов и Г.Е. Крейдлин рассматривают *минимальную диалогическую единицу* (МДЕ) как последовательность реплик двух участников диалога — адресанта и адресата — характеризующуюся следующими особенностями: 1) все реплики в ней связаны единой темой; 2) она начинается с абсолютно независимого и кончается абсолютно зависимым речевым актом; 3) в пределах этой последовательности все отношения иллокутивного вынуждения и самовынуждения выполнены; 4) внутри данной последовательности не

существует отличной от нее подпоследовательности, которая удовлетворяла бы условиям 1)–3) [Баранов, Крейдлин 1992: 94]. В «Словаре лингвистических терминов» под редакцией Т.В. Жеребило диалогическое единство трактуется как «последовательность взаимосвязанных реплик, которые объединены: 1) накоплением информации по данной теме; 2) мотивированностью форм; 3) сцеплением, опорой на предыдущую или последующую реплики» [Жеребило 2010: 92].

Обмен репликами в диалогическом единстве выступает как реализация определенных интенциональных состояний коммуникантов [Серль 1986а и 1986б] и может иметь определенную эмоциональную тональность, выражать настроения собеседников. Отсюда базовым понятием в коммуникативно-прагматическом подходе к диалогическому единству является понятие **иллюкутивного вынуждения** [Баранов, Крейдлин 1992], когда «тип реакции в большей или меньшей степени задается самим речевым стимулом, программируется им» [Арутюнова 1970: 45]. Также вторая реплика зависима от первой в смысловом и формальном отношении, тогда как первая реплика обладает свойством **коммуникативной заданности**: «В основе коммуникативной заданности инициальных (вопросительных) реплик лежит побуждение к общению определенной информации (к речевому действию)» [Косогорова 2006: 62]. В результате между репликами в составе ДЕ имеются отношения прагматической, логической, семантической, структурной, интонационной и ситуационной (экстралингвистической) связности.

В классическом, восходящем еще к работам Н.Ю. Шведовой понимании диалогическое единство является исключительно **двучленным** [Балаян 1971; Баделина 1997; Ремизова 2001; Косогорова 2006 и др.]. Это представлено, например, в таких трактовках: «... мы исходим из классического представления о диалогическом единстве, согласно которому диалогическое единство состоит из двух реплик — реплики-акции (РА) и реплики-реакции (РР), — объединенных в одно структурно-семантическое целое на основе общности темы и взаимозависимости реплик» [Баделина 1997: 48]; «... эле-

ментарным звеном диалога является взаимодействие двух реплик — стимулирующей (инициирующей) и реагирующей (ответной), которые образуют основной элемент диалога — так называемое диалогическое единство» [Косогорова 2006: 46]; «Диалогическое единство — это единица диалогической речи, состоящая из одной инициативной реплики (стимул) и одной реактивной (реакция)» [Масленников 2017: 230].

Однако далеко не все ученые ограничиваются при квалификации ДЕ только двумя членами. Так, И.П. Святогор говорит о единствах трехчленных («инициатива» — «ответ» — «обратная связь») и многочленных, основанных на структурной обусловленности реплик [Святогор 1967]. Л.М. Михайлов выделяет двух-, трех-, четырех-, пяти-, шести- и даже семичленные единства на том основании, что коммуникативная завершенность может быть присуща речевому взаимодействию, представленному больше, чем двумя репликами говорящего и адресата [Михайлов 1986]. Н.И. Гастева предлагает выделять полисоставные диалогические единства, которые выступают как тематическое и структурное развитие иницирующей реплики [Гастева 1990]. В этой связи С.А. Ремизова справедливо предлагает различать простые (двучленные) и сложные единства [Ремизова 2001: 62–63].

Забегая вперед, отметим, что в нашем материале в основном представлены двучленные ДЕ, хотя в ряде случаев мы сталкиваемся с анализом ДЕ с большим количеством членов.

Типология диалогических единств. Во многих отношениях прототипической разновидностью диалогического единства принято считать так называемое «**вопросно-ответное диалогическое единство**», где «основной функцией стимулирующей реплики является запрос информации, а реагирующей реплики — выполнение ответа» [Масленников 2017: 230]. Однако понятно, что только к этому типу нельзя свести все возможные виды ДЕ. Так, если опираться на три типовые цели высказывания, выраженные в синтаксисе предложения — сообщение, побуждение и вопрос, то можно выделить,

соответственно, и три разновидности ДЕ: побудительные, вопросительные, «нейтральные» [Баделина 1997: 49].

Боле точной в этом плане представляется классификация, в которой учитывается коммуникативная направленность обеих реплик, которые могут не совпадать по своей иллокутивной силе. Так, по соотношению инициальной и реактивной реплик можно выделить следующие диалогические единства: (1) *вопрос — ответ*, когда основной функцией стимулирующей реплики является запрос информации, а реагирующей реплики — выполнение ответа; (2) *сообщение — сообщение*, когда стимул-сообщение представляет собой информирование другого человека (собеседника) о своих мыслях, решениях, ощущениях и т. д.: такой тип выступает в двух разновидностях: *сообщение — согласие* и *сообщение — возражение*; (3) *побуждение — реакция на побуждение (выполнение / отказ от выполнения)* [Масленников 2017: 230]. На этом основании С.А. Ремизова предлагает уточненную и расширенную классификацию ДЕ: «(1) сообщительно-сообщительное; (2) сообщительно-побудительное; (3) сообщительно-вопросительное; (4) побудительно-сообщительное; (5) побудительно-побудительное; (6) побудительно-вопросительное; (7) вопросительно-сообщительное; (8) вопросительно-побудительное; (9) вопросительно-вопросительное» [Ремизова 2001: 64].

«Новый словарь методических терминов и понятий» приводит обобщенную классификацию, которая уже включает 16 разновидностей ДЕ по соотношению инициальной и реактивной реплик: (1) сообщение-сообщение, (2) сообщение-вопрос, (3) сообщение-побуждение, (4) сообщение-восклицание, (5) вопрос-сообщение, (6) вопрос-вопрос, (7) вопрос-побуждение, (8) вопрос-восклицание, (9) побуждение-сообщение, (10) побуждение-вопрос, (11) побуждение-побуждение, (12) побуждение-восклицание, (13) восклицание-сообщение, (14) восклицание-вопрос, (15) восклицание-побуждение, (16) восклицание-восклицание [Азимов, Щукин 2009: 61 — приводится по: Масленников 2017: 231].

Реплика в составе диалогического единства. Диалогическое единство состоит из более мелких структурных элементов, которые в диалоговедении принято называть «**реплики**». Н.Ю. Шведова трактует реплики как «высказывания, которыми обмениваются участники диалогического общения и которые естественно порождаются одно за другим в процессе разговора, в связи с чем они всегда связаны по смыслу и интонации, а в определенных случаях также и собственно формальными средствами» [Шведова 1960]. И.П. Святогор определяет реплику как единицу диалогической коммуникации, характеризующуюся «относительной смысловой и формально-грамматической законченности» [Святогор 1967].

Реплика структурно и функционально не равна предложению, потому что может состоять из нескольких предложений, а самое главное — она не обладает коммуникативной самостоятельностью. В лингвофилософском плане реплику можно соотнести со специфическим, расширенным пониманием высказывания в концепции М.М. Бахтина [Бахтин 1986]. В соответствии с таким пониманием реплика — это «все сказанное одним собеседником в промежутке между двумя такими же репликами второго собеседника» [Ремизова 2001: 59]. В.И. Лагутин также рассматривает реплику как «цепочку высказываний-предложений (или как одно предложение) одного из собеседников, продолжающуюся до тех пор, пока она не прервется речью другого собеседника или концом диалога» [Лагутин 1991: 10].

Согласно И.П. Святогору, «реплика создается в процессе непосредственного двустороннего обмена мнениями, для целей такого обмена, поэтому она имеет двустороннюю коммуникативную направленность — на предшествующую речь или ситуацию речи и на вызов нового высказывания собеседника» [Святогор 1967: 6]. Последнее обстоятельство отсылает нас к проблеме коммуникативной функции реплик в диалоге, их роли в создании целого — диалогического единства.

Главное членение реплик с точки зрения выполнения ими противонаправленных коммуникативных функций в диалоге — это разграничение ре-

плики-стимула (реплики-акции) и реплики-реакции. Функция реплики-акции заключается в выражении воздействия на адресата с целью побудить его к ответному вербальному или невербальному действию за счет открытого для распознавания адресатом коммуникативного намерения. Функция реплики-реакции состоит в выражении реакции собеседника на оказанное воздействие. Реплика-акция содержит средства проспективной связности (прагматической, семантической и структурной) — сигналы, требующие от ответа определенных слов, формы или структуры. Реплика-реакция содержит средства ретроспективной связности (прагматической, семантической и структурной) — языковые и внеязыковые маркеры, отсылающие к инициальному высказыванию.

Дальнейшая классификация реплик-акций и реплик реакций, как правило, в диалоговедении строится по отдельности. Предельно общая классификация реплик-стимулов предлагается в словаре Т.В. Жеребило: 1) вопрос, требующий ответа; 2) побуждение к действию; 3) высказывание, инициирующее тему, нуждающееся в уточнении или пояснении, экспрессив (речевой акт, выражающий эмоции говорящего) [Жеребило 2010: 304].

Вопросительные реплики можно делить на справочный вопрос, вопрос-просьба, любезный вопрос, стратегический (конфликтный) вопрос, экзаменуемый вопрос, вопрос-побуждение (включая вопросы-приказы, вопросы-предложения, вопросы-приглашения и пр.) [Ремизова 2001: 156–157]; на вопросы диктумные (диктальные), обращенные к запросу сведений об объективной реальности, и модусные (модальные), обращенные к запросу сведений о внутреннем состоянии адресата [Казаковская, Хохлова 2015: 408–409].

Побудительные инициирующие реплики можно делить на (1) стимулирующие реплики побудительной семантики, маркированные по признаку **индикация высокой степени возможности исполнения каузируемого действия**: приказ, команда, указание, распоряжение, заповедь, наказ, повеление, поручение, заказ, разрешение, инструкция, рецепт; (2) стимулирующие реплики побудительной семантики, маркированные по признаку **индикация**

высокой степени побудительной причины каузируемого действия: просьба, убеждение, уговаривание, упрашивание, увещевание, мольба, требование, наставление, поучение; (3) стимулирующие реплики побудительной семантики, маркированные по признаку **индикация пригодности для Агенса каузируемого действия / воздерживания от действия:** совет, рекомендация, предостережение, угроза, предупреждение, предложение, приглашение [Депутатова 2004].

Реплики-реакции делятся на ответные реплики-подхваты, реплики-повторы и др., а также реплики-противоречия, согласия, добавления, реплики, сопровождающие тему, переводящие тему в другую плоскость [Валюсинская 1979: 306]; на разъяснение, добавление, возражение, согласие, оценка [Винокур Т. 1998]; на ответ на вопрос, переспрос, выражение согласия / несогласия, возражения, допущения, опровержения, отказа; уточнение, пояснение или комментарий к первой реплике [Жеребило 2010: 304].

Сложную классификацию реплик-реакций по пяти разным основаниям предлагает С.А. Ремизова: реагирующие ответные реплики делятся на вербальные и невербальные; изоморфной структуры и неизоморфной структуры; достаточно информативные, избыточно-информативные, недостаточно-информативные и неинформативные; полностью или частично соответствующие, не соответствующие интенции иницирующей реплики; предупредительные, унисонные, стратегические (конфликтные), умышленное молчание [Ремизова 2001: 156–157].

В работах Л.Л. Федоровой [Федорова и др. 2007] предложена единая классификация акций и интеракций через призму специфики речевого воздействия. Выделяется пять базовых типов воздействия:

- (1) социальные воздействия;
- (2) волеизъявления;
- (3) информативные воздействия;
- (4) оценочные воздействия;
- (5) эмоциональные воздействия.

По каждому из этих пяти параметров классифицируются как реплики-акции, так и реплики-реакции. Для удобства восприятия типология Л.Л. Федоровой ниже представлена в табличной форме (см. **Табл. 1.1**).

Таблица 1.1.

Сводная классификация реплик-акций и реплик-интеракций в диалоге

Типы речевого воздействия	Реплики-акции	Реплики-реакции
Социальные воздействия (фатические акты)	<i>приветствия</i> <i>прощания</i> <i>представления</i> <i>благодарности</i> <i>извинения</i> <i>прощения</i> <i>соболезнования</i> <i>обязательства</i> <i>(обещания, клятвы, присяги, поручительства)</i>	= реплики-акции <i>приветствия</i> <i>прощания</i> <i>представления</i> <i>благодарности</i> <i>извинения</i> <i>прощения</i> <i>соболезнования</i> <i>обязательства</i> <i>(обещания, клятвы, присяги, поручительства)</i>
Волеизъявления	<i>приказ</i> <i>повеление</i> <i>призыв</i> <i>агитация</i> <i>убеждение</i> <i>совет</i> <i>предложение</i> <i>просьба</i> <i>просьба о разрешении</i> <i>пожелание</i>	<i>отклик</i> <i>согласие</i> <i>несогласие</i> <i>возражение</i> <i>отказ</i> <i>разрешение</i> <i>запрет</i>

Информативные воздействия	<i>запрос информации</i> <i>выяснение</i> <i>уточнение</i> <i>то есть-вопрос</i> (он может рассматриваться и как во- леизъявление — просьба дать информацию) <i>информирование</i> <i>сообщение</i> <i>указание</i> <i>инструкция</i> <i>разъяснение</i> <i>спор</i>	= реплики-акции <i>запрос информации</i> <i>выяснение</i> <i>уточнение</i> <i>то есть-вопрос</i> (он может рассматриваться и как воле- изъявление — просьба дать информацию) <i>информирование</i> <i>сообщение</i> <i>указание</i> <i>инструкция</i> <i>разъяснение</i> <i>спор</i>
Оценочные ре- чевые воздейст- вия	<i>порицание</i> <i>осуждение</i> <i>похвала</i> <i>одобрение</i> <i>обвинение</i> <i>защита</i> <i>оправдание</i>	= реплики-акции <i>порицание</i> <i>осуждение</i> <i>похвала</i> <i>одобрение</i> <i>обвинение</i> <i>защита</i> <i>оправдание</i>
Эмоциональные речевые воздей- ствия	<i>оскорбление</i> <i>угроза</i> <i>насмешка</i> <i>ласка</i> <i>одобрение</i> <i>утешение</i> <i>признание вины</i> <i>покаяние</i>	= реплики-акции <i>оскорбление</i> <i>угроза</i> <i>насмешка</i> <i>ласка</i> <i>одобрение</i> <i>утешение</i> <i>признание вины</i>

		<i>покаяние</i>
--	--	-----------------

В целом охарактеризованные в настоящем разделе 1.1 формально-структурные, функциональные и коммуникативно-прагматические особенности диалогического взаимодействия присущи всем его видам. Однако в целях нашего исследования важно, что указанные особенности имеют специфичный характер проявления применительно к такому особому, в определенном смысле слова искусственному (вторичному) типу диалога, как диалог художественный.

1.2. Диалог в художественном тексте

В соответствии с концепцией нашего исследования мы предполагаем сопоставить модели манипулятивной диалогической коммуникации в устной речи и в дискурсе художественного типа. Для этого на теоретическом этапе исследования необходимо определить особенности художественного диалога, выявить его сходства и различия с диалогом спонтанным, порождаемым в естественной устной речи. Этому и посвящен раздел 1.2 настоящей работы.

1.2.1. Диалог художественный и естественный: проблема разграничения

Диалог художественный, в ряду с другими вторичными диалогическими жанрами (научным, философским, религиозным и пр.), изучался еще в античной философской и риторической традиции. Огромный вклад в его изучение внесла классическая немецкая филология, согласно которой вторичные диалоги можно подразделять на «поэтические», обладающие образностью, и «прозаические», которые делятся на теоретико-познавательные (на-

учные, «сократические») и философские (обиходно-разговорный и характерологические) [Гельгардт 1971: 32–33].

В отечественном языкознании огромную роль в изучении особенностей диалогического взаимодействия в художественной речи сыграли основополагающие работы М.М. Бахтина, Г.О. Винокура, В.В. Виноградова, М.Б. Борисовой и др. [Борисова М. 1956; Винокур 1959; Бахтин 1979 и 1986; Виноградов 1980]. Ср., например, известное положение академика В.В. Виноградова о том, что «речь художественных произведений складывается из разных типов монолога и диалога, из смешения многообразных форм устной и письменной речи» [Виноградов 1980: 40]. В современном отечественном языкознании художественный диалог анализируется в работах [Голованева 2013; Садикова 2015; Хисамова 2015; Масленников 2017 и др.].

Вполне естественным выглядит положение о том, что диалог художественный по своему строению и языковому воплощению должен в целом соответствовать обычному диалогу в устной речи. Ведь оба сопоставляемых типа диалога развиваются по законам речевой деятельности, которые едины для всех носителей языка. Как пишет И.В. Лагутин, «в основе реального и художественного диалогов лежит единый опыт человеческого общения, накопленный в течение многих лет, имеющий определенные формы и закономерности в каждый период развития общества» [Лагутин 1991: 35]. Последнее обстоятельство приводит к определенным аналогиям между моделями коммуникации для естественного диалога и диалога художественного.

Не случайно именно в диалоге (в прозе и драме) максимальным образом отражены особенности обыденной коммуникации, устно-разговорной речи носителей языка. В отличие от других форм выражения «чужой» речи (прямой и несобственно-прямой речи, косвенной речи) в художественных текстах диалог как бы в чистом виде отражает стихию разговорной речи. В нем фиксируются интонации, присущие живой речи людей. Зачастую в диалоге представлены разнообразные просторечные, разговорные, диалектные и жаргонные речевые особенности, широко и разнообразно применяются язы-

ковые средства оценки, эмоционально-экспрессивные единицы естественного языка.

Однако художественный диалог имеет и свою специфику, в каком-то плане существенно отличается от диалога в обыденной коммуникации. Эти отличия целиком и полностью определяются двойственной, диалектически противоречивой природой диалога в художественной речи. С одной стороны, художественная диалогическая речь предполагает обработанность ее автором, т.е. это всегда — отражение письменной формы существования языка, а, с другой стороны, — эта речь необходимо основана на живой разговорной речи, как бы воспроизводит, имитирует живую разговорную речь.

Исследователи в подобных случаях говорят о таком свойстве художественного диалога, как **миметичность**. Мимесис — это художественно значимое подражание реальности. Художественный диалог также подражает естественно-языковому диалогу, но, конечно, ему не тождествен. К.А. Долинин пишет о том, что «.....художественная литература всегда отражала и отражает подлинную разговорную речь не «один к одному», а сугубо условно. Диалоги действующих лиц в прозе и в драматургии не фотография, а творческий процесс, порой достаточно далекий от оригинала» [Долинин 1985: 230].

Таким образом, существенные коммуникативно-прагматические особенности художественного диалога в отличие от естественного как раз связаны с письменным характером художественного диалога, обуславливающим обдуманность художественного диалога, а также его завершенность.

Высокая степень автоматизированности устно-разговорной речи и появление в ней стереотипных конструкций, стандартизирующей речь, вступают в противоречие со свойственной художественной литературе поисками точного изобразительного средства. Автор художественного текста воспроизводит живую разговорную речь, что само по себе свидетельствует о том, что это воспроизведение не есть абсолютное повторение всего того, что есть в живой разговорной речи. Принципы непрямого отражения особенностей разговорной речи в составе художественного текста следует искать в тех требованиях, кото-

рые накладывает художественный текст. Не все «говоримое» в живой разговорной речи может быть отражено в художественном тексте.

Отличия художественного диалога от естественного лежат и в области интенциональной. Как утверждает В.А. Садикова, «надо учитывать противоположную направленность дискурса в бытовом диалоге и диалоге художественном: если диалог бытовой есть следствие сложившейся ситуации и интенций говорящих, то диалог художественный эстетически самоценен и сам каузирует дискурс, является его причиной» [Садикова 2015: 20]. Ср. мысль И.В. Лагутина: «В фиктивных диалогах персонажей совершаются речевые акты подобно реальному диалогу в жизни, в сущности же речевые акты персонажей есть средство выражения интенций автора» [Лагутин 1991: 89].

Художественные диалоги имеют свою специфику и в связи с различиями в роде литературы — проза, драма, поэзия. Поэтические диалоги наиболее далеко отстают от диалогов естественных, их «сделанность», «сотворенность» очевидны, часто в них диалог является лишь формальным, когда просто на разные голоса разбивается речь «лирического героя» [Введение в литературоведение 2006].

Диалоги в драме, напротив, внешне наиболее похожи на естественные диалоги. Однако и здесь можно видеть существенные различия. Эти различия четко формулируются в диссертационном исследовании М.А. Голованевой: «Специфика драматургического диалога (в сравнении с наиболее близким к нему разговорным диалогом) обуславливается следующими свойствами: 1) монологизацией реплик персонажей; 2) моноцентричностью (принадлежностью только автору) замысла; 3) наличием общественно обусловленного когнитивного диссонанса между коммуникантами; 4) минимумом резких тематических переходов; 5) неспонтанным характером драматургического диалога» [Голованева 2013: 13].

Именно отсутствие спонтанности приводит и к языковым различиям, которые обусловлены строгим отбором языковых средств связности реплик в драматическом диалоге. Диалоги в драме эстетически оформлены, так как

они предназначены для раскрытия образов героев, их внутренних переживаний, а также играют роль в развитии конфликта, в сюжете и фабуле произведения: «Драматург для смысловой связи в диалогических единствах использует лексические и синтаксические средства, а именно слова-повторы, тематические группы слов, контекстуальные синонимы и антонимы; в синтаксисе — параллельное построение предложений с повторяющимися союзами» [Масленников 2017: 233].

Ср. характерное в этом плане начало пьесы А.П. Чехова «Вишневый сад», где реплики героев открываются и перемежаются (в скобках — выделено жирным) авторскими ремарками, при этом между репликами отчетливо проявляется эксплицитная и имплицитная связность:

Действие первое . // Комната, которая до сих пор называется детской. Одна из дверей ведет в комнату Ани. Рассвет, скоро взойдет солнце. Уже май, цветут вишневые деревья, но в саду холодно, утренник. Окна в комнате закрыты. Входят Дуняша со свечой и Лопахин с книгой в руке. // **Л о п а х и н .** *Пришел поезд, слава богу. Который час?* // **Д у н я ш а .** *Скоро два. (Тушит свечу.) Уже светло.* // **Л о п а х и н .** *На сколько же это опоздал поезд? Часа на два по крайней мере. (Зевает и потягивается.) Я-то хорош, какого дурака сваял! Нарочно приехал сюда, чтобы на станции встретить, и вдруг проспал... Сидя уснул. Досада... Хоть бы ты меня разбудила.* // **Д у н я ш а .** *Я думала, что вы уехали. (Прислушивается.) Вот, кажется, уже едут.* // **Л о п а х и н (прислушивается).** *Нет... Багаж получить, то да се...* [ССЧ-VII, «Вишневый сад»].

Экспозиция в тексте драмы содержит развернутое описание действия «от автора», чего мы не можем наблюдать в обыденном диалоге, когда обстановка речи естественным образом не вербализована, потому что она по умолчанию известна коммуникантам.

Диалог в прозе имеет наиболее сложную устроенность, что вытекает из художественной установки автора на взаимодействие речи героев и речи повествователя в художественной ткани произведения. По сути, диалоги персонажей тоже можно рассматривать как средство организации целостной сис-

темы авторизации текста, его субъективной модальности, того, что академик В.В. Виноградов называл «образ автора» [Виноградов 1980]. Подчиненность разнообразных реплик персонажей единому композиционно-смысловому центру текста, выражению идеи и проблематики произведения приводит к тому, что и в прозаическом диалоге эффект «сделанности» превалирует над внешним жизнеподобием.

С другой стороны, как показано, например, в работах М.М. Бахтина, позиции героев могут не вполне совпадать с позицией автора, и тогда диалог может служить средством акцентирования этого несовпадения. Тем самым создается эффект напряжения, который служит основой для развития основного конфликта произведения, играет значимую роль в построении сюжета.

С формально-языковой точки зрения в прозаическом диалоге (это отличает его не только от естественного, но и от диалога в драме) возникает структурный элемент, которого нет в обычных диалогах. Это «слова автора», которые прямо отсылают к автору реплики в повествовании. В обыденной речи авторство реплик вытекает из самой ситуации речевого общения, потому что нет «вненаходимого наблюдателя» (М.М. Бахтин), который фиксировал бы смену ролей участников коммуникации, переход права говорить от одного коммуниканта к другому:

*Когда она от нас отошла, тогда **я шепнул** Григорью Александровичу: «Ну что, какова?» — «Прелесть! — **отвечал он.** — А как ее зовут?» — «Ее зовут Бэлою», — **отвечал я** [БВЛ-93, «Бэла»].*

Еще одним очень важным отличием художественного диалога от естественного является практически полное отсутствие в художественном диалоге паралингвистических средств (мимики, жестов, интонации, просодии и пр.). Знаки препинания текста лишь в очень незначительной степени могут компенсировать отсутствие этих эмоционально-экспрессивных средств реальной речи. Поэтому подлинно восполняющую роль играют в этом плане разного рода авторские комментарии, характеристики речи персонажей со стороны (*воскликнул, прошепелявил, гаркнул* и пр.), что невозможно в услови-

ях естественного диалога. Обратим внимание, как нюансирует партитуру диалога система авторских «помет» в следующем тексте:

— *Вот княгиня Лиговская,* — **сказал** Грушиницкий, — *и с нею дочь ее Мери, как она ее называет на английский манер. Они здесь только три дня. //*
— *Однако ты уж знаешь ее имя?* // — *Да, я случайно слышал,* — **отвечал он, покраснев,** — *признаюсь, я не желаю с ними познакомиться. Эта гордая знает смотрит на нас, армейцев, как на диких. И какое им дело, есть ли ум под нумерованной фуражкой и сердце под толстой шинелью?* // — *Бедная шинель!* — **сказал я, усмехаясь,** — *а кто этот господин, который к ним подходит и так услужливо подает им стакан?* [БВЛ-93, «Княжна Мери»].

Различными предстают и коммуникативные условия протекания диалога в художественной и во внехудожественной речи. Если в обыденной коммуникации диалог вписан в непосредственно жизненную обстановку, в реальность (т.е. речь участников диалога и их жизнь как бы осуществляются в разных модусах — речь и реальность), то в художественной прозе диалог также принадлежит миру текста, как и обрамляющие его слова повествователя, т.е. речевое общение и ситуация общения находятся в одном модусе, условно именуемым «художественным миром произведения» [Белая 1983; Падучева 1995; Введение 2006 и пр.], который противостоит модусу существования реального автора — создателя текста.

Поэтому в естественном диалоге если значения пресуппозиций и импликаций, прочей невербальной информации восстанавливаются из внеречевой обстановки, то в прозаическом диалоге они также выводятся из текста, к которому принадлежат и эксплицированные реплики персонажей. Так, в следующем примере повествователь уже в самом повествовании после диалога комментирует, разъясняет смысл происходящего в диалоге:

— *Княжна,* — **сказал я,** — *вы знаете, что я над вами смеялся?.. Вы должны презирать меня. //* *На ее щеках показался болезненный румянец. //* *Я продолжал:* — *Следственно, вы меня любить не можете... //* *Она отвернулась, облокотилась на стол, закрыла глаза рукою, и мне показалось, что в*

них блеснули слезы. //— Боже мой! — произнесла она едва внятно. // Это становилось невыносимо: еще минута, и я бы упал к ногам ее [БВЛ-93, «Княжна Мери»].

Во всем этом можно видеть известную несамостоятельность диалога в прозе, его подчиненность общему замыслу произведения, тогда как диалоги в обыденной коммуникации сиюминутны, автономны и не связаны друг с другом в пространстве некоего единого целого. Художественный текст представляет собой систему взаимосвязанных и разноуровневых компонентов, в число которых входят диалоги [Падучева 1995]. Отдельно взятый естественный диалог тоже представляет собой систему в совокупности с внеязыковой обстановкой речи и условиями его протекания, но он может быть не связан системными отношениями с другими диалогами других людей, в другом месте и в другое время. Кроме того, естественные диалоги, как правило, лишены эстетической ценности.

1.2.2. Прагматика, структура, языковые особенности и функции диалога в художественном тексте

Как пишет Г.Г. Хисамова: «Своеобразие художественного текста как коммуникативно направленного вербального произведения, обладающего эстетической ценностью, заключается в его антропоцентричности, культурологической значимости и способности воплощать в образной форме моделируемую автором особую художественную картину мира» [Хисамова 2015: 34]. В этом плане художественный диалог предстает как продукт одного из самых сложных видов коммуникации — художественно-литературной, субъектами которой, помимо автора и читателя, становятся персонажи [Михайлов 2006: 150–151].

Проблема включения диалога в авторское повествование тесным образом связана с проблемой передачи явлений устной речи в литературных произведениях разных жанров. В языке художественной литературы, как указы-

вает Н.Ю. Шведова, «находят свое отражение самые разнообразные стороны языка, преломленные сквозь призму мировоззрения и мастерства писателя» [Шведова 1960: 134].

Художественная репрезентация речевого взаимодействия в литературном произведении подчинена единству авторского замысла, поэтому ее подобие реальной диалогической речи чисто условное. Согласно Е.В. Падучевой, единство художественного текста обусловлено единством стоящего за ним сознания, субъектом которого является автор — создатель текста [Падучева 1995]. Однако в пределах этого единства автор — создатель текста конструирует ряд не совпадающих друг с другом позиций, точек зрения, которые находятся друг с другом в сложных взаимоотношениях — «голосов», в терминологии М.М. Бахтина [Бахтин 1986]. Это очень похоже на партитуру в оркестре, когда разные инструменты ведут разные линии в пределах единого многоголосного музыкального произведения.

Текстовой проекцией автора — создателя выступает повествователь, от лица которого ведется повествование. Он же является субъектом «слов автора», которые размечают диалоги персонажей — сигнализируют о том, кому принадлежит та или иная реплика. Также в тексте имплицитно может присутствовать и позиция адресата, которая выводится из ряда языковых средств адресованности и проявляется, например, в лирических отступлениях и прочих авторских вкраплениях в изображаемое. Наконец, в тексте имеются и «голоса» персонажей, которые как раз, за исключением моментов «внутренней речи», реализованы в диалоге.

За собственно языковое воплощение разных позиций в художественном тексте отвечают, по мнению Е.В. Падучевой, разные функции и значения «эгоцентрических элементов» (*я, ты, там, здесь, сейчас, тогда, это, вот, вводные слова, частицы* и пр.), которые ученый описывает посредством термина «**режим интерпретации**». Постулируется два основных режима интерпретации — **нарративный** (реализованный в повествовании от автора) и «**акторечевой**» (реализованный в диалоге персонажей «от первого лица»). В

своей основной, дейктической функции «эгоцентрики» могут выступать только в режиме акторечевой интерпретации, который максимально приближен к естественной диалогической речи в реальной жизни [Падучева 1995].

Иными словами, *я* или *ты* в диалоге означают персонажа как реального говорящего и его собеседника, как если бы и он тоже был реальным:

— ***Я отгадываю, к чему все это клонится, — говорила мне Вера, — лучше скажи мне просто теперь, что ты ее любишь. // — Но если я ее не люблю? // — То зачем же ее преследовать, тревожить, волновать ее воображение?..*** [БВЛ-93, «Княжна Мери»].

Из всех форм прямой речи, используемых в художественной прозе, диалог в наибольшей степени отражает особенности бытового разговорного языка. В диалоге содержится более разнообразные, чем в авторском повествовании синтаксические конструкции, передающие живые интонации разговорной речи. Диалог подразумевает установку на разговорную речь: большое количество разговорных выражений, просторечий, широкое использование эмоционально-экспрессивной лексики и синтаксических средств (простых и бессоюзных предложений), важная роль интонации. Ср., например, диалог Печорина с главной героиней «Тамани» (в передаче самого Печорина), где выделены сигналы разговорной речи, в том числе навеянные фольклорными мотивами повествования:

— *«**Скажи-ка мне, красавица, — спросил я, — что ты делала сегодня на кровле?**» — «**А смотрела, откуда ветер дует.**» — «**Зачем тебе?**» — «**Откуда ветер, оттуда и счастье.**» — «**Что же? разве ты песнею зазывала счастье?**» — «**Где поется, там и счастливится.**» — «**А как неравно напоешь себе горе?**» — «**Ну что ж? где не будет лучше, там будет хуже, а от худа до добра опять недалеко.**» — «**Кто же тебя выучил эту песню?**» — «**Никто не выучил; вздумается — запою; кому услышать, тот услышит; а кому не должно слышать, тот не поймет.**» — «**А как тебя зовут, моя певунья?**» — «**Кто крестил, тот знает.**» — «**А кто крестил?**» — «**Почему я знаю?**» — «**Экая скрытная! а вот я кое-что про тебя узнал.**» (Она*

не изменилась в лице, не пошевелинула губами, как будто не об ней дело). «Я узнал, что ты вчера ночью ходила на берег» [БВЛ-1993, «Тамань»].

При этом возникает противоречие между необдуманностью устной речи и взвешенностью письменной, ведь писатель тщательно отбирает языковые средства. В целях нашего исследования важно подчеркнуть, что акторечевой режим в художественном тексте только имитирует живую диалогическую речь, но на деле таковой не является: ведь персонаж, субъект *Я* в своей речи, все же является созданием автора, а не реальным живым человеком. И его речь, при всех внешних признаках спонтанности и неподготовленности, таковой на самом деле не является, потому что она есть продукт авторского творчества, как и любой другой момент в тексте. В данной речевой ситуации возникает и третий член, который не является обязательным в обыденной коммуникации, — это сторонний наблюдатель, в роли которого выступает читатель. Именно он является своего рода третейским судьей, в воспринимающем сознании которого воплощается вся система оценок, вообще авторская модальность всего произведения.

Таким образом, настоящим адресатом художественного диалога является читатель, до которого должен дойти определенный момент художественного замысла автора. Тема диалога возникает не стихийно, а по воле автора. Поэтому в художественном произведении реже, чем в действительности, встречаются разговоры, относящиеся к бытовым ситуациям и те части разговора, которые являются данью общественному этикету (приветствия, вопросы о здоровье и т.д.).

Также существенными являются особенности художественного диалога и в **функциональной сфере**. Художественный диалог представляет собой взаимосвязанную систему функций, ядро которых составляют: эстетико-коммуникативная, сюжетообразующая, текстообразующая, характерологическая, оценочная функции [Хисамова 2009]. Это существенным образом отличает его от функций естественного диалога, которые в целом соответствуют стандартным функциям языка, выделенным еще Р.О. Якобсоном [Якобсон 1975]. Иными словами, диалог в художественном тексте обладает рядом спе-

цифических функций, которых нет у обычного диалога: «Установка на объективное изображение действительности приводит писателя к тому, что он выражает себя преимущественно через диалоги персонажей, что способствует объективации повествования: устраняется субъективность рассказчика, доминирует точка зрения и слово героя. Диалог в этом случае обладает высокой степенью информативности: он движет действие, развивает сюжет, выявляет взаимоотношения персонажей, определяя их линию поведения» [Хисамова 2015: 35].

Так, например, характерологическая функция художественного диалога находит свое выражение в языковом воплощении в акторечевом режиме повествования ролевой структуры произведения, внутреннего мира и характера персонажа. «Диалог является способом раскрытия «речевой маски», традиционно понимаемой в качестве характеристики внешнего своеобразия речи и отражающей индивидуальные особенности речевого поведения персонажей» [Введение в литературоведение 2006]. Ср. пример самопрезентации характера Печорина, вынесенной именно в диалогическую речь персонажа:

— Написали ли вы свое завещание? — вдруг спросил Вернер. // — **Нет.** // — А если будете убиты?.. // — **Наследники отыщутся сами.** // — Неужели у вас нет друзей, которым бы вы хотели послать свое последнее прощание?.. // Я покачал головой. // — Неужели нет на свете женщины, которой вы хотели бы оставить что-нибудь на память?.. // — **Хотите ли, доктор,** — отвечал я ему, — **чтоб я раскрыл вам мою душу?.. Видите ли, я выжил из тех лет, когда умирают, произнося имя своей любезной и завещая другу клочок напояженных или ненапояженных волос. Думая о близкой и возможной смерти, я думаю об одном себе: иные не делают и этого. Друзья, которые завтра меня забудут или, хуже, возведут на мой счет бог знает какие небывальщизны; женщины, которые, обнимая другого, будут смеяться надо мною, чтоб не возбудить в нем ревности к усопшему, — бог с ними! Из жизненной бури я вынес только несколько идей — и ни одного чувства. Я давно уж живу не сердцем, а головою. Я взвешиваю, разбираю свои собст-**

венные страсти и поступки с строгим любопытством, но без участия. Во мне два человека: один живет в полном смысле этого слова, другой мыслит и судит его; первый, быть может, через час простится с вами и миром навеки, а второй... второй? Посмотрите, доктор: видите ли вы, на скале направо чернеются три фигуры? Это, кажется, наши противники?.. [БВЛ-93, «Княжна Мери»].

Оценочная функция находит свое выражение в воспроизведении посредством прямой речи персонажей определенной системы оценок, их ценностных позиций, через которые выстраивается и единая ценностная и модальная перспектива всего произведения, отражающая уже эстетические установки самого автора: «Оценочная позиция (точка зрения) — это восприятие и оценка изображаемого (героев, ситуаций, поступков) автором и действующими лицами» [Белая 1983: 386]. Ср, например, диалог, посвященный выражению сходства в жизненных позициях двух близких по духу собеседников — для подтверждения духовного или психологического родства:

*Вот как мы сделались приятелями: я встретил Вернера в С... среди многочисленного и шумного круга молодежи; разговор принял под конец вечера философско-метафизическое направление; толковали об убеждениях: каждый был убежден в разных разностях. // — **Что до меня касается, то я убежден только в одном...** — сказал доктор. // — **В чем это?** — спросил я, желая узнать мнение человека, который до сих пор молчал. // — **В том,** — отвечал он, — **что рано или поздно в одно прекрасное утро я умру.** // — **Я богаче вас,** — сказал я, — **у меня, кроме этого, есть еще убеждение — именно то, что я в один прегадкий вечер имел несчастье родиться** [БВЛ-93, «Княжна Мери»].*

Также диалог в художественном тексте выполняет и композиционную, а именно — сюжетообразующую и текстообразующую функцию, потому что посредством диалогов развивается основной конфликт произведения и сопутствующие сюжетные линии. Часто именно диалогом маркированы ключевые элементы композиции — завязка, кульминация, развязка. Классиче-

ский пример этой функции в диалоге — в сцене дуэли с Грушницким непосредственно перед выстрелом Печорина:

– Грушницкий! — сказал я, — еще есть время; откажись от своей клеветы, и я тебе прощу все. Тебе не удалось меня подурочить, и мое самлюбие удовлетворено; — вспомни — мы были когда-то друзьями...

Лицо у него вспыхнуло, глаза засверкали.

– Стреляйте! — отвечал он, — я себя презираю, а вас ненавижу. Если вы меня не убьете, я вас зарезу ночью из-за угла. Нам на земле вдвоем нет места...

Я выстрелил... [БВЛ-93, «Княжна Мери»].

Динамика характеров персонажей и соответствующее ей движение сюжета нередко завязаны на диалоге, особенно если мы имеем дело с произведениями, в которых присутствует острый драматизм действия и нарастающее психологическое напряжение, которые пронизаны разнообразными конфликтными ситуациями и нагромождением сложных жизненных обстоятельств (что присуще и прозе интересующего нас в целях нашего исследования писателя — Ф.М. Достоевского).

Г.Г. Хисамова резюмирует: «Таким образом, специфика художественного диалога определяется эстетической функцией, способной репрезентировать процесс художественно-образного мышления» [Хисамова 2015: 40]. В художественных диалогах, с одной стороны, отражаются особенности речевого поведения героев, за которыми стоят особенности мировосприятия, идеалы, этические ориентиры и ценностные приоритеты; с другой стороны, в художественных произведениях диалоги являются отражением внутренне противоречивого художественного мира и самого писателя, драматизма его художественного мышления в целом. Не случайно и М.М. Бахтин, характеризуя творческий метод Ф.М. Достоевского, в качестве ведущих его черт называл «полифоничность» и «диалогизм».

1.3. Манипулятивная диалогическая коммуникация в системе других видов речевого взаимодействия

В разделе освещаются общетеоретические проблемы языкового манипулирования сознанием (подраздел 1.3.1), рассматривается типология моделей манипулятивной диалогической коммуникации в речевой практике носителей русского языка (подраздел 1.3.2.), а также обсуждаются приемы «языковой демагогии» (подраздел 1.3.3).

1.3.1. Языковое манипулирование сознанием в теории речевого воздействия

Рассмотрение речевых стратегий, приемов и средств языкового манипулирования представляется в наши дни особенно актуальным в связи с усилением информационного воздействия на общество в целом и его отдельных представителей в современную эпоху. Этой проблематике посвящена, в частности, активно развивающаяся в наши дни теория речевого воздействия [Стернин 2001 и 2003]. В настоящее время проблема языкового манипулирования всесторонне рассмотрена в работах таких исследователей, как [Иссерс 1999; Гронская 2000; Кара-Мурза 2000; Паршин 2000; Пирогова 2002; Чернявская 2006; Баранов 2009; Копнина 2012 и др.].

Так, в работе В.Е. Чернявской языковое манипулирование рассматривается в контексте более широкой проблемы, которую Р.М. Блакар сформулировал как использование языка в качестве «инструмента социальной власти» [Блакар 1987]. Это использование особенностей языка и принципов его употребления с целью скрытого, т.е. неосознаваемого воздействия на адресата в нужном для говорящего направлении. Языковое манипулирование имеет место, когда механизмы непрямого употребления языка применяются говорящим для того, чтобы навязать слушающему определенное представление о

действительности, отношение к ней, эмоциональную реакцию или намерение, не совпадающие с тем, какое слушающий мог бы сформировать самостоятельно [Чернявская 2006]. Иначе говоря, языковое манипулирование — это вид скрытого сознательного коммуникативного воздействия одного человека на другого с целью изменить его представления, отношения или намерения в нужном для манипулирующего направлении, причем, как правило, адресат манипулятивной коммуникации при этом вводится в заблуждение [Пирогова 2002].

Язык вообще неоднозначен и потенциально манипулятивен по своей сути. Поэтому ряд исследователей, в том числе О.С. Иссерс, придерживаются точки зрения, что «всякое использование языка предполагает воздействующий эффект» [Иссерс 1999], хотя не любое воздействие есть манипуляция. Язык представляет манипулятору широкий спектр разнообразных средств и приемов воздействия на адресата, позволяя за счет имплицатур, двусмысленностей, особых когнитивных операций, логико-риторических приемов и других завуалированных средств языковой манипуляции организовать эффективно влияющий на сознание текст таким образом, чтобы факт влияния был незаметен и трудно определим, а адресат сохранил иллюзию самостоятельности сделанных выводов [Чернявская 2006]. В основе языкового манипулирования лежат психологические и психолингвистические механизмы, вынуждающие адресата некритично воспринимать речевые сообщения, способствующие возникновению в его сознании определенных иллюзий, провоцирующие его на совершение выгодных для манипулятора поступков.

По мнению ряда исследователей, манипулятивное воздействие имеет комплексный характер и воздействует на сферу рационального, эмоционального и волевого во внутреннем мире адресата, оно может иметь индивидуальный, групповой и массовый характер [Гронская 2000; Пирогова 2002 и др.]. Комплексный характер языкового манипулирования также проявляется и в том, что оно воздействует на разные уровни речемыслительной организации языковой личности. Иными словами, существуют манипуляции на уров-

не фактическом — разнообразные случаи искажения реальности или неполного информирования, на уровне логическом (концептуальном, мыслительном) — использование нарушений логических закономерностей, на уровне коммуникативно-прагматическом — воздействие на основе отступления от правил речевого взаимодействия, конвенций общения, имплицатур дискурса и иных механизмов имплицитного выражения информации, на уровне собственно языковом — использование лексических, фразеологических, стилистических, морфологических и синтаксических единиц и категорий в целях манипулятивного воздействия [Иссерс 1999; Гронская 2000; Паршин 2000; Пирогова 2002; Чернявская 2006; Баранов 2009; Радбиль 2017 и др.].

Так на уровне подачи фактологической информации П.Б. Паршин выделяет приемы, связанные с целенаправленным преобразованием фактического содержания сообщений и работой с информационным потоком. Многообразие различных способов трансформации содержания можно свести к следующим основным группам техник: **селекция** (от избирательной подачи фактов (например, только «плюс» или «минус» фактов) и выбора тем освещения, до абсолютного умолчания и сокрытия нежелательных тем), **искажение** (также может принимать различные формы от аккуратных преобразований, как минимизация, преувеличение, смещение акцентов или подтасовка фактов, до фальсификации, то есть сообщения заведомо ложной информации), **избирательные способы подачи информации** (к этой подгруппе относятся такие приемы, как отрывочность и избыточность подачи информации, затрудняющие понимание сути; придание статуса новости тому, что ей объективно не является, то есть изначально не представляет интереса для аудитории; особая компоновка тем, позволяющая варьировать предполагаемую читателем значимость сообщений, а также последовательность и момент подачи информации, позволяющий регулировать размер аудитории получателей) [Паршин 2000].

На уровне логических манипуляций выделяют логические уловки (например, ложные допущения, неявные нарушения законов логики, искажение

тезиса, некорректные сравнения, необоснованные генерализации и проч.). Они могут использоваться для псевдологического обоснования ложных утверждений и убеждения адресата в выгодных манипулятору мнениях. Сюда же относятся приемы псевдоаргументации (в том числе софизмы), связанные с нарушением правил тождества и однозначности тезиса, с логическими противоречиями и некорректным применением аргументов (игнорирование условий, ограничивающих верность аргумента, например, преподнесение конкретного факта в виде закономерности) [Гронская 2000; Паршин 2000].

К коммуникативно-прагматическим манипуляциям можно отнести некорректное использование постулатов общения Г.П. Грайса, использование манипулятивных речевых стратегий и тактик (навязывание ложной пресуппозиции, подведение к ложному умозаключению, использование стратегии *de re* (буквально «от реалии», лат.) вместо стратегии *de dicto* (буквально «от сказанного», лат.), некорректное использование метаязыковых операторов и пр.) [Булыгина, Шмелев 1997; Иссерс 1999; Пирогова 2002; Баранов 2009; Радбиль 2017]. Также в эту группу можно условно отнести некорректное использование риторических средств языка и явлений, которые в работах А.Н. Баранова именуются *языковыми преобразованиями: аннулирующие* преобразования, которые «часто приводят к исключению из описания некоторой части положения дел» [Баранов 2009: 106]; *фингирующие* преобразования, «вводящие в описание ситуации некоторых не содержавшихся там изначально персонажей, события и/или предметов» [Баранов 2009: 107]; *индефинитизирующие* преобразования, для которых характерна замена конкретных участников ситуации более обобщенными описаниями, приводящая к неопределенности интерпретации смысла сообщения; *модальные* преобразования, при которых спорное предположение выдается за достоверное знание или наоборот; *эпистемические* преобразования, связанные с манипуляцией в сфере *истина / ложь* [Медведева 2003: 93].

К собственно языковым манипуляциям относятся случаи использования явлений разных уровней языка:

- **лексико-семантические средства:** использование механизмов метафоризации, ложных сравнений, ложной оценочности, приемов амфиболии — обыгрывания многозначности, мелиорации и пейоризации, окказионализмов, эвфемизмов и дисфемизмов, некорректное использование родо-видовых отношений, ложной синонимии и антонимии, а также разного рода эмоционально-экспрессивных средств языка;

- **словообразовательные средства:** использование моделей словообразования диминутивов и размерно-оценочных дериватов, использование способов словосложения и аббревиации, моделей окказионального словообразования и пр.

- **морфологические средства:** использование тех или иных частей речи, например, только существительных, использование экспрессивного потенциала морфологии, в частности, ненормативной реализации грамматических категорий рода, числа, падежа существительного, переходности, залога, вида глагола и пр.;

- **синтаксические средства:** пассивизация и имперсонализация (использование пассивных и безличных конструкций вместо активных), гиперхарактеризация — нагромождение падежей одного типа, обыгрывание разной модальности, сочинение — нанизывание однородных членов и однотипных конструкций, в том числе логически несовместимых, повторы, параллельные конструкции, парцелляция, сегментация, эмфатическая конструкция, умолчание, неполнота предложения, анафора, эпифора и другие средства экспрессивного синтаксиса и т.п. [Паршин 2000; Пирогова 2002; Чернявская 2006; Баранов 2009; Радбиль 2014; Радбиль, Юматов 2014].

В работах П.Б. Паршина также указываются **параграфемические средства:** пунктуационное варьирование — использование и расстановку знаков препинания, шрифтовое варьирование — цвет, размер, кегль и гарнитура шрифта, а также способы шрифтового выделения, цвет шрифта и пр. [Паршин 2009].

В ряде работ в отдельную группу приемов языкового манипулирования выделяются так называемые средства **суггестии** (внушение): повтор, использование номинативных рядов существительных без глаголов, преобладание коротких предложений, эллипсис и умолчание, амплификация — нанизывание однотипных в эмоционально-экспрессивном или оценочном плане единиц с целью достижения эффекта «сгущения», использование сильных позиций текста — заголовка, начала и конца и пр. [Гронская 2000; Паршин 2000; Пирогова 2002].

Все рассмотренные выше речевые приемы манипулятивного воздействия имеют своей целью навязать адресату собственное мнение и / или привлечь адресата на свою сторону. Они далеко не так безобидны. Во-первых, они создают мифологический, искаженный образ реальности, тем самым дезориентируя адресата. Во-вторых, они негативно влияют на систему ценностей адресата, исподволь приводя к ее искажению. В-третьих, они тем самым могут изменять и модели практического поведения адресата в нужную для манипулятора сторону.

Понятие манипулятивного дискурса. Как можно заключить из вышеизложенного, в принципе не существует каких-либо особых, специальных приемов манипулятивного воздействия. Любая логическая операция, коммуникативная стратегия или языковая категория, использованные со специальными целями в соответствующей обстановке речи, могут иметь манипулятивный эффект [Блакар 1987; Иссерс 1999; Паршин 2000; Радбиль 2017 и др.]. Известная доля манипулятивности может иметь место в любой сфере общения, в любой дискурсивной практике — например, в научной деятельности, в педагогике, в бытовом обиходном общении. Однако во всех указанных выше областях отсутствует специальная цель получения выгоды от применения манипулятивных механизмов — они используются лишь как средство для достижения иных, вполне кооперативных целей (победа в научной дискуссии, обучение и пр.).

Однако есть такие особые сферы использования языка, в которых манипулятивные механизмы используются целенаправленно, они могут быть системно реализованы в определенном типе речи, с определенными целями и задачами коммуникации, с определенными типами участников, что в общем и называют дискурсом [КСКТ 1996; Арутюнова 1998; Макаров 2003].

Существуют разные классификации дискурсов. По характеру и направленности речевого взаимодействия можно выделить повествовательный (монологический), вопросно-ответный (диалогический) и императивный (побудительный) типы дискурса. К особой разновидности императивного дискурса можно отнести и дискурс, который условно именуется **манипулятивным** (императивная коммуникативная направленность в нем реализуется в режиме косвенных речевых стратегий, в условиях некооперативного скрытого воздействия на адресата в том плане, что он не должен осознавать истинных целей коммуникации).

Языковые средства, используемые в манипулятивном дискурсе, характеризуются эмоциональной насыщенностью, простотой и правильностью. Особо следует отметить возможность использования всех видов речи — устной и письменной, в сочетании с изображением. Самое существенное отличие манипуляции от убеждения заключается в том, что получатель целенаправленно лишается возможности объективно оценить содержание сообщения.

Другая, пересекающаяся, классификация дискурсов строится на основании предметной области типизированного использования речи, принятой в человеческом сообществе — эта типология уточняет традиционное деление на функциональные стили языка. В работе О.В. Соколовой выделяется особый класс дискурсов «активного воздействия», к которым относится, например, рекламный, политический и отчасти художественный дискурсы [Соколова 2014]. Интересно, что эта классификационное решение имеет практически полное соответствие с типами дискурсов, которые можно охарактеризовать как манипулятивные.

Широкое и узкое понимание манипуляции. Исходя из изложенных выше соображений, как нам кажется, следует различать узкое и широкое понимание языковой манипуляции. Согласно узкому пониманию, к явлениям языкового манипулирования следует относить только такие средства и приемы воздействия, которые обязательно направлены на извлечение говорящим какой-либо выгоды от их применения. Именно подобные стратегии и тактики формируют манипулятивный дискурс в целом.

В широком понимании под языковым манипулированием можно понимать использование любых средств непрямого речевого воздействия, которое направлено на сокрытие от адресата истинной цели говорящего, не обязательно в плане получения им выгоды. Иногда это может делаться и в интересах адресата, так, как их понимает говорящий, разумеется. Именно такого рода манипулятивные «в хорошем смысле» приемы используются в педагогическом дискурсе, в общении доктора и пациента, в некоторых разновидностях правовой или научной коммуникации. Здесь, скорее, речь может идти об умалчивании неких сведений или об избегании неких тем для разговора — с целью обереечь внутренний мир собеседника, не сообщить ему информации, которая будет тому неудобна, неприятна или свяжет какими-то обязательствами. В этих случаях использование манипулятивных техник не идет вразрез с соблюдением принципов коммуникативного сотрудничества или постулатов вежливости и тактичности. Но ряд квалификационных признаков, позволяющих считать и эти речевые приемы манипулятивными, все же, на наш взгляд, сохраняется. Это, например, инициатива говорящего в вольном обращении с фактами, это его коммуникативное доминирование (он берет на себя право решать, как должен думать или чувствовать собеседник, определять, что в интересах собеседника, а что нет — пусть и в «благих целях»), это, наконец, направленность на сокрытие истинной цели высказывания, на неосознанность адресатом самого факта речевого воздействия. В настоящей работе принято именно такое, широкое понимание манипуляции.

Манипуляции как в широком, так и в узком понимании, как следует из изложенного выше, основаны на использовании в принципе одних и тех же диалогических стратегий и тактик. Модели манипулятивной диалогической коммуникации будут рассмотрены в следующем подразделе 1.3.2.

1.3.2. Типология моделей манипулятивного диалогического взаимодействия

Одной из самых подверженных манипулятивному влиянию в мировых и отечественных речевых практиках является форма речевого взаимодействия, которая, в соответствии с современными представлениями в науке о языке, рассматривается как особый тип дискурса — диалогический дискурс [Матвеева 1994; Карасик 2003; Борисова И. 2009]. Это направление связано в научной традиции прежде всего с идеями Т. ван Дейка, который доказывает, что для интерпретации любого типа дискурса, в том числе — диалогического, необходимо учитывать план когнитивной активности человека говорящего, его способность проецировать вовне свои ментальные состояния и активировать ментальные репрезентации [Ван Дейк 1989]. И.Н. Борисова говорит о четырех аспектах диалогического дискурса: коммуникативно-ситуативный, когнитивный, психолингвистический, собственно дискурсивный (речеповеденческий) [Борисова 2009: 9]. Участники диалогического взаимодействия в процессах порождения и понимания реплик осуществляют сложную деятельность, включающую набор необходимых мотиваций (интенциональных состояний), соответствующих им мыслительных операций, коммуникативных стратегий и моделей интеракций, которые получают конвенциональное речевое воплощение [Радбильт 2017 и 2018].

Конвенции диалогической коммуникации могут сознательно или бессознательно игнорироваться, нарушаться говорящими. Тогда мы имеем дело с девиациями в области кооперативности диалога как взаимной установки его участников на коммуникативное сотрудничество на каждом из этапов его

осуществления [Грайс 1985]. В принципе возможны два типа некооперативной диалогической коммуникации — вербально-агрессивная и манипулятивная [Русский язык начала XXI века 2014; Радбиль 2017]. Здесь мы подробнее остановимся на манипулятивной коммуникации. Различные аспекты манипулятивных интеракций и соответствующих им когнитивных состояний коммуникантов именно в диалоге исследуются в работах [Булыгина, Шмелев 1997; Иссерс 1999; Радбиль 2017 и др.].

Как следует из рассуждений выше, в подразделе 1.3.2., потенциально любая манипуляция ориентирована на диалогический отклик, на обратную связь, потому что представляет собой особый вид речевого воздействия на адресата. Однако мы, в целях нашего исследования, полагаем несколько сузить объект анализа, подробнее остановившись лишь на тех моделях манипулятивной коммуникации, которые являются непосредственно **диалогическими** — то есть основаны именно на механизмах диалогических интеракций, так или иначе задействуют принципы коммуникативного взаимодействия между участниками общения, инструменты иллюкутивного вынуждения, согласования ролей коммуникантов, использования статуса участников или эксплуатацию самого формата речевого общения.

В диссертационном исследовании Л.Г. Навасартян, посвященном анализу языковых средств и речевых приемов манипуляции информацией в СМИ, с опорой на существующие в науке о языке исследования по этой проблеме, в частности на работы П.Б. Паршина [Паршин 2009], предложены следующие типы и виды манипулятивных техник. К первому классу речевых приемов манипуляции относятся коммуникативные механизмы **искажения информации**, которые включают такие приемы, как навешивание ярлыков, обыгрывание коммуникативной категории «свой-чужой», эфемизация и дисфемизация, некооперативное использование выразительных средств языка. Ко второму классу автор относит коммуникативные механизмы **селекции (недобросовестного отбора) информации**, в которые входит использование неавторизованной информации, ссылки на свидетельства участников и оче-

видцев событий, ссылки на авторитетное мнение, включение в текст цифровой информации, некорректное обращение к историческим фактам. К третьему классу относятся коммуникативные механизмы **умолчания информации**, включающие частичное освещение события и блокирование информации [Навасартян 2017].

Нетрудно видеть, что в основу предлагаемого классификационного деления положен способ недобросовестного информирования адресата, т.е. манипуляции с фактологической стороной языковых выражений, с истинностью. Нас же больше интересует собственно коммуникативный аспект проблемы, т.е. не что происходит с информацией, а что происходит с языковыми средствами ее подачи, с участниками коммуникации, с их интенциональной сферой и областью целеполагания, почему и как нарушаются установки на коммуникативное сотрудничество, которые являются сутью принципа кооперации [Грайс 1985].

Именно коммуникативная сторона диалогического взаимодействия положена в основу классификации моделей манипулятивной диалогической коммуникации в диссертации И.А. Кузнецова, в которой рассматриваются речевые стратегии ухода от темы, переспрашивания, перебива, подхвата, умышленной перемены темы, отказа от коммуникации, демонстративного молчания и пр. [Кузнецов 2020].

Так, стратегии манипулятивного ухода от неудобной для говорящего темы могут быть выражены специальными метаязыковыми маркерами типа *Что об этом говорить?*; *(Мы) не будем об этом говорить* и пр. Стратегии манипулятивного переспрашивания в ряде случаев также имеют специальный метаязыковой маркер типа *Какой такой X* и др. Стратегии манипулятивного перебива могут маркироваться внедряющейся в высказывание инициатора репликой с фигурой отрицания — *Нет, не* и под. Стратегии отказа от неудобного вопроса в ответной реплике обычно вербализуются указанием на нежелание обсуждать данный вопрос с помощью глаголов *молчать, умолчать, умолкать* в I л., ед. ч.. Стратегии манипулятивного подхвата часто вво-

дятся формулой возражения под видом согласия по формуле *Да, но...* или «зеркальным» повтором инициальной реплики в ответе. Стратегии умышленной перемены темы не имеют специальных языковых маркеров, так как оперируют тематико-содержательными единицами диалога, не сводимыми к одной языковой модели. Указанные стратегии могут участвовать в реализации риторических полемических уловок типа «чтение в сердцах» или приемов аргументации типа «выход на метауровень», когда вместо информации, требуемой по логике продолжения диалога, собеседник обсуждает значения слов, употребленных инициатором диалога, или оценивает само исходное коммуникативное намерение инициатора.

В собственно аналитической части работы, во II главе настоящего исследования, мы будем использовать именно обоснованную выше классификацию [Кузнецов 2020] и соответствующую ей логику анализа собранного нами текстового материала в области моделей манипулятивного диалогического взаимодействия.

1.3.3. «Языковая демагогия» в манипулятивной диалогической коммуникации

Если механизмы манипулятивной коммуникации, рассмотренные в предыдущем подразделе 1.3.2 раздела 1.3, прежде всего касались манипулятивных некооперативных схем в зоне ответной реакции, т.е. в зоне адресата инициальных реплик, то приемы недобросовестной коммуникации, освещаемые в настоящем подразделе 1.3.3, напротив, отражают особенности коммуникативной направленности, интенциональности и целеполагания в зоне инициатора диалога, т.е. в сфере адресанта, говорящего. Именно говорящему вменяется ответственность за использование в диалоге приемов некооперативного речевого общения, которые получили в научной литературе название «языковая демагогия».

В современном отечественном языкознании внимание к феномену языкового манипулирования одними из первых привлекли Т.В. Булыгина и А.Д. Шмелев, которые в книге «Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики)» (1997) посвятили целую главу так называемым приемам «языковой демагогии» (сам термин принадлежит Т.М. Николаевой) [Булыгина, Шмелев 1997]. Отдельные аспекты этой проблематики затрагивались в работах [Иссерс 1999; Радбиль 2017]. В данном подразделе мы попытаемся обосновать применение научного инструментария анализа приемов «языковой демагогии» к описанию моделей речевого взаимодействия в диалогической коммуникации в современной русской речи.

Итак, в работе Т.В. Булыгиной и А.Д. Шмелева под «языковой демагогией» понимаются «приемы непрямого воздействия на слушающего или читателя, когда идеи, которые необходимо внушить ему, не высказываются прямо, а навязываются ему исподволь путем использования возможностей, предоставляемых языковыми механизмами» [Булыгина, Шмелев 1997: 461]. Манипулятивность указанных приемов состоит в том, что «речевое воздействие на адресата осуществляется не прямо «в лоб», а замаскировано [там же: 461]. Основным признаком языковой манипуляции является то, что адресат не осознает ни самого факта манипулирования, ни его содержания, характера и направленности. Тем самым адресат целенаправленно лишается возможности критически оценить сообщение.

Языковые механизмы демагогических приемов, как правило, основаны на разнообразных имплицитных формах подачи нужной говорящему информации, которая помещается в неассертивный компонент смысла высказывания — в его пресуппозицию, инференцию или импликатуру. Авторы выделяют следующие виды демагогических приемов: (1) ассерция, маскирующаяся под пресуппозицию; (2) воздействие при помощи речевых импликатур; (3) возражение под видом согласия; (4) противопоставление «видимой» и «подлинной» реальности; (5) игра на референциальной неоднозначности; (6) ис-

пользование манипулятивной речевой стратегии *de re* вместо кооперативной стратегии *de dicto*; (7) «магия слова» [Булыгина, Шмелев 1997: 462–477].

Прием использования **ассерции, маскирующейся под пресуппозицию**, состоит в том, что информация, которую надо незаметно внушить адресату, подается под видом пресуппозиции [там же: 472], при этом возможны манипуляции с двумя видами пресуппозиций: **семантические**, которые облигаторно имплицитуются из значений слов и выражений в качестве необходимого условия их осмысленности, и **прагматические**, которые понимаются коммуникантами по умолчанию, которые извлекаются ими из ситуации общения или общего фонда знаний о мире, будучи информацией либо общеизвестной, либо не стоящей внимания [Падучева 1982: 305–307].

Манипулятивное **воздействие при помощи речевых импликатур** в ряде ситуаций общения заключается в том, что «внушаемое утверждение прямо не содержится в тексте, но вытекает из содержащихся в нем утверждений как речевая импликатура. Это дает возможность автору текста при необходимости «отпереться» от имплицитируемого утверждения...» [Булыгина, Шмелев 1997: 463]. Эта возможность вытекает из самой сути импликатур дискурса, под которыми, в соответствии с работами Г.П. Грайса, понимается имплицитный смысловой компонент, самостоятельно выводимый слушающим из предположения, что говорящий соблюдает принцип кооперации. По сути, импликатуры дискурса — это нестрогие умозаключения, которые не входят в собственно смысл предложения, но «вычитываются» в нем слушающим в контексте речевого акта с опорой на постулаты речевого общения [Грайс 1985: 217–237]. Благодаря импликатурам дискурса мы можем понимать высказывания, буквальный смысл которых тавтологичен, неинформативен, противоречив или лишен смысла, потому что они заставляют адресата искать пути к непрямой, косвенной интерпретации сказанного (ведь адресат исходит из установки говорящего на коммуникативное сотрудничество, согласно которой говорящий не может намеренно вводить слушающего в заблуждение или говорить бессмысленные вещи).

Демагогический прием **возражения под видом согласия** заключается в том, что «говорящий как будто соглашается с мыслью, высказанной оппонентом, но тут же приводит соображение, сводящее на нет возможные выводы из этой мысли» [Булыгина, Шмелев 1997: 464]. Манипулятивность подобных приемов заключается в том, что под видом соблюдения принципа кооперации (выражения согласия) на самом деле выражается возражение, и диалог переводится в нужную для отвечающего сторону, что реально является нарушением принципа кооперации, которое не осознается инициатором диалога.

Демагогический прием **противопоставления «видимой» и «подлинной» реальности** опирается на «апелляцию к объективной реальности», которую говорящий осуществляет посредством метаязыковых операторов *на самом деле, в самом деле, в действительности* и под. Манипулятивность приема заключается в том, что, употребляя эти выражения, эксплицитная семантика которых ориентирует слушающего на идею соответствия сказанного говорящим объективной реальности, говорящий на самом деле выражает свою, подчас спорную точку зрения, далекую от объективности, но нужную ему в каких-то целях: «в основе такой апелляции лежит имплицитное представление о «мнимой», «кажущейся» реальности, скрывающей за собою «подлинную», «настоящую» реальность (при этом говорящий в неявном виде присваивает себе право судить о том, какова эта подлинная реальность)» [Булыгина, Шмелев 1997: 468].

Игра на референциальной неоднозначности заключается в том, что говорящий намеренно в контексте нейтрализует две возможных противоположных интерпретации в зоне адресата по поводу того, имеется ли в виду определенный конкретный референт, или референт неопределенный / обобщенный (это различие в артиклевых языках типа английского маркируется артиклями *a* и *the*: в таком случае, использование подобного механизма манипуляции затруднено).

Демагогический прием **использования манипулятивной речевой стратегии *de re* вместо кооперативной стратегии *de dicto*** определяется в работе Т.В. Булыгиной и А.Д. Шмелева как «переинтерпретация чужих воззрений или высказываний в соответствии со своими исходными посылками» [Булыгина, Шмелев 1997: 472]. Еще в античной риторике были известны две возможных речевых стратегии в передаче чужого мнения или в описании какой-либо ситуации: стратегия *de dicto*, в соответствии с которой ситуация излагается объективно, «как она есть», а чужое мнение передается адекватно (эту стратегию можно считать нормальной, т.е. кооперативной), и стратегия *de re*, при которой ситуация перетолковывается в нужном говорящему направлении, а чужое мнение переформулируется в соответствии с исходными посылками и оценками самого говорящего (именно такая стратегия может считаться демагогической, манипулятивной): «Стратегия *de dicto* направлена на адекватную передачу чужого мнения; стратегия *de re* всегда маркирована и выбирается со специальной целью» [Там же: 474]. Манипулятивность подобного приема, по мнению Т.В. Булыгиной и А.Д. Шмелева, заключается в следующем: «При стратегии *de dicto* говорящий использует номинации, которые счел бы адекватными и субъект передаваемого мнения; при номинации *de re* говорящий все переименовывает в соответствии со своими представлениями о реальности» [Там же: 472].

Демагогический прием, условно именуемый **«магия слова»** «состоит в употреблении выражений, эмоционально воздействующих на адресата речи, хотя несложный анализ демонстрирует их полную логическую несостоятельность. Однако действенным оказывается сам факт использования слов, несущих положительный или отрицательный заряд. Расчет, осознанный или неосознанный, делается на то, что поддавшийся «магии слов» адресат речи не будет особенно вникать в смысл того, что ему говорится» [Булыгина, Шмелев 1997:475–476]. В этом случае часто используется прием **амплификации** — нагромождения в высказывании слов одной эмоционально-оценочной тональности, избыточное использование образных средств, которые отвлекают

адресата от сути. При этом с точки зрения здравого смысла используемые говорящим высказывания часто бывают тавтологичны, алогичны или внутренне противоречивы, но этот факт не осознается адресатом, замороженным речевой «красивостью».

Все рассмотренные приемы «языковой демагогии» объединяет то обстоятельство, что они так или иначе нарушают принцип кооперации Г.П. Грайса [Грайс 1985], провоцируя некритичность восприятия адресатом навязываемых ему мнений, которые «подаются как данность, обсуждать и тем более отрицать которую просто глупо» [Булыгина, Шмелев 1997: 477]. Иными словами, адресату достаточно бесцеремонно навязываются некие суждения, причем в такой форме, которая не предполагает их возможного обсуждения. Это, в свою очередь, наносит адресату коммуникативный ущерб, причем не осознаваемый самим адресатом, что разрушает самые основы речевого взаимодействия в обществе, по умолчанию опирающегося на коммуникативное сотрудничество.

Выводы по содержанию главы I

Изучение научной и учебно-методической литературы по проблематике заявленного исследования позволило обосновать его исходные теоретические положения, сформировать терминологический аппарат и определить методику анализа манипулятивной диалогической коммуникации на русском текстовом материале.

В философских исследованиях с давних пор и по настоящее время диалог трактуется как универсальное условие и принцип существования, как основной — диалектический — метод познания. В таком понимании диалог является предметом междисциплинарного исследования практически всех отраслей гуманитарного знания. Нужно различать диалогичность, т.е. диалог в широком смысле, и собственно диалог как акт конкретного речевого взаи-

модействия людей. Диалог в узком смысле можно трактовать как речевое проявление диалогичности. Диалог выступает как первичная форма существования языка. Это особая форма речи, которая состоит в обмене взаимообусловленными репликами и противопоставлена монологу как высказыванию одного лица. Именно так понимаемый диалог является предметом изучения в лингвистике.

Современный комплексный подход к изучению диалога вызвал к жизни междисциплинарное направление в науке о языке, которое получило название «лингвистическое диалоговедение». Этот подход предлагает рассматривать диалогическое взаимодействие как особый тип дискурса. Под диалогическим дискурсом понимается результат совместной коммуникативной деятельности двух или более индивидуумов, включающий помимо собственно речевого произведения определенный набор экстралингвистических признаков (конситуативные показатели, определенные пресуппозиции и т.п.).

Строчной единицей диалога является диалогическое единство, которое понимается в работе как последовательность взаимосвязанных реплик в отношениях иллокутивного вынуждения, которые объединены накоплением информации по данной теме, мотивированностью форм, сцеплением, опорой на предыдущую или последующую реплики.

Логика предпринятого исследования привела к необходимости рассмотреть различия между естественным диалогом и диалогом художественным. С опорой на научную литературу по тематике исследования было установлено, что диалог в художественной речи имеет двойственную природу. С одной стороны, художественная диалогическая речь предполагает обработанность ее автором, т.е. это всегда — отражение письменной формы существования языка, а, с другой стороны, — эта речь необходимо основана на живой разговорной речи, как бы воспроизводит, имитирует ее. Существенные коммуникативно-прагматические особенности художественного диалога в отличие от естественного как раз связаны с письменным характером художественного диалога, обуславливающим обдуманность художественного

диалога, в отличие от спонтанности диалога естественного, а также завершенность, в отличие от открытости.

Художественная репрезентация речевого взаимодействия в литературном произведении подчинена единству авторского замысла, поэтому ее подобие реальной диалогической речи чисто условное. Также существенными являются особенности художественного диалога и в функциональной сфере. Художественный диалог представляет собой взаимосвязанную систему функций, ядро которых составляют: эстетико-коммуникативная, сюжетобразующая, текстообразующая, характерологическая, оценочная функции.

В завершающем разделе главы были рассмотрены проблемы языкового манипулирования сознанием. В настоящей работе разграничивается узкое и широкое понимание языковой манипуляции. Согласно узкому пониманию, к явлениям языкового манипулирования следует относить только такие средства и приемы воздействия, которые обязательно направлены на извлечение говорящим какой-либо выгоды от их применения. В широком понимании под языковым манипулированием можно понимать использование говорящим любых средств непрямого речевого воздействия, которое направлено на сокрытие от адресата истинной цели говорящего, не обязательно в плане получения им выгоды. При этом принцип кооперации и принцип вежливости может не нарушаться. В настоящей работе принято именно такое, широкое понимание языковой манипуляции.

В результате анализа научной литературы по тематике исследования мы выявили основные модели манипулятивной диалогической коммуникации, которые стали одним из непосредственных предметов исследования в настоящей работе. К этим моделям, которые задействуют манипулятивные техники в зоне ответной реакции адресата, относятся речевые стратегии ухода от темы, переспрашивания, перебива, подхвата, умышленной перемены темы, отказа от коммуникации, демонстративного молчания и пр. Также были освещены коммуникативные манипулятивные стратегии в зоне инициатора диалога, к которым, в соответствии с концепцией нашего исследования,

относится семь приемов «языковой демагогии». Они определяются в работе как приемы непрямого воздействия на слушающего или читателя, когда идеи, которые необходимо внушить ему, не высказываются прямо, а навязываются ему исподволь путем использования возможностей, предоставляемых языковыми механизмами.

В соответствии с приведенными выше теоретическими соображениями мы получили возможность обосновать принятую в работе **концепцию исследования**.

На предварительном этапе исследования осуществляется сбор материала. На основе Национального корпуса русского языка (НКРЯ) и текстов произведений Ф.М. Достоевского формируем, соответственно, два собственных подкорпуса диалогических единств. На первом этапе исследования осуществляется анализ моделей манипулятивной диалогической коммуникации и приемов «языковой демагогии» по данным Национального корпуса русского языка. На втором этапе исследования аналогичный анализ моделей манипулятивной диалогической коммуникации и приемов «языковой демагогии» осуществляется на текстовом материале произведений Ф.М. Достоевского. На завершающем этапе дается сопоставительная интерпретация полученных результатов с учетом интенциональных и функциональных особенностей диалога в художественной речи писателя.

Далее, в главе II настоящей работы, будут представлены результаты первого и второго этапов предпринятого исследования.

Глава II. МОДЕЛИ МАНИПУЛЯТИВНОЙ КОММУНИКАЦИИ В ДИАЛОГЕ ЕСТЕСТВЕННОМ И ХУДОЖЕСТВЕННОМ: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ

В главе представлены результаты комплексного сопоставительного анализа моделей манипулятивной диалогической коммуникации на русском языке, представленные, с одной стороны, в массиве текстов Национального корпуса русского языка, а с другой стороны — в текстах произведений Ф.М. Достоевского (соответственно, разделы 2.1 и 2.2 настоящей работы).

2.1. Манипулятивная диалогическая коммуникация на русском языке (по данным Национального корпуса русского языка)

В последнее время значительно активизируется так называемое когнитивно-дискурсивное направление [Кубрякова 2004; Болдырев 2016] в изучении речевого взаимодействия, в котором совмещается коммуникативно-прагматический подход к анализу речевого общения [Падучева 1982; Баранов, Крейдлин 1992] и принципы современного дискурс-анализа [Матвеева 1994; Макаров 2003]. В отечественном диалоговедении также утверждается понимание речевого взаимодействия как дискурса особого типа — диалогического дискурса, который трактуется как «эмпирически наблюдаемый и фиксируемый в тексте поток речевого поведения коммуникантов» [Борисова 2009: 10]. Это динамически развивающийся процесс обмена высказываниями, вписанный в социальный контекст и обусловленный изменениями когнитивных состояний коммуникантов.

В разделе 2.1. осуществлен когнитивно-дискурсивный анализ основных моделей манипулятивной диалогической коммуникации в русской речи. Материалом исследования являются текстовые данные Национального кор-

пуса русского языка. В соответствии с принятой концепцией исследования, сначала мы рассматриваем манипулятивные механизмы диалогического взаимодействия, порождаемые в зоне адресата, в сфере ответных реакций на инициальные реплики в пределах диалогического единства (подраздел 2.1.1). Далее анализируются приемы «языковой демагогии», которые, как правило, порождаются уже в зоне инициатора речевого взаимодействия, в зоне адресанта, говорящего (подраздел 2.1.2).

2.1.1. Манипулятивные коммуникативные стратегии в диалогическом взаимодействии: речевая зона ответной реакции

В соответствии с теоретическими положениями, выработанными в разделе 1.3 предыдущей главе из всего многообразия приемов манипуляции, выделяемых в научной литературе, мы здесь коснемся лишь некоторых манипулятивных некооперативных схем в зоне ответной реакции адресата, которые, как показал собранный эмпирический материал, имеют наибольшую представленность в Национальном корпусе русского языка.

В частности, мы рассмотрим специфику интенциональных состояний адресата, стоящих за речевыми стратегиями манипулятивного ухода от темы, манипулятивного переспрашивания, перебива и подхвата, манипулятивной перемены темы, манипулятивного отказа от коммуникации, демонстративного молчания и пр.

Конвенции диалогической коммуникации могут сознательно или бессознательно игнорироваться, нарушаться говорящими. Тогда мы имеем дело с девиациями в области кооперативности диалога как взаимной установки его участников на коммуникативное сотрудничество на каждом из этапов его осуществления [Грайс 1985].

В стратегиях манипулятивного ухода от неудобной для говорящего темы реализуются разные речевые тактики. Например, в зоне адресата порождается демонстративный ответ не по теме, совсем из другой области, абсо-

лютно не связанный с обсуждаемой темой. В подобных случаях происходит информативное и коммуникативное рассогласование реплик, когда в ответной реплике полностью отсутствует логическая, прагматическая или эмоциональная связность по отношению к инициальной:

В Доме кино вашим покорным слугам улыбнулась удача, и мы встретили среди остальной празднующейся публики нескольких настоящих кинематографистов. К сожалению, один из них был мосфильмовским дурачком Борисом Б...ком, но это всё-таки лучше, чем совсем ничего. Мы поставили ему шампанского, а он в очередной раз сладострастно нахамил нам.

— Чижик, а ты когда-нибудь на лыжи вставал, тянул ноздрями мороз с привкусом спелой кедровой шиши? — всё-таки уточнил я у него.

— Сволота! Все бездари, а я — Сальвадор Дали! — звякнул бусами тот [Иван Охлобыстин. Жизнь Вани Охлобыстина // «Столица», 1997.03.04].

Стратегия манипулятивного переспрашивания заключается в том, что отвечающий отвечает вопросом на вопрос. При этом может декларироваться цель уточнения инициального вопроса или его части, но на деле обсуждение переводится в другую плоскость:

— Слушай, — спросил я на всякий случай, ни на что особенно не рассчитывая, — ты случайно не знаешь, как найти Матвея, Гошу, Глинку... ну и Андрея тоже? // — Зачем тебе? — подозрительно сощурился он. // — Нужно! — мрачно ответил я и повернулся, чтобы уходить [Вера Белоусова. Второй выстрел (2000).

В этом примере видно, что ответный вопрос переводит обсуждение в другую сферу, а именно — касается коммуникативных намерений задающего вопрос. В подобных случаях мы имеем дело с манипулятивным использованием «стратегии выхода на метауровень», когда вместо информации, требуемой по логике продолжения диалога, собеседник оценивает само исходное коммуникативное намерение инициатора:

— Ты хочешь сказать, что пользуешься успехом? // — **А тебе в конце концов какое до этого дело?** [Василий Аксенов. Звездный билет // «Юность», 1961].

Еще один вариант модели «выход на метауровень» — когда вместо информативного ответа собеседник обсуждает значения слов, употребленных инициатором диалога:

— Да, так вот, если следователь не способен понять всего этого, ему у нас делать нечего, пусть идёт в милицию. Там всегда нужда в честных и исполнительных. А нам нужны творцы. // — **Так, значит, следователь — творец?** — спросила она [Ю. О. Домбровский. Факультет ненужных вещей, часть 5 (1978)].

Стратегия манипулятивного переспрашивания в ряде случаев также имеет специальный метаязыковой маркер типа *Какой такой X*:

— Если же я хочу жизни другой? // — **Какой такой ты жизни хочешь?** Я слышал, у тебя мать — известная певица в Москве [Виктор Астафьев. Обертон (1995-1996)];

— Так ты ему еще и денег дала?! // — *От радости.* // — **От какой такой радости?** // — *Дите будет...* // — *Это неплохо* [Нонна Мордюкова. Казачка (2005)];

— На центральном пункте одна-то лампочка в Москве — не мигнула, вроде. При самоликвидации системы...// — **Какой такой системы?** // *Старик вопроса будто не услышал, а продолжал уводить Цахилганова от прямого ответа куда-то в сторону* [В. Г. Галактионова. 5/4 накануне тишины // «Москва», № 11, 12. 2004].

В таких случаях внешняя тавтологичность в ответе маскируют неприятие отвечающим затронутой темы или позиции инициатора в целом.

Также возможны и типизированные модели самого переспрашивающего вопроса в целом, которые становятся ритуализованными формами косвенного выражения других коммуникативных намерений, не свойственных обычному вопросу — несогласие, возражение, упрек и пр.. Это, например,

устойчивые вопросительные клише типа *Что ты сказал? Что ты говоришь?* и под. (см. примеры ниже):

- Что ты сказал?:

— *А что ты мне приказываешь? Я тебе не слуга! // — Что ты сказал? // — А я расскажу папе, что ты меня обижаешь!* [Маша Трауб. Домик на Юге (2009)];

— *Это мое дело, как ходить. Тебя не касается. // — Что ты сказал? Повтори. // — Тебя это не касается* [Владимир Козлов. Гопники (2002)];

И — как плюнул: — Опившиеся клопы! // — Что, что ты сказал? — легко взнялся к нему Гришка. — Ну-ка, повтори... [В. М. Шапко. Бич // «Волга», 2011].

- Что ты говоришь?:

— *Может, ты ревнуешь? // — Я тебя умоляю. // — Ну, как-нибудь по-отцовски? // — Марина, что ты говоришь? Она взрослый человек. У нее любовь. У нее своя комната* [Сергей Носов. Фигурные скобки (2015)];

— *Я говорю это совершенно серьёзно. Донорское молоко подберём. Я завтра же подам заявление об уходе... // — Пап, ну что ты говоришь? — Таня смотрела в морщинистое лицо отца, ловила совершенно прежде неизвестное в нём выражение — просьбы... И от этого ей становилось не по себе, и она возмущалась: // — Да что ты в самом деле? Не представляю тебя на пенсии!* [Людмила Улицкая. Казус Кукоцкого [Путешествие в седьмую сторону света] // «Новый Мир», 2000].

Стратегия манипулятивного перебива используется отвечающим в ситуации обрыва реплики инициатора (проще говоря, отвечающий не дает ему полностью высказать свое сообщение):

*Повытягивав шею и поёрзав, он неуверенно спросил: — А ты убежден, что... // — **Не убеждён**, — без колебаний ответил Игорь Васильевич, оттопыриванием мизинца бросая в бой более крикливого ученика, яростно вцепившегося в шкуру докладчика-медведя* [Анатолий Азольский. Лопушок // «Новый Мир», 1998].

В данном случае отвечающий реагирует на пропозициональную установку *убежден*, так как саму пропозицию инициатор просто не успел высказать. В результате в общем остается неясным, в чем же так категорично «не убежден» отвечающий.

В ряде случаев языковым механизмом — сигналом использования стратегии манипулятивного перебива может быть внедряющаяся в высказывание инициатора реплика с фигурой отрицания с *Нет, не* и др.:

— *Ладно, это потом решим, вообще-то здорово, что она такая... великодушная, что ли?* // — **Нет, ты не понимаешь.** Просто ей так удобно. У неё две борзых, с ними совсем не просто... [Людмила Улицкая. Казус Кукоцкого [Путешествие в седьмую сторону света] // «Новый Мир», 2000].

Здесь перебив выполняет функцию перевода регистра обсуждения в область, удобную для отвечающего, который предлагает свою оценочную интерпретацию поведения обсуждаемого в диалоге лица.

Стратегия отказа от неудобного вопроса в ответной реплике может вербализоваться указанием на нежелание обсуждать данный вопрос с помощью глаголов *молчать, умолчать, умолкать* в I л., ед. ч.:

— *Нужно проверить.* // — *Что за информация?* // — *Я пока умолчу, ладно?* — *небрежно сказал Трегубов.* — *Боюсь сглазить* [А. Макеев, Н. Леонов. Ментовская крыша (2004)];

— *Откуда вам знать, кто «мини» там, а кто «макси»?!* // — **Молчу, молчу!** Он титан. Гений! [Георгий Полонский. Роль в сказке для взрослых или «Таланты и Полковники» (1970-1980)].

Есть интересный пример, когда в одном контексте (в речевой зоне отвечающего) сталкиваются две противоположные манипулятивные стратегии:

— *Риточка, ты можешь помолчать?* // — **Молчу-молчу-молчу...** — *быстро затараторила Рита.* — **Я что хочу сказать?** [А. В. Рондарёв. Беседы о прекрасном // «Знамя» №2, 1996].

Здесь интересно логическое и прагматическое противоречие между вербализованной в начале ответной реплики установкой на молчание (*Молчу*)

и эксплицитным намерением тут же продолжить коммуникацию в ее финальной части (*Я что хочу сказать*). Подобные явления в норме не осознаются слушающими, потому что воспринимаются как фигура речи.

В целях нашего исследования наибольший интерес представляют случаи, когда стратегии отказа от ответа на неудобный вопрос часто могут быть выражены в ответной реплике специальными метаязыковыми маркерами типа *Что об этом говорить?*; *(Мы) не будем об этом говорить?* и пр.:

— *Так что, если случай представится, пойдешь с нами?* — продолжал Шопля. — *Будем вольными гражданами, потрясем немного Советы, а скопим деньги — и за границу. А там с деньгой — сват королю и брат министру.* // — **Что об этом говорить**, когда море вокруг. — // *Да и вообще-то я все это в шутку... Только смотри!* — сжал кулаки Шопля. // — *Понимаю...* [Михаил Божаткин. Флаг на гафеле (1977)];

— *Марина, а не кажется ли тебе странной бритая наголо девушка из этой группы?* // — *Маша, давай не будем об этом говорить*: прочтет какой-нибудь бюрократ и на основании ее «лысости» «прикроет» группу. Или поставит условие, немедленно изменить прическу, а то... [Марина Александрова, Маша Мусина. «Если ты спросишь меня...» // «Работница», 1988];

«Кто он?» — растерянно спрашивал Сабуров, чувствуя, что ему сейчас станет совсем плохо. «Соломон Моисеевич Финкельштейн, — вдруг ясно и четко сказала жена. — Мы с ним встречались, но это было давно, это же было пять лет назад, я уже все забыла, и **не будем об этом говорить**, ты же слово дал!» — «Подожди, — сказал Сабуров. — Он... так это... подожди... он же старый! Ему же...» [Е. П. Касимов. Кактус по имени Коля // «Уральская новь», 2004].

В этих случаях, в рамках принципа вежливости, отвечающий, не привлекая к этому внимания инициатора, ненавязчиво избегает обсуждения острой проблемы.

Стратегия отказа от неудобного вопроса может реализовываться в рамках уже рассмотренной выше коммуникативной схемы «выход на метауро-

вень», когда вместо ответа отвечающий реагирует на саму иллокутивную силу инициального вопроса, вербализуя ее тем или иным способом. Обычно языковым маркером подобной манипуляции в речевой зоне отвечающего являются устойчивые формулы типа *И не спрашивай, Он еще спрашивает, О чем тут спрашивать?* и синонимичные им:

— *А кто у нее родные? // И не спрашивай. Мать в детской комнате милиции работала. С уголовниками и проститутками* [Маша Трауб. Нам выходить на следующей (2011)];

— *Ну что, пойдешь за меня? // — Он еще спрашивает! Я тебя так ждала, так ждала! И мама с отцом тоже* [Андрей Житков. Супермаркет (2000)];

Ж е н а. А? Можно? Х о з я и н . Ну о чем тут спрашивать? Сядь, жена. Поуютней. Поближе к очагу [Е. Л. Шварц. Обыкновенное чудо (1956)];

— *Это все? // — Ну, ты спросил. Вещи, может, какие и были, только на что они годятся — все в крови да в дырках* [Евгений Прошкин. Механика вечности (2001)];

— *Я могу воспользоваться услугами вашей секретарши? // — Что за вопрос! — как бы с негодованием отводя любое другое решение, взмахнул рукою торгпред* [Давид Маркиш. Статья Лютовым. Вольные фантазии из жизни писателя Исаака Бабеля // «Октябрь», 2001)].

Стратегия манипулятивного подхвата может вводиться формулой «возражение под видом согласия» [Булыгина, Шмелев 1997]:

— *Да, впрочем, что касается науки, я не думаю, что и у науки есть нравственное измерение. <...> // Гольдберг засмеялся, с боков рта выглянули последние невыпавшие премоляры: // — Пашка, ты, может, и прав, но мне такая правота не подходит. <...>* [Людмила Улицкая. Казус Кукоцкого [Путешествие в седьмую сторону света] // «Новый Мир», 2000];

«По-моему, это справедливо», — говорит Тётька-Клавка, любясь своей принципиальностью, вырастающей в ответ. «Ах, может, и справед-

ливо, но как-то не по-женски... [В. Г. Галактионова. Четыре рассказа. Adagio // Русско-болгарский журнал «Дружба», Москва — София, 1985 г, 1985].

Часто языковым механизмом такой манипулятивной стратегии является устойчивая коммуникативная формула *Да, но...*:

— *Но негативную информацию не исключить, тем более если плохое случается каждый день. // — Да, но подавать её нужно по-другому. Вот в некоторых странах запрещают писать в метро: «Выхода нет»* [Д. Соколов. Нет больше сил терпеть безнадегу // «Витрина читающей России», 2002.10.25];

— *И вы нашли такую книгу, которая «подвинет» Поттера?* // — *Да, но пока я не могу назвать её* [Анна Ковалева. Елена Соломатина: «Для детей никто не пишет» // «Известия», 2002.09.10]

— *Но вы же сами играли жену Бунина, существовавшую под одной крышей с любовницей. Вы же сами подобную ситуацию на себя в роли примеряли. // — Да, но это не было ситуацией унижённости и мелкости. Это было ситуацией осознанного выбора...* [Мария Варденга. Галина Тюнина. Фрагменты белого стиха // «Домовой», 2002.02.04];

— *Но у вас же в репертуаре есть Кармен. // — Они, оказывается, уже были в курсе всех моих дел. // — Да, но я её спела всего лишь несколько раз и не считаю готовой для дебюта в Большом театре* [И. К. Архипова. Музыка жизни (1996)].

Манипулятивный подхват может сопровождаться «зеркальным» повтором инициальной реплики в ответе, который меняет регистр общения и переводит разговор в удобную для отвечающего тональность:

— *Что ты об этом думаешь?* // — *А что я могу думать?* [Александр Савельев. Аркан для букмекера (2000)];

— *Как вы себя чувствуете, Юрий Иванович?* // — *Ну как вы думаете, как я могу себя чувствовать?* [Даниил Гранин. Зубр (1987)];

— *Что ты сказал?* — *Сергей подскочил к Лаптю. // — А что я сказал?* [Анатолий Мельник. Авторитет (2000)].

При этом повтор может быть частичным, как в рассмотренных выше случаях, и полным, когда в ответной реплике меняется только интонация (на письме знак препинания — вопрос на точку). Это является сигналом перемены иллокутивной функции с вопроса (в речевой зоне говорящего) на сообщение (в речевой зоне адресата):

— *Правильно кровь остановили?* // — ***Правильно кровь остановили*** [М.С. Аромштам. Мохнатый ребенок (2010)].

В работе И.А. Кузнецова подобные явления именуются «отзеркаливание» [Кузнецов 2020].

В таких случаях внешняя неинформативность и бессодержательность ответной реплики на самом деле отражает глубинную когнитивную установку отвечающего — нежелание развивать конфликт, но при этом ни в чем не уступить инициатору диалога. Именно неинформативная тавтологическая избыточность является важным когнитивным отличием манипулятивного подхвата от стандартного кооперативного подхвата, который несет новую информацию и служит средством подтверждения или усиления мысли спрашивающего, уточнения позиций коммуникантов и под.

Стратегия умышленной перемены темы не имеет специальных языковых маркеров. В основе некоторых моделей умышленной перемены темы лежит прагматический механизм, основанный на манипулятивной подмене темы исходной реплик на рему в реактивной реплике (или наоборот):

— *Привет,* — *кинула она,* — *чего по ночам за покупками бегаешь?* // — ***А ты чего днем не ходишь?*** — *парировала я. Честно говоря, я не слишком-то люблю Ленку, она сплетница и жуткая болтуня* [Дарья Донцова. Микстура от косоглазия (2003)].

В данном примере говорящим в область ремы помещена запрашиваемая информация о ночных походах за покупками, тогда как отвечающий, вместо ответа на вопрос, реагирует вопросом о другом — делает акцент на времени суток (ночь ↔ день).

Часто в подобных манипулятивных явлениях в реактивной реплике используется полемическая уловка «чтение в сердцах», когда второй участник сам формулирует, что, по его мнению, должен был бы делать говорящий:

— *Бог даст, в Игарку уеду, люди добрые, Бог даст, снова не оставят на ветру, снова в интернат определяют на казенное содержание. // — Тебе бы лучше было у бабушки остаться. Аль уж одному скитаться. Каки мы тебе родители? Сами свою жисть запутали, хоть в петлю лезь* [Виктор Астафьев. Последний поклон (1968-1991)].

Здесь мы видим, как собеседник под видом совета излагает события своей жизни, чтобы вызвать сочувствие, соучастие у инициатора диалога.

Несмотря на то, что по большей части проанализированный материал свидетельствует о том, что данные манипулятивные схемы так или иначе нарушают коммуникативное сотрудничество под видом его формального соблюдения, все же далеко не всегда использование адресатом тех или иных манипулятивных техник ведет к нарушению постулатов кооперативного общения, принципа вежливости Дж. Н. Лича [Leech 1983] и под.

В ряде случаев, например, манипуляция в зоне адресата может иметь целью как раз соблюдение постулата тактичности (уход от обсуждения неудобной темы, сделанный в тактичной форме перемены темы). Иногда адресат, например, хочет вызвать интерес или сочувствие к себе вместо полагающегося в рамках коммуникативного сотрудничества информативного ответа на вопрос, который почему-то ему неинтересен в данный момент. Также манипулятивные техники могут быть использованы в случаях, когда адресат хочет получить какое-то коммуникативное преимущество (например, внеочередное право изложить свою собственную позицию вместо предлагаемой ему ситуации обсуждения позиции инициатора диалога или самому задать интересующий его вопрос вместо положенного ответа и пр.).

Нетрудно видеть, что в данных случаях адресату манипуляции не наносится сколько-нибудь значимого коммуникативного ущерба, да и говорящий не извлекает ощутимой выгоды. Однако ряд признаков манипулятивной

коммуникации все же сохраняется: это расхождение между эксплицированной иллюкутивной силой и действительным намерением говорящего, неосознаваемость воздействия и неучет интересов собеседника («объектное» отношение к собеседнику).

2.1.2. Приемы «языковой демагогии» в русской диалогической речи

Как было показано в предыдущей, теоретической главе I, манипулятивные модели, именуемые приемами «языковой демагогии», осуществляются, как правило, в зоне инициатора диалогического взаимодействия. В работе Т.В. Булыгиной и А.Д. Шмелева под «языковой демагогией» понимаются «приемы непрямого воздействия на слушающего или читателя, когда идеи, которые необходимо внушить ему, не высказываются прямо, а навязываются ему исподволь путем использования возможностей, предоставляемых языковыми механизмами» [Булыгина, Шмелев 1997: 461]. Манипулятивность указанных приемов состоит в том, что речевое воздействие на адресата осуществляется не прямо «в лоб», а замаскировано.

Языковые механизмы демагогических приемов, как правило, основаны на разнообразных имплицитных формах подачи нужной говорящему информации, которая помещается в неассертивный компонент смысла слова, выражения или высказывания — в его пресуппозицию, инференцию или импликацию. Авторы выделяют семь таких приемов: (1) ассерция, маскирующаяся под пресуппозицию; (2) воздействие при помощи речевых импликаций; (3) возражение под видом согласия; (4) противопоставление «видимой» и «подлинной» реальности; (5) игра на референциальной неоднозначности; (6) использование манипулятивной речевой стратегии *de re* вместо кооперативной стратегии *de dicto*; (7) «магия слова» [Булыгина, Шмелев 1997: 462–477].

Ниже мы проанализируем указанные приемы «языковой демагогии» в примерах диалогических единств, извлеченных из массива текстов в Национальном корпусе русского языка.

I. Прием использования **ассерции, маскирующейся под пресуппозицию**, состоит в том, что информация, которую надо незаметно внушить адресату, подается под видом пресуппозиции [Булыгина, Шмелев 1997: 472]. В научной литературе по лингвистической прагматике обычно выделяют два вида пресуппозиций: **семантические**, которые облигаторно имплицитуются из значений слов и выражений в качестве необходимого условия их осмысленности, и **прагматические**, которые понимаются коммуникантами по умолчанию, которые извлекаются ими из ситуации общения или общего фонда знаний о мире, будучи информацией либо общеизвестной, либо не стоящей внимания [Падучева 1982: 305–307].

Примером навязывания семантической пресуппозиции является следующий фрагмент из интервью:

— *На ваш взгляд, в чем состоит главная причина такого огромного потока неконтролируемой миграции? // — Такое количество мигрантов (300 тысяч. — Прим. авт.), безусловно, не соответствует действительности, так как, только по экспертным оценкам, например, киргизской стороны, не менее 500 тысяч жителей Киргизии связывают свои заработки с Россией* [Олег Головин. Нелегалы // «Завтра», 2003.03.02].

В этом примере в вопросе о причинах указанного явления уже заложена пресуппозиция ‘имеется большой поток неконтролируемой миграции’, которая обладает свойством неустранимости и неотрицаемости при возможном отрицательном ответе [Падучева 1982; Радбиль 2017]. Примечательно, что манипулятивен и ответ, в котором адресат уходит от неудобного для него вопроса о причинах явления, а просто констатирует наличие большого количества мигрантов, даже превышающего известные цифры (в прагматике такая модель манипулятивного вопросно-ответного взаимодействия иллюстриру-

ется следующим примером: — *Почему у вас в саду все цветы засохли?* // — *У меня в саду более ста цветов*).

Также семантическая пресуппозиция навязывается в следующем фрагменте:

— *Меня вообще огорчает и шокирует исчезновение общественного интереса к жизненно важным вещам. Что же это такое, если на подобные «откровения» Никонова откликается только одна газета — «Советская Россия»? И больше никто — болото! Никто или почти никто уже не пишет о базовых вещах — что такое хорошо и что такое плохо. Про мебельные магазины «Три кита» или «Гранд» — непрерывно, про реформу РАО ЕЭС — сколько угодно!* // — *По-моему, эта реформа и есть самая базовая вещь, как и реформа ЖКХ и многое другое, что проделявает нынешнее правительство* [Жанна Касьяненко. Бей фашизм — спасай Россию! // «Советская Россия», 2003.04.08].

По мнению ряда исследователей, глаголы типа *знать*, *сожалеть*, *огорчать*, *шокировать* и под. имеют фактивную пресуппозицию, т.е. объект или ситуация, о которых сожалеют или знают, должны иметь место в действительности. В нашем примере говорящий в фрагменте *Меня вообще огорчает и шокирует исчезновение общественного интереса к жизненно важным вещам* в качестве бесспорного и самоочевидного суждения в пресуппозиции навязывает суждение, которое спорно и нуждается в обосновании 'Имеет место исчезновение общественного интереса к жизненно важным вещам'. Не случайно в ответной реплике собеседник, по сути, опровергает навязываемое в пресуппозиции положение.

Часто в качестве способа наведения ложной пресуппозиции выступают так называемые «принудительно блокирующие вопросы» [Стешов 1991] типа *Почему вы так плохо работаете?*, в которых негативная информация об отвечающем уже заложена в пресуппозицию — 'вы плохо работаете'. Поэтому любой ответ на этот вопрос не отменяет саму пресуппозицию, которая, как

известно, обладает свойством неустранимости, т.е. не отрицается в общеотрицательном суждении [Русский язык начала XXI в. 2014].

Рассмотрим следующий пример: — *А по-вашему, это правильно, когда в отсутствие следователя уголовное дело заводит оперативный сотрудник?* // — *Простите, я не заводжу уголовное дело...* [Сергей Носов. Фигурные скобки (2015)].

Здесь в качестве бесспорного факта в пресуппозиции подается неverified информация ‘В *отсутствии следователя уголовное дело заводит оперативный сотрудник*’. При этом любой ответ на вопрос (*Да, правильно* или *Нет, неправильно*) эту пресуппозицию не устраняет. Это подтверждается и в ответной реплике, которая, по сути, не отвечает на поставленный вопрос — правильно или нет. В ответной реплике отрицанию подвергается не иллюкутивная сила вопроса (*правильно или неправильно*), а пресуппозиция ‘в *отсутствии следователя уголовное дело заводит оперативный сотрудник*’ — ‘я (= оперативный сотрудник, который имеется в виду говорящим) не заводжу уголовное дело’.

Аналогично — в следующем примере: *Любченко спросил с места: // — Чем вы объясните, Андрей Николаевич, неудачу вашего локатора в опытах Тонкова и Григорьева?* // — *Вы, очевидно, имеете в виду статью, — сказал Андрей. — Здесь присутствуют авторы. Я надеюсь, они расскажут нам* [Даниил Гранин. Искатели (1954)].

Здесь в высказывании *Чем вы объясните неудачу вашего локатора в опытах Тонкова и Григорьева?* — навязывается пресуппозиция ‘Неудача вашего локатора в опытах Тонкова и Григорьева имела место’. Не случайно собеседник, по сути, уходит от ответа, меняя тему (*Вы имеете в виду статью?*). Он передоверяет ответ более компетентным людям.

При навязывании прагматической пресуппозиции так или иначе обигрывается общеизвестная или известная обоим коммуникантам информация, которую они по тем или иным причинам избегают озвучивать:

— *Собирайся. // — Ку-да? — // Сам знаешь. // Только вздохнул капитан да крякнул* [Александр Солженицын. Один день Ивана Денисовича (1961)].

Здесь говорящими эксплуатируется фигура умолчания по поводу известного обоим не очень приятного места (органы НКВД), по поводу которого ведется обмен репликами.

Очень часто при этом коммуниканты ссылаются на известные им обоим обстоятельства, но не вербализуют их содержание, например:

— *Кого бы ты хотел играть? // — Разве ты не знаешь, кого!* [Василий Аксенов. Звездный билет // «Юность», 1961].

В следующих примерах вместо информативного ответа слушающий утверждает, что говорящему известна запрашиваемая информация (= 'Ты на самом деле знаешь, что произошло'):

— *Да что случилось?! Говори же, черт тебя дери. // — Будто сам не знаешь? Ваши тут всю раскомандовались* [Семен Данилюк. Бизнес-класс (2003)];

— *Что-то произошло? // — А ты разве не знаешь?* [Лев Дворецкий. Шакалы (2000)].

Как видим, в речевой зоне отвечающего даже существуют конвенциональные речевые формы таких ссылок типа *Сам знаешь...*; *А то ты не знаешь...*; *А ты сам как думаешь* и под.:

— *А потом я вообще про всю эту фигню забыла. В связи с событием. Сам знаешь каким. // — Ребята, вы о чем? Я что-то пропустила?* [Марина Зосимкина. Ты проснешься. Книга первая (2015)];

Мне бы заткнуться и уйти, а меня словно кто-то за язык тянул: // — Что значит — не тому? // — А то ты не знаешь?! Не знаешь? А ну-ка напрядись! [Вера Белоусова. Второй выстрел (2000)];

— *А что, Сакуненко, — спрашиваю опять, — имеешь все еще на меня зуб? // — А ты как думаешь, Валя? —* человечно так спрашивает Сакунен-

ко. // — *Законно, — говорю я* [Василий Аксенов. Апельсины из Марокко (1962)].

«Демагогичность» подобных речевых стратегий отказа от конкретизации запрашиваемой в вопросе информации заключается в том, что собеседник по тем или иным причинам не хочет брать на себя ответственность за свои речевые действия, перекладывая ее на плечи спрашивающего.

II. Прием **воздействия при помощи речевых имплицатур** является разновидностью более общей манипулятивной стратегии, которая иногда именуется в научной литературе как «подведение к ложному умозаключению» [Иссерс 1999]. Речь идет о наведении в контексте нестрогих умозаключений, которые не входят собственно в смысл предложения, но «вычитываются» в нем адресатом в контексте речевого акта с опорой на постулаты речевого общения.

Под имплицатурой дискурса, в соответствии с работами Г.П. Грайса, понимается имплицитный смысловой компонент, самостоятельно выводимый слушающим из предположения, что говорящий соблюдает принцип кооперации. По сути, имплицатуры дискурса — это нестрогие умозаключения, которые не входят в собственно смысл предложения, но «вычитываются» в нем слушающим в контексте речевого акта, опираясь на постулаты речевого общения [Грайс 1985: 217-237].

Демагогичность использования речевых имплицатур в ряде ситуаций общения заключается в том, что «внушаемое утверждение прямо не содержится в тексте, но вытекает из содержащихся в нем утверждений как речевая имплицатура. Это дает возможность автору текста при необходимости «отпираться» от имплицуемого утверждения...» [Булыгина, Шмелев 1997: 463].

Этот прием очень часто используется в анекдотах:

— *В чем состоит **разница** между долларом и рублем?* // — ***Разница** между ними равна одному доллару* [Коллекция анекдотов: армянское радио (1970-2000)].

Исходя из предположения о соблюдении принципа кооперации говорящими, вопрос, заданный в такой форме, предполагает естественную стандартную импликатуру, которая выводится в зоне слушающего: 'Какова курсовая разница в стоимости валюты?'. В ответе происходит манипулятивное «передергивание», как если бы отвечающий не понял истинного смысла вопроса, а потому и отвечает, также в небуквальном, косвенном режиме, в том духе, что рубль не стоит ничего, а один доллар стоит один доллар.

Часто этот прием основывается на небуквальном прочтении фраз, которые, будучи восприняты буквально, имели бы внутренне противоречивый или тавтологический смысл, т.е. были бы бессодержательными:

— *Не сердитесь, Ольга Петровна, как вы себя чувствуете, кстати?*
— *пошел на попятную Израиль Ильич. // — Как я могу себя чувствовать?*
— *махнула рукой Ольга Петровна* [Маша Трауб. Замочная скважина (2012)].

Отвечающий уходит от прямого ответа. Вместо этого спрашивающему навязывается необходимость небуквальной интерпретации в нужном для отвечающего ключе, а именно импликатура 'Вы и сами должны понимать, что в известных вам обстоятельствах я не могу чувствовать себя хорошо'. Манипулятивность данного приема заключается в том, что прямой ответ мог бы обидеть спрашивающего, так как выглядел бы как упрек. Но в данном случае спрашивающий как бы сам должен вывести эту информацию, а значит, ответственность с отвечающего снимается.

Рассмотрим еще один пример:

На самом деле, он был бы рад этой вести, и, кажется, отец это почувствовал. // — Я надеюсь, ты не думаешь, что я на это согласился? — спросил он тоном, исключаящим возражение. // — Нет, конечно, — соврал парень [Ю. И. Лунин. Три века русской поэзии // «Волга», 2016]

Здесь импликатура дискурса состоит в том, что, по предположению говорящего, слушающий уже сформировал свою точку зрения на описываемую в диалоге ситуацию. На самом деле, этот вывод выглядит как навязываемый собеседнику.

При этом часто манипулятор в форме вопроса выражает косвенное утверждение, что собеседник уже как бы реально сделал этот вывод:

— Нет-нет, ни в коем случае! Я никогда на это не решусь! // — **Ты хочешь сказать, что замечательный, самый лучший реставратор города Санкт-Петербурга не сумеет нарисовать плохонький вид Рима?** // — А о чем ты говоришь! — махнул рукой Старыгин [Наталья Александрова. Последний ученик да Винчи (2010)];

Виталик улыбнулся криво: // — **Ты хочешь сказать, что у нас с тобой будет фиктивный брак?** // — Я так вопрос не ставлю. Но если хочешь, назовём так [Людмила Улицкая. Казус Кукоцкого [Путешествие в седьмую сторону света] // «Новый Мир», 2000]

В этих примерах говорящий переинтерпретирует слова и мысли собеседника в нужном манипулятору ключе, но делает вид, что собеседник сам сказал это. Этот прием имеет типизированные, конвенционализированные формы ввода в дискурс. Помимо уже приведенного выше *Ты хочешь сказать, что Х.*, мы можем назвать, например, формулу *Разве ты не знаешь, что Х.*, содержащую импликацию 'Ты сам, конечно, знаешь, что Х.'

— Где твой опыт? — упрекнул ее Кравцов. — **Разве ты не знаешь психологического закона, что, когда человека торопят, он все делает наоборот, то есть медленней.** // — Мне просто тяжело уже, — пожаловалась Софьина. — Ты с виду худой, а какой-то все-таки тяжелый [Алексей Слаповский. Любовь по-нашему // «Знамя», 2003];

— А почему не дали? // — **Разве ты не знаешь, что математиков не награждают Нобелевской премией?** // — Нет. А почему? [Андрей Ростовский. Русский синдикат (2000)]

В риторике подобная аргументация к пафосу называется прием «чтение в сердцах», который трактуется именно как полемическая уловка [Стешов 1991]. Говорящий как бы просто подтверждает то, что собеседник знает сам, а под видом этого подтверждения навязывается нужное манипулятору умозаключение.

Еще одна типизированная речевая формула манипулятивного эксплуатирования имплицатуры дискурса — это речевая формула опровержения якобы неправильного, недостоверного мнения собеседника *Ты же не думаешь, что Х.:*

— Помощник, — коротко ответил Николай. — **Ты же не думаешь, что я оставляю миллион долларов в машине без надежной охраны.** // — А-а, — понимающе протянула Вероника [Александра Маринина. За все надо платить (1995)];

— Интересное совпадение. // — И чем оно интересно? **Вы же не думаете, что это я, встретившись с Павлом через двадцать лет, наказал ему вас прогнать?** // — Ну, что вы! Конечно вы тут не при чём [Сергей Шикера. Выбор натуры // «Волга», 2014];

— Какое это имеет отношение к убийству Тарасова? — резко спросил Шульгин. // — **Вы же не думаете, что это я его убил за то, что он рылся в моем столе?** // — А почему нет? — невинно осведомилась Настя, которой уже изрядно надоел этот Игорь Сергеевич с его показной уверенностью в себе и плохо скрываемым паническим ужасом перед перспективой вылететь из совинцентровской кормушки [Александра Маринина. Шестерки умирают первыми (1995)].

В таких случаях наводится имплицатура 'Ты на самом деле не можешь думать, что Х, потому что это неправильно, бессмысленно, противоречиво и пр.'. Манипулятивность этого приема заключается в том, что собеседник реально мог вовсе не иметь того мнения, которое ему приписывает манипулятор. Последнему просто, по тем или иным причинам, важно внушить эту мысль собеседнику.

В целом мы можем сделать вывод, что и этот демагогический прием так или иначе нарушает принцип кооперации, провоцируя не критичность восприятия собеседником навязываемых ему мнений, произвольных, спорных и непродуманных суждений, позиций, которые самостоятельно собеседник мог бы не сформулировать, оспорить и даже опровергнуть.

III. Демагогический прием **возражения под видом согласия** заключается в том, что «говорящий как будто соглашается с мыслью, высказанной оппонентом, но тут же приводит соображение, сводящее на нет возможные выводы из этой мысли» [Булыгина, Шмелев 1997: 464]. Чаще всего говорящим в этих случаях используются когнитивные схемы типа «Да, но...»; «Действительно, но...» и под.:

— *А как быть с ухудшением вентиляции помещения? // — С этой проблемой мы **действительно** столкнулись, **но** уже есть предложения, которые позволяют её решить* [Михаил Песин. Дом, который построит «Дом» // «Биржа плюс свой дом» (Н. Новгород), 2002.10.14].

Фигура противопоставления дает возможность отвечающему высказать возражение в неявном виде, даже не давая спрашивающему толком понять, что с ним не соглашаются — ему возражают. Рассмотрим в этом ключе еще один пример:

— *К вопросу о приборах: показания буйков отражены в регулярных отчетах о дрейфе станции. Это одно из технических новшеств в изучении Арктики? // — Показаниями буев мы **действительно** пользуемся, **но** не своих. То, что некоторые называют «буйками», в реальности представляют собой автоматические измерительные комплексы на базе дрейфующих инженерных сооружений* [Владимир Соколов, Наталья Шергина. «Мы сейчас в теплой фазе» // «Огонек», 2013].

Подобные манипуляции помогают отвечающему уйти от неудобного для него по тем или иным причинам вопроса, не подвергаясь возможным санкциям за нарушение принципа кооперации (ведь формально в его ответе представлен иллокутивно зависимый речевой акт согласия).

Модификации подобных когнитивных схем весьма разнообразны:

- *конечно, X, но Y:*

— *Неужели вы не понимаете, что русский — мой родной язык? // — Понимаем, **конечно**, **но** все-таки как-то странно* [Запись LiveJournal (2004)];

— Да, да, понимаю, — кивнула Таня. — Помиришься с Лилиан. // — **Конечно**, помирюсь, **но** я считаю, что мужчина должен быть самостоятельным. Сейчас я занимаюсь обменом на Минск. Меня попросили помочь [Василий Аксенов. Пора, мой друг, пора (1963)];

— У театра есть спонсоры? // — **Конечно**, **но** их получается приглашать только под какие-нибудь особенные события — премьера, открытие сезона, приезд звезды [Яцек Каспшик: «Немецкий и русский языки не сложны для поляка» // «Известия», 2002.10.18];

- **действительно X, но Y:**

— А на самом деле? // — Это **действительно** цаца, **но** не настолько, Паша, не настолько. Я совершенно в этом уверен [Виктор Пронин. Банда 8 (2005)];

- **естественно X, но Y:**

— «Проживая» воспоминания, вы следите за тем, что происходит в Москве, в мире? // — **Естественно**, **но** в основном теперь мои информаторы — телевизор, газеты, радио. Часто что-то в сообщениях не совпадает, разные акценты, нюансы... Интересно анализировать, сопоставлять и додумывать — тоже, знаете ли, развлечение [Юлия Кантор. Вячеслав Тихонов: «Я ушел совсем в другую жизнь». Тайна встречи Штирлица с женой // «Известия», 2003.02.05];

- **разумеется X, но Y:** — Мне знаком один монастырь, где есть хорошая библиотека. Там очень спокойно, и меня готовы принять в него. — И, помолчав немного, спросил — Что вы мне посоветуете? // Руководствуясь своим давнишним принципом не навязывать никому своего мнения, Бухман ответил вопросом на вопрос: — Мысль, **разумеется**, достойная, **но** мне хотелось бы знать, как вы к ней относитесь сами? [Эдуард Розенталь. Чудаки с планеты Ко // «Вестник США», 2003.06.25].

В последнем случае демагогический прием усиливается за счет реализации отвечающим манипулятивной стратегии «ответ вопросом на вопрос»,

что позволяет ему уйти от обязанности изложить свою точку зрения и спровоцировать инициатора на откровенность.

В целом манипулятивность подобных приемов заключается в том, что под видом соблюдения принципа кооперации (выражения согласия) на самом деле выражается возражение, и диалог переводится в нужную для отвечающего сторону, что реально является нарушением принципа кооперации, которое не осознается инициатором диалога.

IV. Демагогический прием **противопоставления «видимой» и «подлинной» реальности** опирается на «апелляцию к объективной реальности», которую говорящий осуществляет посредством метаязыковых операторов *на самом деле, в самом деле, в действительности* и под. — например:

— *Парня этого посадили, родственники его дали мне корову и тёлку вместо буйволицы, и власть, как видишь, до сих пор стоит, и сносу ей не видать. //* — *Не говори,* — подтвердил один из его спутников, — *на вид-то они простецкие, а на самом деле свой расчёт имеют...* [Фазиль Искандер. Бедный демагог (1969)];

— *Оно решает, что все запечатленные там события происходили именно с ним. На первый взгляд, это логично — раз оно помнит, значит, оно было всегда. Но на самом деле... Дракула задумался. //* — *Что? //* — **Но на самом деле** счастье — лишь блесна [Виктор Пелевин. Бэтман Аполло (2013)];

— *Или здесь определяющая роль принадлежит журналам, специализирующимся на поэзии? //* — *Ну, «мейнстрим» — слово такое, всем знакомое, вроде бы понятное, но на самом деле не вполне определенное. Наверно, «мейнстримов» много или по крайней мере несколько* [Андрей Пермяков. Разговоры с Андреем Пермяковым // «Волга», 2009].

Манипулятивность приема заключается в том, что, употребляя эти выражения, эксплицитная семантика которых ориентирует слушающего на идею соответствия сказанного говорящим объективной реальности, говорящий на самом деле выражает свою, подчас спорную точку зрения, далекую

от объективности, но нужную ему в каких-то целях: «в основе такой апелляции лежит имплицитное представление о «мнимой», «кажущейся» реальности, скрывающей за собою «подлинную», «настоящую» реальность (при этом говорящий в неявном виде присваивает себе право судить о том, какова эта подлинная реальность)» [Булыгина, Шмелев 1997: 468].

Часто в пределах одного и того же контекста сталкиваются два маркера данного демагогического приема, например:

— А на самом деле? // — В действительности же это одна из сокровеннейших формул алхимии. // — Я так слышал, что заклинание в честь Абраксакса? // — Ого, майор, вы делаете успехи!.. [Еремей Парнов. Александрийская гемма (1990)].

Также указанный прием может совмещаться с другим, рассмотренным выше приемом «возражение под видом согласия». См. в следующем примере в словах автора содержится расшифровка иллюкутивной силы ответной реплики — возражение (**«возразил Змей»**):

*— Значит, — сказал Писатель, — мы занялись бессмысленным делом, если собираемся кому-то помочь деньгами? // — Я этого не сказал! — **возразил Змей.** — Во-первых, хоть деньги в принципе несовместимы с русской жизнью или, вернее сказать, с душой русской жизни, **но в действительности** иногда очень даже совместимы. // — Иллюстрируя, он щелкнул пальцем по горлышку бутылки, а потом погладил себя по животу, демонстрируя, каким образом деньги могут быть уместны в душе русской жизни. // — Во-вторых, мы поступаем вполне национально, пытаюсь достичь невозможной цели* [Алексей Слаповский. День денег (1998)].

Во всех подобных случаях говорящий в неявном виде присваивает себе право судить, какая из версий события или факта является подлинной:

*— Может быть, именно потому, что после Седана «Баденгэ» пал и война уже шла с республикой? // — Так марксиды говорят, — сердито сказал старик. — **В действительности же,** после Седана стало совершенно ясно, что Германия победила, что гегемония германскому племени обеспече-*

на и что, стало быть, уже можно протестовать. А Энгельс — чистокровный немец, человек туповатый, хоть ученый, — Энгельс после Седана просто именинником ходил, не хуже любого немецкого офицера. Приличнее других держался Либкнехт [М. А. Алданов. Истоки. Части 1-8 (1942-1946)].

Подобное манипулирование может быть легко разоблачено, если говорящие занимают стороннюю позицию наблюдателей и оценивают высказывание, введенное с помощью метаязыкового оператора типа *на самом деле* со стороны:

— А «живой журнал», говорит, это такой литературный прием — «ирония» называется. А **на самом деле**, там, типа, все давно померли. // — Не, ну это она загнула. // — Согласен, — Батыр налил по новой [И. М. Косых. Нелегалы // «Волга», 2011].

В целом манипулятивность подобных приемов заключается в том, что, употребляя эти выражения, эксплицитная семантика которых ориентирует слушающего на идею соответствия сказанного говорящим объективной реальности, говорящий на самом деле выражает свою, подчас спорную точку зрения, далекую от объективности, но нужную ему в каких-то целях.

V. Игра на референциальной неоднозначности заключается в том, что говорящий намеренно в контексте нейтрализует две возможных противоположных интерпретации в зоне адресата по поводу того, имеется ли в виду определенный конкретный референт, или референт неопределенный / обобщенный (это различие в артиклевых языках типа английского маркируется артиклями *a* и *the*: в таком случае, использование подобного механизма манипуляции затруднено). Типы референции освещаются в работе Е.В. Падучевой, где они именуются «денотативными статусами» [Падучева 1985].

Иллюстрируя подобное обыгрывание конкретного и обобщенного употребления имени, Т.В. Булыгина и А.Д. Шмелев указывают на то, что этот прием кладется в основу многочисленных анекдотов, и приводят такой пример: *Мы ищем бухгалтера. — Как? Вы же взяли на работу бухгалтера неделю назад. // — Да, а теперь мы его ищем* [Булыгина, Шмелев 1997:

471]. То же можно видеть и в нашем примере из Национального корпуса русского языка:

— *Вы можете видеть эту розовую Натали,* — сказал Марест, — *у ее тетки, графини Строгановой, в Сен-Жермене, так как, по-видимому, все ваши вопросы о русских офицерах маскируют любопытство иного рода.* // — *Марест всюду ищет **женщину**,* — ответил Бейль. // — *Ну, кажется, на этот раз **женщину** нашли вы,* — ответил Марест [А. К. Виноградов. Три цвета времени (1931)],

Мы видим, что в речевой зоне Бейля в выражении *искать женщину* слово **женщина** использовано в универсальном нереферентном употреблении (любую, всякую женщину) [Падучева 1985], а в зоне Мареста в выражении *женщину нашли вы* эта лексема использована в конкретно-референтном употреблении (конкретная женщина, известная и говорящему и слушающему, которую имеет в виду говорящий).

Как указывают Т.В. Булыгина и А.Д. Шмелев, рассмотренный прием «языковой демагогии» «основан на манипулировании риторическим приемом генерализации. Указанный прием состоит в том, что для выражения того или иного мнения по поводу конкретной ситуации говорящий использует общую сентенцию. Тем самым может использоваться генерализованная референция в тех случаях, когда фактически имеется в виду единственный объект» [Булыгина, Шмелев 1997: 471].

Сходный прием «игры на референциальной неоднозначности» имеет место, когда в одном контексте могут сталкиваться атрибутивное нереферентное употребление (все элементы множества, удовлетворяющие сформулированному в выражении свойству / признаку — типа *самый сильный человек в мире* [Падучева 1985]) и конкретно-референтное употребление (определенное лицо, известное говорящему, иногда — и слушающему):

— *Да почему?* // — *Жду **нужного человека**.* // — *Когда прилетает твой **нужный человек**?* // — *Еще неделю назад должен был прилететь,* —

покачал головой Семин [Александр Богдан, Геннадий Прашкевич. Человек «Ч» (2001)].

Как видно из последнего примера, в таких случаях для «прояснения» типа референции могут использоваться так называемые «актуализаторы денотативного статуса» (Е.В. Падучева) [Падучева 1985] — притяжательные, указательные и определительные местоимения, артикли, частицы, обороты разного тира и пр., которые изменяют регистр референции, в нашем случае — в сторону конкретизации (*твой* нужный человек).

Также возможна «игра» на столкновении в одном контексте нереферентных атрибутивных и так называемых «предикатных» употреблений, к которым относятся случаи употребления именных групп, указывающих на свойство или включение в класс — типа *быть учителем* в высказывании *Мой брат был учителем* [Падучева 1985]:

— *Как ты мог жениться на старухе?* — *визжала третья жена, потроша Васиной альбомы.* // — *Она не была старухой* [Татьяна Соломатина. Акушер-ХА! Байки (2009)],

Мы видим, как в речевой зоне говорящего (*жениться на старухе*) слово *старуха* использовано в нереферентном атрибутивном употреблении (как в предыдущем примере) — ‘любое лицо женского пола, имеющее данное свойство — быть старухой’), а в речевой зоне слушающего оно уже использовано в предикатном употреблении ‘быть старухой’, т.е. ‘удовлетворять признакам лиц, именуемых *старуха*, входить в открытый класс таких лиц’ (в нашем случае он как раз имеет в виду, что его новая жена на момент женитьбы не входила в класс указанных лиц).

Манипулятивность данного приема заключается в том, что отвечающий избегает ответа по существу на неудобный для него вопрос, но при этом формально соблюдает требования к успешной коммуникации, опять же избегая возможных санкций за нарушение кооперации. В ряде случаев могут обыгрываться количественные аспекты референции:

— Мы ищем **одного человека**, который нам... — терпеливо начал пояснять генерал, но старый Касым неожиданно перебил его: // — Так бы и сказали сразу, что вы ищете **одного** человека! [Виктор Доценко. Тридцатого уничтожить! (2000)].

Здесь в речевой зоне говорящего заложена конкретная референция, которая задается конкретизатором *который (одного человека, который)*, а слушающий, в рамках манипулятивной стратегии *de re* [Булыгина, Шмелев 1997: 472–475], переформулирует смысл запрашиваемой информации, переводит регистр с качественного аспекта референции на количественный — ‘вы ищете именно **одного** человека (не больше), независимо от того, какого именно человека’.

В работе Е.В. Падучевой [Падучева 1985] особый акцент делается на референциальные возможности местоимений (главным образом — личных, в меньшей степени — притяжательных, указательных и определительных). Эти возможности также активно используются и в приеме «игра на референциальной неоднозначности». Так, известно, что местоимение *мы* может использоваться как в инклюзивном (**я + ты, вы**, т.е. *мы с тобой / с вами*), так и в эксклюзивном (**я + он, она, они**, т.е. *мы с ним / с ней / с ними*) употреблении, т.е. иметь разную референцию. Эти разновидности употреблений *мы* могут сталкиваться в одном контексте, т.е. так или иначе осознаваться и обыгрываться участниками коммуникации:

— Жена вам — скандал? — // Не, она у меня не базланит. Это не то что есть некоторые... Ох, не будьте такими — это хуже всего на свете. Тут и так-то... несладко, а если ещё и дома... Если я устал как собака, я посплю, отдохнул — можно снова за работу. А если ещё дома... Нет, это плохо. Хуже нет. // — Вы же говорите, **вы** хорошо живёте. — **Я**-то хорошо! Я про других [Василий Шукшин. Печки-лавочки (1970-1972)].

Здесь в речевой зоне отвечающего происходит выбор лишь одной из возможных альтернатив понимания **ВЫ** собеседника, а именно — вежливого обращения к одному лицу (вместо **ТЫ**). Из контекста же ясно, что инициатор

диалога имел в виду **ВЫ** в обобщенном значении 'вы = жители этой местности'.

Также игра на нейтрализации инклюзивного и эксклюзивного употреблений возможна при выборе личного местоимения I или II лица (например, *мы* или *вы*):

— *А почему — клуб спасения? Вас надо спасать? // — Не вас, а нас. Ты теперь тоже в клубе* [НКРЯ — А. И. Слаповский. 100 лет спустя. Письма нерожденному сыну (окончание) // «Волга», 2009].

«Демагогичность» подобных приемов состоит в том, что отвечающий произвольно манипулирует объемом множества, задаваемого употреблением **вы** в зоне инициатора диалога, которое в норме исключает самого говорящего; он же вместо нормального эксклюзивного **мы** (нас с ними, не с тобой) в ответе использует инклюзивное **мы** (нас и тебя тоже), т.е. переформулирует смысл вопроса в духе стратегии *de re*, т.е. в своих интересах.

Игра на референциальной неоднозначности в случае использования личных местоимений может также заключаться в нейтрализации разных типов употребления местоимений в одном контексте. Так, местоимение **мы** возможно как в нормативном, так называемом «первичном» референтном употреблении, когда обозначает 'я + кто-то еще', так и во «вторичном» референтном употреблении, когда используется вместо *я*, *ты*, *вы* и др. (авторское *мы* и под.) [Падучева 1985].

Референциальная неоднозначность личных местоимений I и II лица мн.ч. может ощущаться адресатом, и тогда он использует речевые средства деманипуляции, состоящие в уточнении объема референции, которое в речевой зоне инициатора диалога (намеренно или случайно) осуществлено не было — например:

— *Так вот, не скажете ли вы мне: чем мы, собственно говоря, живы? // — Странный вопрос. Мы с вами или вообще? // — Мы с вами. // — Ну, работой. Скорее всего работой* [И. Грекова. На испытаниях (1967)],

Здесь в речевой зоне отвечающего вербализуется информация о «странности» вопроса в силу неясности именно референциальной отнесенности местоимения **мы** — инклюзивное или эксклюзивное употребление, что в вопросе спрашивающим не дифференцируется. Не случайно в своем уточняющем вопросе собеседник предлагает свою версию интерпретации — именно в сторону инклюзивного употребления мы (**мы с вами?**) и получает подтверждение своего выбора (**мы с вами**).

Существуют даже устойчивые речевые формулы такого рода уточнений, которые регулярно воспроизводятся в диалогическом дискурсе в ситуациях референциальной непрозрачности личных местоимений и которые направлены именно на прояснение референциального статуса употребления:

— *Значит, Господь поступил несправедливо, и мы его исправим! //* — **Кто это «мы»?** — Максим ехидно улыбался. — *Коммунисты уже попробовали исправить — сам знаешь, что из этого вышло* [Эдуард Володарский. Дневник самоубийцы (1997)];

— *Мы решили вас выпустить, но при условии, что вы дадите слово, что вы, если мы вас позовем, придете. //* — *Позвольте спросить, кто это «мы»?* // — **Мы?** *Это, скажем так, «идея советской власти»* [В. В. Шульгин. Французская интервенция на юге России в 1918 — 1919 годах: Отрывочные воспоминания 1973 года (1973)].

В целом приемы игры на референциальной неоднозначности разнообразны по технике реализации и весьма частотны в диалогическом дискурсе, причем они возможны как в речевой зоне инициатора диалога, так и в речевой зоне отвечающего. Однако при всем их многообразии эти приемы всегда так или иначе сводятся к речевой стратегии *de re*, т.е. к стратегии переформулирования некой исходной информации в интересах говорящего вместо ее объективного изложения. Иначе говоря, использование подобных приемов выступает как нарушение принципа кооперации, который ориентирует участников коммуникации на каждом шаге речевого взаимодействия на добровольное равноправное коммуникативное сотрудничество.

VI. Демагогический прием **использования манипулятивной речевой стратегии *de re* вместо кооперативной стратегии *de dicto*** определяется в работе Т.В. Булыгиной и А.Д. Шмелева как «переинтерпретация чужих воззрений или высказываний в соответствии со своими исходными посылками» [Булыгина, Шмелев 1997: 472].

Еще в античной риторике были известны две возможных речевых стратегии в передаче чужого мнения или в описании какой-либо ситуации: стратегия *de dicto*, в соответствии с которой ситуация излагается объективно, «как она есть», а чужое мнение передается адекватно (эту стратегию можно считать нормальной, т.е. кооперативной), и стратегия *de re*, при которой обсуждаемая ситуация перетолковывается в нужном говорящему направлении, а чужое мнение переформулируется в соответствии с исходными посылками и оценками самого говорящего (именно такая стратегия может считаться демагогической, манипулятивной).

«Стратегия *de dicto* направлена на адекватную передачу чужого мнения; стратегия *de re* всегда маркирована и выбирается со специальной целью» [Булыгина, Шмелев 1997: 474]. Манипулятивность подобного приема, по мнению Т.В. Булыгиной и А.Д. Шмелева, заключается в следующем: «При стратегии *de dicto* говорящий использует номинации, которые счел бы адекватными и субъект передаваемого мнения; при номинации *de re* говорящий все переименовывает в соответствии со своими представлениями о реальности» [Там же: 472].

Самым простым языковым механизмом реализации стратегии *de re* является **лексическая замена** — переименование какого-либо исходного понятия в зоне говорящего на его синоним (языковой или контекстуальный), более точно, по мнению отвечающего, соответствующего описываемой в диалоге ситуации:

— Крутая **вечерина**? // — Да нет, — стала раздражаться Снежана.
— Крутая **вечерина** — это совсем другое. А тут — **порно-нАти** [Запись LiveJournal (2004)].

В результате возможна наведенная в контексте антонимия между словами, которые в языке антонимами не являются, что на синтаксическом уровне поддерживается фигурой антитезы:

— *Неужели люди такие дураки?* // — *Они не дураки,* — покачала Тишка головой, — *они дети* [Майя Кучерская. Тетя Мотя // «Знамя», 2012].

Подобные случаи мы относим к **собственно лексическим механизмам** реализации стратегии *de re*.

К **семантическим механизмам** реализации стратегии *de re* можно отнести случаи разнообразного использования приема амфиболии (обыгрывания многозначности), когда в реактивной реплике отвечающего реализуется не то значение слова, которое заложил инициатор диалога, а то, которое, по тем или иным причинам, нужно самому отвечающему:

— *Какой русский не любит быстрой езды?* // — *Тот, на котором ездят* [Коллекция анекдотов: армянское радио (1970-2000)].

Здесь в реплике отвечающего каламбурно реализовано разговорное метафорическое значение глагола *ездить (верхом)* на ком-л. ‘подчинять своей власти, использовать кого-л. в своих интересах’.

Игра на многозначности может быть вызвана тем, что в пределах одного диалогического контекста сталкиваются разные синтаксические функции одного и того же выражения, употребленного в зоне говорящего и в зоне отвечающего, например:

Запретив себе злиться среди такой красоты, Мира устало вздохнула: — *Слушай, что ты от меня хочешь?* // — *Ничего,* — отрезал Эви. — *Я есть хочу* [Юлия Лавряшина. Улитка в тарелке (2011)].

Здесь в первой реплике глагол *хочешь* употреблено в функции полнознаменательного слова — простого глагольного сказуемого (значение ‘что тебе от меня нужно’), а во второй реплике глагол употреблен в роли вспомогательного модального глагола в составном глагольном сказуемом, не предполагающего валентности на источник (от кого).

К **семантическим механизмам** реализации стратегии *de re* можно также отнести различные случаи **буквализации** исходного выражения, которое в зоне инициатора диалога было употреблено в режиме косвенного речевого акта, т.е. в режиме небуквальной интерпретации:

— *Владик, ну что ты со своим профессором носишься? Кому это интересно?* // — *Тебе. Ты же сама спрашивала меня, не знаю ли я такого ученого...* [коллективный. Тайник // «Огонек». №№ 5-6, 8-13, 1970].

Выражение *Кому это интересно?* в речевой зоне инициатора диалога употреблено как языковая формула, в форме риторического вопроса конвенционально выражающая значение ‘это никому не интересно’. Ответная реплика *тебе* восстанавливает исходное, прямое значение этого вопроса ‘Какому лицу это может быть реально интересно?’.

К **лексико-синтаксическим механизмам** реализации стратегии *de re* относятся случаи перифразирования исходного понятия в речевой зоне говорящего или экспликации его дефиниции в нужном для отвечающего ключе:

— *Я понял, что означает объявление в этом отеле: «Комнаты от одного фунта и ниже».* // — *И что же это означает?* // — *Я решил сэкономить, снял комнату за одни фунт и всю ночь просидел в тёмном подвале* [Коллекция анекдотов: гостиница (1970-2000)].

Возможно столкновение в одном и том же диалогическом контексте двух разных перифрастических описаний или дефиниций одного и того же понятия:

— *Знак того, что ты принесешь в этот дом благополучие — это то, что твой папка — гендиректор какой-нибудь фирмы с оборотом в пятнадцать миллиардов в год,* — *фыркает Андрей.* // — *По-моему, это хуже, чем кормить кого-то медом с ложечки.* // — *Почему это?* // — *Потому что с таким отцом совершенно не имеет смысла выходить за кого-то замуж и кормить чужих людей почти с ложечки постоянно,* — *пожимаю я плечами* [Евгения Мищерская. Тревога // «Волга», 2015].

В данном примере мы видим, как с помощью развернутых эксплицированных дефиниций своего понимания благополучия отвечающий аргументирует довольно спорную мысль, идущую в разрез в общепринятым толкованием этого понятия.

Установка на переименование понятия с помощью развернутой дефиниции может эксплицироваться отвечающим в помощью разного рода метаязыковых показателей типа *Назовем это..., Я бы назвал это...; Я бы сформулировал это...* и под.:

— *А я не желаю с вами беседовать!* // — *Тогда назовем это иначе. Вы дадите мне некоторые показания, которые необходимы как формальность, хотя мне уже все ясно* [Вадим Кожевников. Щит и меч. Книга первая (1968)].

К собственно синтаксическим механизмам реализации стратегии *de re* относится один из самых распространенных приемов — использование метаязыковых показателей (маркеров) переключения точки зрения. В этих случаях может использоваться модель типа **У X-а это называется Y**:

— *Били?* // — *У них это называется «поучили».* Преподали, так сказать, урок. // *Он снова усмехнулся, на этот раз намеренно криво, и Печигину показалось, что углы его лица трутся друг о друга с непрошедшей болью, от которой дёргается, щуря глаз, левое веко* [Евгений Чижов. Перевод с подстрочника (2012)].

Разновидностью указанной модели выступает модель параллельных конструкций типа **По-твоему, X — по-моему, Y**:

— *Всяк изощряется над ним и всяк вmale не пинком сопровождает его. Тут же, в толковании сем, я равен вельможе. Ибо ум!* // *Центральный лишь головой покачал с досадой:* // — *По-твоему, все это у тебя умно, тонко, по всем правилам психологии, а по-моему, это скандал и несчастье. Выслушай меня, старика, в последний раз! Вот что я тебе скажу: успокой свой ум!* [Ольга Заровнятных. Густота // «Волга», 2011].

К **собственно прагматическим механизмам** реализации стратегии *de re* относится манипулятивное использование «коммуникативной стратегии выхода на метауровень», когда вместо информации, требуемой по логике продолжения диалога, собеседник обсуждает значения слов, употребленных инициатором диалога, в результате чего значение слова изменяется в нужно говорящему ключе:

— *Да, так вот, если **следователь** не способен понять всего этого, ему у нас делать нечего, пусть идёт в милицию. Там всегда нужда в честных и исполнительных. А нам нужны **творцы**. // — **Так, значит, следователь — творец?*** — спросила она [Ю. О. Домбровский. Факультет ненужных вещей, часть 5 (1978)].

В этом примере мы видим, что в некоторых случаях использование стратегии *de re* имеет и положительный момент, связанный с установлением определенного алогизма в словах инициатора диалога (в нашем случае, вполне оправданно сомнение отвечающего в том, что следователей НКВД можно называть творцами в общепринятом смысле), т.е., по сути, с возвращением словам языка их истинной референции, общепринятых значений, но это все равно не отменяет манипулятивности подобного приема.

VII. Демагогический прием, условно именуемый «**магия слова**» «состоит в употреблении выражений, эмоционально воздействующих на адресата речи, хотя несложный анализ демонстрирует их полную логическую несостоятельность. Однако действенным оказывается сам факт использования слов, несущих положительный или отрицательный заряд. Расчет, осознанный или неосознанный, делается на то, что поддавшийся «магии слов» адресат речи не будет особенно вникать в смысл того, что ему говорится» [Булыгина, Шмелев 1997:475–476].

В этом случае часто используется прием **амплификации** — нагромождения в высказывании слов одной эмоционально-оценочной тональности, избыточное использование образных средств, которые отвлекают адресата от сути. При этом с точки зрения здравого смысла используемые говорящим

высказывания часто бывают тавтологичны, алогичны, бессмысленны или внутренне противоречивы, но этот факт не осознается адресатом, замороженным речевой «красивостью».

В следующем примере нагромождение лексем *красивый* и однокоренных слов как бы маскирует истинную «дьявольскую» суть излагаемой информации, отвлекает от нее внимание адресата:

— *Две тысячи лет назад один чувак сказал: придет дьявол и будет он лицом прекрасен. Красота — последняя идеология, которая осталась человечеству. Живи красиво, купи красивое, носи красивое, отдыхай красиво — и всего добьешься в жизни. Красота — тот крысолов из города (тут он назвал какой-то город, не помню), который приведет нас всех к пропасти. // — Красота погубит мир, — вспомнила я слова Мутищева [А. И. Слаповский. 100 лет спустя. Письма нерожденному сыну (окончание) // «Волга», 2009].*

Примечательно, что в ответной реплике и адресат как бы «заражается» этой тональностью, переходя на волну, заданную говорящим.

К явлениям «магии слова» относятся и случаи порождения высказываний с внутренне противоречивым содержанием, которое не осознается говорящими из-за использования слов — носителей эмоционально-экспрессивной окраски:

Алик вдруг представил Сашу в рядах Инвалидного рынка, полупьяного, развязно зазывающего покупателей к мешку гнилых семечек, и, не скрывая гневной ярости, решительно встал. // — А я знаю, что Сашу ждет новая и прекрасная жизнь! Ну, а вы... — Алик ненавистно посмотрел на Сергея. — Вы, если считаете, что жизнь уже прожили, можете просить пенсию [Анатолий Степанов. В последнюю очередь (1984)].

Именно так и «работает» демагогический прием «магия слова», как он трактуется в работе [Булыгина, Шмелев 1997], когда разного рода несоответствия действительности скрыты посредством намеренного употребления в высказывании массива образных, эмоционально-экспрессивных, оценочных средств языковой суггестии.

В целом проведенный анализ показал, что все рассмотренные приемы языкового манипулирования объединяет то обстоятельство, что они так или иначе нарушают принцип кооперации Г.П. Грайса [Грайс 1985: 217–237], провоцируя нескритичность восприятия адресатом навязываемых ему мнений, которые «подаются как данность, обсуждать и тем более отрицать которую просто глупо» [Булыгина, Шмелев 1997:477].

Иными словами, адресату во всех этих случаях достаточно бесцеремонно навязываются некие суждения, причем в такой форме, которая не предполагает их возможного обсуждения.

2.2. Манипулятивная диалогическая коммуникация в художественной речи Ф.М. Достоевского

В данном разделе мы последовательно рассмотрим общие проблемы изучения гуманитаристикой диалога и диалогичности в художественном мире Ф.М. Достоевского (подраздел 2.2.1), после чего проанализируем модели манипулятивного диалогического взаимодействия в художественной речи писателя и приемы «языковой демагогии» в диалогической речи персонажей Ф.М. Достоевского (соответственно, подразделы 2.2.2 и 2.2.3). В качестве материала для исследования используются тексты романов Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание», «Идиот», «Подросток», «Бесы» и «Братья Карамазовы».

2.2.1. Проблемы диалога и диалогичности в художественном мире Ф.М. Достоевского

В соответствии с принятой концепцией исследования, общие механизмы манипулятивной диалогической коммуникации в естественно-языковых

диалогах необходимо сопоставить с аналогичными моделями в диалоге художественном. Выбор в качестве материала исследования на данном его этапе художественной речи Ф.М. Достоевского обусловлен важностью диалогической коммуникации именно в романах этого писателя (как показал в свое время еще М.М. Бахтин, романы Ф.М. Достоевского «насквозь диалогичны», пронизаны диалогичностью [Бахтин 1979]), исключительным своеобразием диалогического взаимодействия персонажей в его художественном мире («голосов» в терминологии М.М. Бахтина), а также крайним разнообразием разновидностей диалогической коммуникации, воплощенных в романах писателя, в том числе коммуникации некооперативной, конфликтной и манипулятивной. В каком-то смысле можно метафорически сформулировать, что в романах Ф.М. Достоевского представлена «энциклопедия» моделей диалогического взаимодействия.

Особая роль диалога в художественном мире Ф.М. Достоевского подчеркивается практически всеми исследователями творчества писателя, прежде всего литературоведами и критиками [Бахтин 1979; Хоц 1994; Сараскина 1996; Достоевский 1997; Касаткина 2004; Бадалова 2017 и др.], но также и философами, психологами, культурологами и антропологами [Карасев 1994; Дуров, 2000 и др.]. Непосредственно диалог Достоевского как объект литературоведческого исследования рассматривается, например, в монографии К.А. Степаняна «Явление и диалог в романах Ф.М. Достоевского» [Степанян 2010]; диссертации О.Ю. Рождественской «Диалог: его роль и функции в творчестве Ф.М. Достоевского» [Рождественская 2018], в статье Е.А. Гаричевой [Гаричева 2002] и др.

Несколько позже эта проблема стала объектом исследовательского внимания лингвистов, прежде всего на фоне систематического изучения художественной речи писателя в целом, в котором основополагающую роль сыграли, в частности, работы Е.А. Иванчиковой «Рассказчик в повествовательной структуре произведений Достоевского» [Иванчикова 1994] и Н.Д. Арутюновой «Стиль Достоевского в рамке русской картины мира»

[Арутюнова 1999], известный сборник, подготовленный учеными Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН «Слово Достоевского — 2000» [Слово Достоевского 2001], а также лексикографический проект, начатый Ю.Н. Карауловым, «Словарь языка Достоевского. Лексический строй идиолекта» [Словарь языка Достоевского 2001–2003]. Из последних лингвистических работ следует также отметить монографию Н.Т. Ашимбаевой «Достоевский. Контексты слов» [Ашимбаева 2014], монографию и статьи И.В. Ружицкого [Ружицкий 2013, 2015а и 2015б], диссертацию Е.В. Шараповой [Шарапова 2018]. Постепенно появляются и исследования, посвященные лингвистическому анализу разных аспектов диалога у Ф.М. Достоевского, например, работа Г.И. Романовой и Н.Н. Орловой «Невербальный диалог в романе Ф.М. Достоевского “Преступление и наказание”» [Романова, Орлова 2018].

Как было показано ранее, в главе I, художественный диалог, будучи структурно подобен диалогу естественному, типологически и функционально отличается от последнего. Прежде всего это связано с тем, что диалог в художественном произведении — это «слово изображенное», а не спонтанно порожденное в условиях естественного речевого взаимодействия людей. Как пишет И.В. Нестеров, диалоги и монологи составляют наиболее специфическое звено литературного произведения. Художественный текст — это как бы контрапункт двух сплошных нервующихся линий. Одна линия складывается из наименований фактов внесловесной действительности, другая — из монологов и диалогов как таковых. Благодаря последним человек предстает как носитель речи: писателями осваиваются интеллектуальная сторона бытия людей и их межличностное общение [Нестеров 1998].

Диалог в художественном произведении существенным образом зависит от рода и жанра литературы, от творческого метода писателей, от эпохи создания произведения и пр. Так, в лирических произведениях или в прозе и драме дореалистических литературных направлений речь в диалоге мало отличалась от речи самого повествователя, не было речевой индивидуализации персонажа с помощью речи. Только в литературе художественного реализма

герои заговорили своими, отличными от автора, голосами. Иными словами, сам диалог, речевое взаимодействие людей становится непосредственным объектом художественного изображения, что отчетливо видно в реалистических произведениях русской классической литературы XIX в.

Как пишет И.С. Юхнова, уже в творчестве А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Н.В. Гоголя и др. начала осмысляться коммуникативная сторона межличностных отношений, стали отображаться особенности речевого поведения людей в их связи с внутренним миром персонажей. Тем самым в произведениях возникает эффект индивидуализации речи героя, объектом изображения становится не только внешний облик героя и его характер, но и манера говорения. «Герои наделяются яркой речевой манерой, они начинают узнаваться не только по тому, о чем они говорят, но и по тому, как это делают» [Юхнова 2020, с. 22]. Все это в значительной степени отразилось и в диалогах романов Ф.М. Достоевского.

Как уже было сказано выше, именно в особенностях диалогов многие видят суть художественного метода Ф.М. Достоевского [Бахтин 1979; Касаткина 2004; Степанян 2010 и др.]. «В центре художественного мира Достоевского должен находиться диалог, притом диалог не как средство, а как самоцель. Диалог здесь не преддверие к действию, а само действие» [Бахтин 1979: 150]. Диалоги Ф.М. Достоевского, с одной стороны, вписываются в рамки реалистического метода «золотого века» русской классической литературы, но с другой — они отличаются исключительным своеобразием, в сравнении, например, с диалогами Л.Н. Толстого, И.А. Гончарова, И.С. Тургенева и др. Не случайно М.М. Бахтин свою знаменитую концепцию полифонизма и диалогизма строит именно на диалогах в романах Ф.М. Достоевского, утверждая, что диалоги писателя, как проявление принципа диалогизма и полифонизма, суть художественное открытие автора, во многом опережающее свое время [Бахтин 1979]. А Л.П. Гроссман еще в работе 1924 г. говорил о «замечательных стилистических экспериментах» Ф.М. Достоевского, которые подтверждают мысль о том, что «классическая художественная проза русских

романов XIX в.... сдвинулась в сторону каких-то неведомых будущих достижений» [Гроссман 1924].

О «тотальном диалогизме» художественного мира Ф.М. Достоевского как основной черте его поэтики одним из первых сказал М.М. Бахтин: «У Достоевского роман в целом является сплошным диалогом... все вовлечено в этот диалог, ничто не может оставаться нейтральным к нему. Это и есть большой диалог. Но в него вставлены отдельные диалоги героев уже в строго композиционном смысле. Это обычные «средние диалоги». И, наконец, каждое слово романа (автора, рассказчика, героя в любой реплике диалога) внутренне диалогизировано. Это микродиалог» [Бахтин 1979: 202–203].

Согласно М.М. Бахтину, диалог у Достоевского есть проявление такой черты его художественного мира, как полифоничность. Как указывают Г.И. Романова и Н.Н. Орлова: «Исследователь пристально изучал диалог не только как предмет изображения в драматическом и эпическом произведении, но и как конститутивную особенность полифонического романа, т.е. с точки зрения взаимодействия позиций, концепций и мыслей героев» [Романова, Орлова 2018: 68]. Ср. также мысль К.А. Степаняна: «У Достоевского, по Бахтину, в его художественном мире ... автор, носитель полноценного слова, наделяет полноценным словом и героя, таким образом, “замысел автора о герое — замысел о слове”, а “слово автора о герое — слово о слове”» [Степанян 2010: 386].

Полифонизм в романах-диалогах Ф.М. Достоевского заключается в том, что в его романах все точки зрения, «партии» диалога находятся в равноправном положении и отсутствует единое сознание автора и его «завершающий голос», все расставляющий на свои места и выносящий окончательные оценки. Это диалог точек зрения, диалог сознаний, в потом уже — диалог в обычном смысле слова. Так понимаемый диалог служит средством взаимного познания личностей, самопознания и вообще — истинной жизни. Быть, по М.М. Бахтину, значит общаться диалогически. Когда диалог кончается, все кончается [Бахтин 1985]. Согласно К.А. Степаняну, «М. Бахтин ге-

ниально постиг: в романах Достоевского реальность возникает лишь там, где есть открытость хотя бы двух сознаний и душ друг другу — *диалог*» [Степанян 2010: 379]. Как пишет А.А. Дуров, Достоевскому диалог («большой диалог») нужен для того, чтобы найти «человека в человеке» [Дуров 2009: 46]. Ср. также мысль о том, что «диалог — одна из форм существования героев» [Романова, Орлова 2018: 68].

Все вышеизложенное обуславливает тот факт, что диалог в узком смысле как обмен информацией между собеседниками в форме реплик в художественном мире Ф.М. Достоевского также должен обладать специфическими чертами. Можно отметить следующие общие особенности диалогов персонажей Ф.М. Достоевского. Диалог героев Ф.М. Достоевского характеризуется напряженным темпом, который достигается быстрой, стремительной сменой одной незаконченной реплики другой. Очень часты повторы и самоповторы, герои словно возвращаются к одному и тому же слову, чтобы заново ощутить и пережить стоящее за ним явление: «Для Достоевского характерен такой приём, как повтор слова в одном контексте в разных значениях» [Ружицкий 2013:76].

При этом диалоги у писателя обладают свойством **интердискурсивности** — они часто пронизаны цитатами и автоцитатами персонажей из предыдущих бесед. Ср., например, в диалоге между Ставрогиным и Маврикием Николаевичем из романа «Бесы», где Маврикий Николаевич цитирует слова Лизаветы Николаевны:

— *Если можете, то женитесь на Лизавете Николаевне, — подарил вдруг Маврикий Николаевич, и, что было всего любопытнее, никак нельзя было узнать по интонации голоса, что это такое: просьба, рекомендация, уступка или приказание. // Николай Всеволодович продолжал молчать; но гость, ... глядел в упор, ожидая ответа. // — Если не ошибаюсь (впрочем, это совершенно верно), Лизавета Николаевна уже обручена с вами, — проговорил наконец Ставрогин. // — Помолвлена и обручилась, — твердо и ясно подтвердил Маврикий Николаевич. // — Вы... поссорились?.. Извините меня,*

Маврикий Николаевич. // — Нет, она меня **«любит и уважает»**, ее слова. Ее слова драгоценнее всего. // — В этом нет сомнения. // — Но знайте, что если она будет стоять у самого наоя под венцом, а вы ее кликните, то она бросит меня и всех и пойдет к вам. // — Из-под венца? // — И после венца [ССД-VIII, «Бесы»].

В диалогах героев Достоевского «слово отраженное» (М.М. Бахтин), т.е. отголоски чужой речи могут неоднократно возникать в репликах беседующих персонажей, но в переогласованном виде, в разном контекстном окружении:

(А) кооперативное отраженное употребление «чужого слова» для поддержания «добрых чувств» собеседников друг к другу — в диалоге между князем Мышкиным и Ипполитом в романе «Идиот»:

— Я вас особенно ждал и ужасно рад, что вы пришли такой счастливый, — проговорил Ипполит, когда князь, тотчас после Веры, подошел пожать ему руку. // — А почему вы знаете, что я **«такой счастливый»**? // — По лицу видно. Поздоровайтесь с господами и присядьте к нам сюда поскорее. Я особенно вас ждал, — прибавил он, значительно напирая на то, что он ждал [ССД-VI, «Идиот»];

(Б) вербально-агрессивное отраженное употребление «чужого слова» — в диалоге между Аглаей и Настасьей Филипповной в романе «Идиот»:

Аглая надменно подняла голову: // — Удержите ваш язык; я не этим вашим оружием пришла с вами сражаться... // — А! Стало быть, **вы все-таки пришли «сражаться»**? Представьте, я однако же думала, что вы... остроумнее... [ССД-VI, «Идиот»];

(В) загадочно-таинственное, суггестивное, намекающее отраженное употребление «чужого слова» — в диалоге между князем Мышкиным и Парфеном Рогожиным в романе «Идиот»:

— Как ты... отыскал меня здесь? — спросил князь, чтобы что-нибудь выговорить. // — От Келлера слышал (я к тебе заходил), «в парк-де пошел»: ну, думаю, так оно и есть. // — **Что такое «есть»?** — тревожно

подхватил князь выскочившее слово. // Рогожин усмехнулся, но объяснения не дал [ССД-VI, «Идиот»];

(Г) ироническое отраженное употребление «чужого слова» — в диалоге между Рассказчиком и Шатовым в романе «Бесы»:

— Да разве вы ездили в Америку? — удивился я. — Вы никогда не говорили. // — Чего рассказывать. Третьего года мы отправились втроем на эмигрантском пароходе в Американские Штаты на последние деньжишки, **«чтобы испробовать на себе жизнь американского рабочего и таким образом личным опытом проверить на себе состояние человека в самом тяжелом его общественном положении»**. Вот с какою целью мы отправились. // — Господи! — засмеялся я. — Да вы бы лучше для этого куда-нибудь в губернию нашу отправились в страдную пору, **«чтоб испытать личным опытом»**, а то понесло в Америку! [ССД-VIII, «Бесы»].

Очень велика роль ассоциаций и отсылок к предыдущим событиям, т.е. своего рода «гипертекстовая организация» диалога. Это хорошо видно из примера диалога между Прасковьей Ивановной и Варварой Петровной из романа «Бесы»:

Варвара Петровна криво улыbnулась. // — Знаешь что, друг мой Прасковья Ивановна, ты, верно опять что-нибудь вообразила себе, с тем вошла сюда. Ты всю жизнь одним воображением жила. Ты вот про пансион разозлилась; **а помнишь, как ты приехала и весь класс уверила, что за тебя гусар Шаблыкин посватался, и как мадам Лебур тебя тут же изобличила во лжи**. А ведь ты и не лгала, просто навоображала себе для утехи. Ну, говори: с чем ты теперь? Что еще вообразила, чем недовольна? // — **А вы в пансионе в попа влюбились, что закон Божий преподавал**, — вот вам, коли до сих пор в вас такая злопамятность, — ха-ха-ха! // Она желчно расхохоталась и раскашлялась. // — А-а, ты не забыла про попа... — ненавистно глянула на нее Варвара Петровна. // Лицо ее позеленело. Прасковья Ивановна вдруг приосанилась. // — Мне, матушка, теперь не до смеху; зачем вы мою

дочь при всем городе в ваш скандал замешали, вот зачем я приехала! [ССД-VIII, «Бесы»].

При этом часто отсутствуют эксплицитные средства синтаксической связности, имеется коммуникативное рассогласование реплик и логические неувязки. Так, в примере диалога между губернатором Андреем Антоновичем и его заместителем Блюмом из романа «Бесы» мы видим, что каждый ведет свою речевую партию, не согласуясь с репликами собеседника:

— ***Я прошу тебя, Блюм, оставить меня в покое,*** — начал он тревожно скороговоркой, очевидно желая отклонить возобновление давешнего разговора, прерванного приходом Петра Степановича. // — *И однако ж, это может быть устроено деликатнейше, совершенно негласно; вы же имеете все полномочия,* — почтительно, но упорно настаивал на чем-то Блюм, сгорбив спину и придвигаясь все ближе и ближе мелкими шагами к Андрею Антоновичу. // — ***Блюм, ты до такой степени предан мне и услужлив, что я всякий раз смотрю на тебя вне себя от страха.*** // — *Вы всегда говорите острые вещи и в удовольствии от сказанного засыпаете спокойно, но тем самым себе повреждаете.* // — ***Блюм, я сейчас убедился, что это вовсе не то, вовсе не то*** [ССД-VIII, «Бесы»].

С языковой же точки зрения, диалоги героев Ф.М. Достоевского сохраняют внешнее подобие бытовой речи — в изобилии употребляются неполные предложения, используются эллипсис и умолчание, обрыв фразы, эксплицитные и имплицитные средства адресованности — обращения, побудительные конструкции, средства экспрессивного синтаксиса, направленные на выражение аттрактивной функции (привлечение внимания собеседника) — ср, пример диалога между Степаном Трофимовичем и Варварой Петровной из романа «Бесы»:

— *...Кстати, вы носите красные галстуки, давно ли?* // — *Это я... я только сегодня...* // — *А делаете ли вы ваши моцион? Ходите ли ежедневно по шести верст прогуливаться, как вам предписано доктором?* // — *Не...не всегда* [ССД-VIII, «Бесы»].

В связи с тем, что ситуация не всегда передается с помощью грамматических и лексических средств, особую роль получают внеязыковые коммуникативные факторы: мимика, жестикуляция. В художественных произведениях, эти моменты отражены с помощью системы развернутых авторских ремарок, подробных пояснений, как, например, в следующем диалоге из романа «Подросток»:

*— Я вас ждал все эти три дня, — **вырвалось у меня внезапно, как бы само собой; я задыхался.** // — Спасибо, мой милый. // — Я знал, что вы непременно придете. // — А я знал, что ты знаешь, что я непременно приду. Спасибо, мой милый. // Он примолк. Мы уже дошли до выходной двери, а я все шел за ним. Он отворил дверь; быстро ворвавшийся ветер потушил мою свечу. Тут я вдруг схватил его за руку; была совершенная темнота. Он вздрогнул, но молчал. Я припал к руке его и вдруг жадно стал ее целовать, несколько раз, много раз.* [ССД-IX, «Подросток»].

В целом надо сказать, что диалоги персонажей Ф.М. Достоевского, при всем их бытоподобию, порою производят впечатление странных, фантастических (как, впрочем, и сами его персонажи в целом). К. Мегаева называет диалоги героев Ф.М. Достоевского «надломленными» [Мегаева 1964]. А польский исследователь Мая Шимонюк в работе, посвященной анализу художественной речи еще одного замечательного русского писателя — А. Платонова, употребляет по отношению к диалогам его героев термин «немиметичность», т.е. отсутствие жизнеподобия [Шимонюк 1997]. В каком-то смысле «немиметичными» можно назвать и диалоги героев Ф.М. Достоевского.

Очень часто герои Ф.М. Достоевского отвечают не на непосредственную реплику, обращенную к ним в диалоге, а на свои мысли или на воображаемые реплики, которые мог бы сказать, но не произнес собеседник — ср. диалог между Лизой и Аркадием в романе «Подросток»:

— Лиза, зачем ты меня дернула за рукав? — спросил я. // — Она — скверная, она хитрая, она не стоит... Она тебя держит, чтоб от тебя

выведать, — быстрым злобным шепотом прошептала она. Никогда еще я не видывал у ней такого лица [ССД-IX, «Подросток»].

Создается впечатление, что герои отвечают и каким-то своим мыслям, продолжают во внешней, вербальной форме вести внутренний диалог с самим собой. Это видно в сцене «У наших» из романа «Бесы»:

*Общее молчание. Взгляды всех вновь обратились на Ставрогина и Верховенского. // — Верховенский, вы не имеете ничего заявить? — прямо спросила хозяйка. // — **Ровно ничего**, — потянулся он [Петр Степанович Верховенский], зевая, на стуле. — **Я, впрочем, желал бы рюмку коньяку**. // — Ставрогин, вы не желаете? // — **Благодарю, я не пью**. // — Я говорю, желаете вы говорить или нет, а не про коньяк. // — Говорить, об чем? Нет, не желаю. // — Вам принесут коньяку, — ответила она Верховенскому [ССД-VIII, «Бесы»].*

Американский исследователь Ольга Меерсон видит художественное своеобразие диалогической коммуникации героев писателя в уникальном сочетании сказанного и невысказанного, того, что оговорено, с тем, о чем умалчивается: «... Авторитет молчания, — если есть критерии для его красноречивости, — может победить и авторитет множественности голосов. Именно этот-то авторитет у Достоевского часто структурирует субъектную организацию произведения, позволяя равноправным голосам выражать то, что нужно самому Достоевскому — но выражать через боль носителей самих этих голосов, а вовсе не через нарративное предпочтение *достоверности* одного — достоверности другого. И здесь, как и в других рассматриваемых случаях, автор вступает в диалог с читателем посредством диалога героев, соприкасающихся больными местами — то есть часто диалога *умолчаний* героев» [Меерсон 2009, с. 218].

Вот знаменитый пример «диалога умолчаний» из сцены объяснения Лизы и Николая Ставрогина в романе «Бесы», когда беседа героев крутится вокруг темы убийства Марьи Тимофеевны и Игната Лебядкиных, но никто не смеет сказать это вслух:

— Твои слова, этот смех, вот уже час, насылают на меня холод ужаса. Это «счастье», о котором ты так неистово говоришь, стоит мне... всего. Разве я могу теперь потерять тебя? Клянусь, я любил тебя вчера меньше. Зачем же ты у меня всё отнимаешь сегодня? Знаешь ли ты, чего она стоила мне, эта новая надежда? **Я жизнью за нее заплатил.** // — Своею или чужой? // Он быстро приподнялся. // — **Что это значит?** — проговорил он, неподвижно смотря на нее. // — Своею или моею жизнью заплатили, вот что я хотела спросить. Или вы совсем теперь понимать перестали? — вспыхнула Лиза. — Чего вы так вдруг вскочили? Зачем на меня глядите с таким видом? Вы меня пугаете. Чего вы всё боитесь? Я уж давно заметила, что вы боитесь, именно теперь, именно сейчас... Господи, как вы бледнеете! // — **Если ты что-нибудь знаешь, Лиза, то клянусь, я не знаю... и вовсе не о ТОМ сейчас говорил, говоря, что жизнью заплатил...** // — Я вас совсем не понимаю, — проговорила она, боязливо запинаясь [ССД-VIII, «Бесы»].

Таким образом, основная смысловая нагрузка в диалогах Достоевского часто лежит на том, что не сказано, т.е., как мы говорили в главе I, на «прагматике диалога», на том, что скрыто. А подобного рода коммуникативная организация диалога по умолчанию предполагает использование говорящими разного рода манипулятивных стратегий и тактик с самыми разными целями. Действительно, герои Достоевского в своих диалогах демонстрируют нам самые разнообразные модели конфликтной (вербально-агрессивной или манипулятивной) коммуникации:

— Я вас не люблю, Версиров. // — **И даже «Версиров».** Кстати, я очень сожалею, что не мог передать тебе этого имени, ибо в сущности только в этом и состоит вся вина моя, если уж есть вина, не правда ли? Но, опять-таки, не мог же я жениться на замужней, сам рассуди [ССД-IX, «Подросток»].

Здесь в ответной реплике Версирова в скрытой форме выражен упрек главному герою в том, что он обращается к родному отцу по фамилии.

Специфика содержательного наполнения реплик диалога и его эмоционально-экспрессивная тональность в этих случаях часто служат инструментом самоутверждения за счет собеседника, его манипулятивного убеждения, а зачастую — непрямого унижения, уничижения. Примечателен в этом плане диалог между Варварой Петровной и Степнаном Трофимовичем в «Бесах», когда она предлагает ему жениться на молодой воспитаннице:

*У Степана Трофимовича закружилась голова; стены пошли кругом. Тут была одна страшная идея, с которою он никак не мог сладить. // — Дорогая моя! — задрожал вдруг его голос, — я... я никогда не мог вообразить, что вы решитесь выдать меня... за другую... женщину! // — **Вы не девица, Степан Трофимович; только девиц выдают, а вы сами женитесь,** — ядовито прошипела Варвара Петровна. // — Да, я оговорился. Но... это все равно, — уставился он на нее с потерянным видом. // — **Вижу, что все равно,** — презрительно процедила она, — Господи! Да с ним обморок! Настасья, Настасья! Воды! [ССД-VIII, «Бесы»].*

Диалог также выступает как средство защиты подчас шаткой или спорной позиции говорящего (причем с возможностью впоследствии отказаться от сказанного). Ср. начало приведенного выше диалога:

*— Но, мой добрый друг, в третий раз и в моих летах... и с таким **ребенком!** — проговорил он наконец. — Но ведь это **ребенок!** // — **Ребенок, которому двадцать лет, слава Богу!** Не вертите, пожалуйста, зрачками, прошу вас, вы не на театре. Вы очень умны и учены, но ничего не понимаете в жизни, за вами постоянно должна нянька ходить. Я умру, и что с вами будет? А она будет вам хорошею нянькой; это девушка скромная, твердая, рассудительная; к тому же я сама буду тут, не сейчас же умру. Она домо-седка, она ангел кротости. Эта счастливая мысль мне еще в Швейцарии приходила. Понимаете ли вы, если я сама вам говорю, что она ангел кротости! — вдруг яростно вскричала она. — У вас сор, она заведет чистоту, порядок, все будет как зеркало... Э, да неужто вы мечтаете, что я еще кланяться вам должна с таким сокровищем, исчислять все выгоды, сватать! Да вы*

должны бы на коленях... О, пустой, пустой, малодушный человек! // — Но... я уже **старик!** // — Что значат ваши пятьдесят три года! Пятьдесят лет не конец, а половина жизни. Вы красивый мужчина, и сами это знаете. Вы знаете тоже, как она вас уважает. Умри я, что с нею будет? А за вами она спокойна, и я спокойна. У вас значение, имя, любящее сердце; вы получаете пенсион, который я считаю своею обязанностью. Вы, может быть, спасете ее, спасете! Во всяком случае, честь доставите. Вы сформируете ее к жизни, разовьете ее сердце, направите мысли. Нынче сколько погибают оттого, что дурно направлены мысли! К тому времени поспеет ваше сочинение, и вы разом о себе напомним [ССД-VIII, «Бесы»].

Диалог в романах Достоевского — это еще и способ подольститься, выведать секреты собеседника, чтобы использовать потом в своих целях:

— А? Что? **Вы, кажется, сказали «все равно»?** — затрепал Петр Степанович (Николай Всеволодович вовсе ничего не говорил). — Конечно, конечно; Уверяю вас, что я вовсе не для того, чтобы вас товариществом компрометировать. А знаете, вы ужасно сегодня вскидчивы; я к вам прибежал с открытою и веселой душой, а вы каждое мое словцо в лыко ставите; уверяю же вас, что сегодня ни о чем щекотливом не заговорю, слово даю, и на все ваши условия заранее согласен. // Николай Всеволодович упорно молчал. // — А? Что? **Вы что-то сказали? Вижу, вижу, что я опять, кажется, сморозил; вы не предлагали условий, да и не предложите, верю, верю, ну успокойтесь;** я и сам ведь знаю, что мне не стоит их предлагать, так ли? Я за вас вперед отвечаю и — уж конечно, от бездарности; бездарность и бездарность... Вы смеетесь? А? Что? // — Ничего, — усмехнулся наконец Николай Всеволодович, — я припомнил сейчас, что действительно обозвал вас как—то бездарным, но вас тогда не было, значит, вам передали... Я бы вас просил поскорее к делу. // — Да я ведь у дела и есть, я именно по поводу воскресенья! — залепетал Петр Степанович. — Ну чем, чем я был в воскресенье, как по-вашему? Именно торопливою срединною бездарностью, и я самым бездарнейшим образом овладел разговором силой. Но мне все простили,

потому что я, во-первых, с луны, это, кажется, здесь теперь у всех решено; а во—вторых, потому, что милую историю рассказал и всех вас выручил, так ли, так ли? // — ***То есть именно так рассказали, чтобы оставить сомнение и выказать нашу стачку и подтасовку, тогда как стачки не было, и я вас ровно ни о чем не просил. //*** — ***Именно, именно!*** — как бы в восторге подхватил Петр Степанович. — ***Я именно так и делал, чтобы вы всю пружину эту заметили; я ведь для вас, главное, и ломался, потому что вас ловил и хотел компрометировать. Я, главное, хотел узнать, в какой степени вы боитесь*** [ССД-VIII, «Бесы»].

Здесь в речевой зоне Петра Степановича можно видеть и само использование манипулятивных приемов, и их якобы разоблачение, сделанное самим же говорящим в манипулятивных целях.

Так создается своеобразный «полифонический», многоголосый, внутренне противоречивый художественный мир Ф.М. Достоевского, и манипулятивные диалогические техники, вложенные автором в уста его героев, играют в этом немалую роль. Помимо традиционных, характерологической и сюжетообразующей художественных функций, некооперативная диалогическая коммуникация в романах Ф.М. Достоевского (как и диалоги персонажей в целом) выполняет и специфическую, выражаясь словами М.М. Бахтина, «идеологическую» функцию — функцию напряженного самопознания и самовыражения героя, максимального раскрытия его ценностной и идеологической позиции в мире, ее утверждения в противостоянии с альтернативными ей точками зрения. А все это возможно, по мысли Ф.М. Достоевского, только в напряженном непрекращающемся диалоге героев друг с другом, а через них — в диалоге автора и читателя.

Ниже, в подразделах 2.2.2 и 2.2.3, мы рассмотрим, как выявленные ранее, в предыдущем разделе 2.1, модели манипулятивного диалогического взаимодействия и приемы «языковой демагогии» в диалогической коммуникации на русском языке своеобразно преломляются в художественном мире романов Ф.М. Достоевского.

2.2.2. Модели манипулятивного диалогического взаимодействия в диалогах героев Ф.М. Достоевского

В разделе 2.1 (подраздел 2.1.1) на материале Национального корпуса русского языка мы рассмотрели такие модели манипулятивной коммуникации, как речевые стратегии манипулятивного ухода от темы, которые находят свое выражение в речевых тактиках демонстративного ответа не по теме, манипулятивного переспрашивания, перебива и подхвата, манипулятивной перемены темы, манипулятивного отказа от коммуникации, демонстративного молчания и пр. Ниже мы покажем, как эти модели проявляют себя в диалогах персонажей романов Ф.М. Достоевского.

Примером **речевой стратегии ухода от неудобной темы** является уже приведенный выше диалог между губернатором Антоном Антоновичем и его заместителем Блюмом, когда губернатор, психологически неготовый исполнять свои обязанности по задержанию смутьянов (на чем настаивает Блюм), желает всячески уклониться от действий:

— ***Я прошу тебя, Блюм, оставить меня в покое,*** — начал он тревожно скороговоркой, очевидно желая отклонить возобновление давешнего разговора, прерванного приходом Петра Степановича. // — *И однако ж, это может быть устроено деликатнейше, совершенно негласно; вы же имеете все полномочия,* — почтительно, но упорно настаивал на чем-то Блюм, сгорбив спину и придвигаясь все ближе и ближе мелкими шагами к Андрею Антоновичу. // — ***Блюм, ты до такой степени предан мне и услужлив, что я всякий раз смотрю на тебя вне себя от страха.*** // — *Вы всегда говорите острые вещи и в удовольствии от сказанного засыпаете спокойно, но тем самым себе повреждаете.* // — ***Блюм, я сейчас убедился, что это вовсе не то, вовсе не то*** [ССД-VIII, «Бесы»].

Губернатор использует манипулятивную модель «выход на метауровень», когда говорящий, вместо ответной вербальной или невербальной реак-

ции в соответствии с коммуникативным намерением адресата, переводит разговор в плоскость обсуждения взаимоотношений, интенций собеседников, выбранного тона или значений слов и выражений.

Вообще говоря, как мы показали в предыдущем разделе 2.1, в стратегиях манипулятивного ухода от неудобной для говорящего темы реализуются разные речевые тактики. Так, в зоне адресата порождается **демонстративный ответ не по теме**, совсем из другой области, абсолютно не связанный с обсуждаемой темой — диалог Долгорукого и Анны Андреевны в романе «Подросток»:

*Анна Андреевна, лишь только обо мне доложили, бросила свое шитье и поспешно вышла встретить меня в первую свою комнату — чего прежде никогда не случалось. <...>. // — Вы ко мне присылали Настасью Егоровну, — начал прямо, несколько тяготясь таким уж слишком эффектным участием, хотя оно мне было приятно. // Она вдруг заговорила, не ответив на мой вопрос. // — **Я всё слышала, я всё знаю. Эта ужасная ночь... О, сколько вы должны были выстрадать! Правда ли, правда ли, что вас нашли уже без чувств, на морозе?** [ССД-IX, «Подросток»].*

Подобные случаи могут сопровождаться логическим и коммуникативным рассогласованием реплик, что входит в коммуникативное намерение говорящего — фрагмент диалога генеральши и князя Мышкина из романа «Идиот» (при первой их встрече в доме генерала Епанчина):

*— Это очень дурно с вашей стороны, — заметила генеральша; — вы их извините, князь, а они добрые. Я с ними вечно бранюсь, но я их люблю. Они ветрены, легкомысленны, сумасшедшие. // — Почему же? — смеялся князь: — и я бы не упустил на их месте случай. **А я все-таки стою за осла: осел добрый и полезный человек.** // — А вы добрый, князь? Я из любопытства спрашиваю, — спросила генеральша. // Все опять засмеялись. // — **Опять этот проклятый осел подвернулся; я о нем и не думала!** — вскрикнула генеральша. — Поверьте мне, пожалуйста, князь, я без*

всякого... — Намека? О, верю без сомнения! // И князь смеялся не переставая [ССД-VI, «Идиот»].

Для поддержания возникшей атмосферы дружеской непринужденности князь, в ответ на просьбу извинить дочерей, вновь вводит в рассмотрение тему осла (отсылка к предыдущей части беседы, когда князь рассказывал о поразившем его в Швейцарии осле). Ассоциация с инвективным наименованием глупого, недалекого человека также возникает на фоне предыдущих реплик генеральши (— *Осел? Это странно,* — заметила генеральша. — *А впрочем, ничего нет странного, иная из нас в осла еще влюбится,* — заметила она, гневно посмотрев на смеявшихся девиц. — *Это еще в мифологии было. Продолжайте, князь*).

Иногда подобный ответ не по теме в зоне ответной реакции служит для разоблачения истинных (скрытых от посторонних, по мнению отвечающего) коммуникативных намерений говорящего — инициатора диалога, как это можно видеть в сцене допроса свидетеля Григория в суде (роман «Братья Карамазовы»):

— *Это еще не доказательство, что не почивали (еще и еще смешок в зале). Могли ли например ответить в ту минуту, если бы вас кто спросил о чем,* — *ну например о том, который у нас теперь год?* // — *Этого не знаю.* // — *А который у нас теперь год, нашей эры, от Рождества Христова, не знаете ли?* // Григорий стоял со сбитым видом, в упор смотря на своего мучителя. Странно это, казалось, по-видимому, что он действительно не знает какой теперь год. // — *Может быть знаете однако, сколько у вас на руке пальцев?* // — **Я человек подневольный,** — вдруг громко и раздельно проговорил Григорий, — **коли начальству угодно надо мною надсмехаться, так я снести должен** [ССД-XII, «Братья Карамазовы»].

Также в диалогах персонажей Достоевского встречается и **стратегия манипулятивного переспрашивания**, которая заключается в том, что отвечающий отвечает вопросом на вопрос. При этом может декларироваться цель уточнения инициального вопроса или его части, но на деле обсуждение пере-

водится в другую плоскость — см. фрагмент диалога генеральши и Гани Иволгина из романа «Идиот»:

<...> — *Здравствуйте !* — *ответила она на поклон Гани, не пригласив его садиться.* — ***Вы вступаете в брак?*** // — ***В брак?.. Как?.. В какой брак?..*** — *бормотал ошеломленный Гаврила Ардалионович. Он ужасно смешался.* // — ***Вы женитесь? спрашиваю я, если вы только лучшие любите такое выражение?*** — *Н-нет... я... н-нет,* — *солгал Гаврила Ардалионович, и краска стыда залила ему лицо.* <...> — ***Нет? Вы сказали: нет?*** — *настойчиво допрашивала неумолимая Лизавета Прокофьевна; — довольно, я буду помнить, что вы сегодня в среду утром на мой вопрос сказали мне: "нет".* <...> [ССД-VI, «Идиот»].

Нетрудно заметить, что здесь ответ на вопрос вовсе не служит целям уточнения референции. Истинная цель отвечающего — уйти от неудобного вопроса, возможно, выиграть время, чтобы собраться с мыслями в целях подготовки нужной ему речевой реакции.

В ряде случаев мы встречаемся с ситуацией обыгрывания иллюкутивной силы вопроса в режиме косвенного речевого акта в зоне говорящего и прямого вопроса в зоне отвечающего — фрагмент диалога князя Мышкина и Фердыщенко из романа «Идиот»:

<...> — ***Разве можно жить с фамилией Фердыщенко? А?*** // — ***Отчего же нет?*** <...> [ССД-VI, «Идиот»].

Здесь говорящий использует импликацию дискурса, т.е. строит фразу в форме риторического вопроса, имплицитно предполагающего сильное утверждение 'Нельзя жить с фамилией Фердыщенко': конвенции речевого общения предполагают, что слушающий распознает истинную иллюкутивную силу утверждения в небуквальном восприятии. Отвечающий же намеренно переводит обсуждение в режим прямого речевого акта, чтобы возразить на данное спорное, с его точки зрения, утверждение, сделанное в имплицитной форме, причем также в речевом акте вопроса, означающего 'Почему нельзя жить с фамилией Фердыщенко?'.

Ранее, в предыдущем разделе 2.1, мы показали, что в стратегии манипулятивного переспрашивания может быть задействована модель «выход на метауровень», когда вместо информативного ответа собеседник обсуждает значения слов, употребленных инициатором диалога. Это можно видеть в следующем фрагменте диалога между князем Мышкиным и Аглаей:

— *Послушайте, Аглая, — сказал князь, — мне кажется, вы за меня очень боитесь, чтоб я завтра не срезался... в этом обществе? //* — *За вас? Боюсь?* — *вся вспыхнула Аглая, — отчего мне бояться за вас, хоть бы вы... хоть бы вы совсем осрамились? Что мне? **И как вы можете такие слова употреблять? Что значит: «срезался»? Это дрянное слово, пошлое.** <...> [ССД-VI, «Идиот»].*

Стратегия манипулятивного переспрашивания в ряде случаев также имеет специальный метаязыковой маркер типа *Какой такой X* — ср. фрагмент допроса Мити Карамазова в романе «Братья Карамазовы»:

— *А руки всё еще не подумали вымыть, даже и входя к господину Перхотину? Не опасались стало быть подозрений? //* — ***Каких таких подозрений?** Подозревай — хоть нет, всё равно, я бы сюда ускакал и в пять часов застрелился, и ничего бы не успели сделать. Ведь если бы не случай с отцом, ведь вы бы ничего не узнали и сюда не прибыли. О, это чорт сделал, чорт отца убил, через чорта и вы так скоро узнали! Как сюда-то так скоро успели? Диво, фантазия!* [ССД-XI, «Братья Карамазовы»].

В роли маркеров манипулятивного переспрашивания могут также выступать типизированные вопросные конструкции с семантикой переспрашивания типа *Что ты сказал / говоришь?* и пр. — например, в диалоге между генералом Иволгиным и его сыном Ганей в романе «Идиот»:

Он [генерал Иволгин] вскочил, и его уже не могли сдержать; но и Гаврила Ардалионович, видимо, прорвался. // — *Туда же о чести! — крикнул он злобно. //* — ***Что ты сказал?** — загремел генерал, бледнея и шагнув к нему шаг. //* — *А то, что мне стоит только рот открыть, чтобы... — заво-*

пил вдруг Ганя и не договорил. Оба стояли друг перед другом, не в меру потрясенные, особенно Ганя [ССД-VI, «Идиот»].

Подобная модель обычно используется в коммуникативной схеме «выяснение отношений» и тем самым по определению является конфликтной или манипулятивной.

Стратегия манипулятивного перебива применяется отвечающими в ситуации обрыва реплики инициатора (проще говоря, отвечающий не дает ему полностью высказать свое сообщение) — ср. пример диалога Ипполита и Гани Иволгина в романе «Идиот»:

Ипполита тоже как будто передернуло, но он мигом сдержал себя. //
— Я не совсем с вами согласен, что ваш папаша с ума сошел, — спокойно ответил он; — мне кажется напротив, что ему ума даже прибыло за последнее время, ей богу; вы не верите? Такой стал осторожный, мнительный, все-то выведывает, каждое слово взвешивает... Об этом Капитошке он со мной ведь с целью заговорил; представьте, он хотел навести меня на... // — *Э, чорт ли мне в том, на что он хотел вас навести! Прошу вас не хитрить и не вилать со мной, сударь!* — взвизгнул Ганя: — *Если вы тоже знаете настоящую причину, почему старик в таком состоянии (а вы так у меня шпионили в эти пять дней, что наверно знаете), то вам во все бы не следовало раздражать... несчастного и мучить мою мать увеличением дела, потому что все это дело вздор, одна только пьяная история, больше ничего, ничем даже не доказанная, и я вот во столечко ее не ценю...* [ССД-VI, «Идиот»].

Здесь манипулятивный перебив выполняет роль перемены регистра общения, когда адресат, вместо того чтобы, в духе коммуникативного согласования, продолжить обсуждение поднятой инициатором темы, произвольно меняет ее в своих интересах.

Аналогичную ситуацию можно видеть в примере диалога Анны Андреевны и Аркадия в романе «Подросток»:

— Мне кажется, Андрей Петрович... — начал было я. // — **Андрей Петрович**, — прервала она с горькой усмешкой, — **Андрей Петрович на мой прямой вопрос ответил мне тогда честным словом, что никогда не имел ни малейших намерений на Катерину Николаевну, чему я вполне и поверила, делая шаг мой; а между тем оказалось, что он спокоен лишь до первого известия о каком-нибудь господине Бьоринге** [ССД-IX, «Подросток»].

Используя данную стратегию, адресат неправомерно перехватывает инициативу разговора и навязывает инициатору диалога свое, альтернативное видение событий. Некооперативность данной модели состоит в том, что инициатор лишается возможности изложить свою позицию.

Аналогично — в диалоге между Настасьей Филипповной и генералом Иволгиным в романе «Идиот» — Настасья Филипповна, посредством манипулятивного перебива, вместо того чтобы выслушать собеседника, порождает косвенный речевой акт упрека в форме серии вопросов, не вытекающий из содержания реплики генерала (который просто желал объяснить ситуацию), т.е. тем самым нарушающий коммуникативное согласование реплик:

— Я слышал, что сын мой... — начал было Ардалион Александрович. // — **Да, сын ваш! Хороши и вы тоже, папенька-то! Почему вас никогда не видать у меня? Что, вы сами прячетесь, или сын вас прячет? Вам-то уж можно приехать ко мне, никого не компрометируя** [ССД-VI, «Идиот»].

Стратегия отказа от неудобного вопроса в ответной реплике может вербализоваться указанием на нежелание обсуждать данный вопрос с помощью глаголов *молчать*, *умолчать*, *умолкать* в I л., ед. ч. — ср. фрагмент диалога старца Зосимы и Федора Павловича Карамазова:

Старец вдруг поднялся с места: // — Простите, господа, что оставляю вас пока на несколько лишь минут, — проговорил он, обращаясь ко всем посетителям, — но меня ждут еще раньше вашего прибывшие. А вы всё-таки не лгите, — прибавил он, обратившись к Федору Павловичу с веселым лицом. // <...> Но Федор Павлович всё-таки остановил его в дверях кельи: //

— Блаженнейший человек! — вскричал он с чувством, — *позвольте мне еще раз вашу ручку облобызать! Нет, с вами еще можно говорить, можно жить! Вы думаете, что я всегда так лгу и шутов изображаю? Знайте же, что это я всё время нарочно, чтобы вас испробовать, так представлялся. Это я всё время вас ощупывал, можно ли с вами жить? Моему-то смирению есть ли при вашей гордости место? Лист вам похвальный выдаю: можно с вами жить! А теперь молчу, на всё время умолкаю. Сяду в кресло и замолчу.* Теперь вам, Петр Александрович, говорить, вы теперь самый главный человек остались... на десять минут... [ССД-ХІ, «Братья Карамазовы»].

Как было показано в предыдущем разделе 2.1, стратегии отказа от ответа на неудобный вопрос часто могут быть выражены в ответной реплике специальными метаязыковыми маркерами типа *Что об этом говорить?; (Мы) не будем об этом говорить* и пр. — например, в фрагменте диалога Степан Трофимовича и Кириллова в романе «Бесы»:

— *Правда это?* — обратился Степан Трофимович к Алексею Нилычу.
// — *Я желал бы не говорить об этом,* — отвечал Алексей Нилыч, вдруг подымая голову и сверкая глазами, — *я хочу оспорить ваше право, Липутин. Вы никакого не имеете права на этот случай про меня. Я вовсе не говорил моего всего мнения. Я хоть и знаком был в Петербурге, но это давно, а теперь хоть и встретил, но мало очень знаю Николая Ставрогина. Прошу вас меня устранить и... и всё это похоже на сплетню* [ССД-VІІІ, «Бесы»].

Стратегия отказа от неудобного вопроса может реализовываться в рамках уже рассмотренной выше коммуникативной схемы «выход на метауровень», когда вместо ответа отвечающий реагирует на саму иллокутивную силу инициального вопроса, вербализуя ее тем или иным способом. Обычно языковым маркером подобной манипуляции в речевой зоне отвечающего являются устойчивые формулы типа *И не спрашивай, Он еще спрашивает, О чем тут спрашивать?* и синонимичные им:

- Диалог Ивана Кармазова и черта:

— А какие муки у вас на том свете кроме-то квадриллиона? — с каким-то странным оживлением прервал Иван. // — Какие муки? **Ах и не спрашивай:** прежде было и так и сяк, а ныне всё большие нравственные пошлы, «угрызения совести» и весь этот вздор. Это тоже от вас завелось, от «смягчения ваших нравов». Ну и кто же выиграл, выиграли одни бессовестные, потому что ж ему за угрызения совести, когда и совести-то нет вовсе. Зато пострадали люди порядочные, у которых еще оставалась совесть и честь... [ССД-ХІ, «Братья Карамазовы»];

- Диалог Мити Карамазова и Петра Ильича:

Петр Ильич слушал и молчал, помолчал и Митя. // — Это какая у вас собачка? — спросил он вдруг рассеянно приказчика, заметив в углу маленькую хорошенькую болоночку с черными глазками. // — Это Варвары Алексеевны, хозяйки нашей болоночка, — ответил приказчик, — сами занесли давеча, да и забыли у нас. Отнести надо будет обратно. // — Я одну такую же видел... в полку... — вдумчиво произнес Митя, — только у той задняя ножка была сломана... Петр Ильич, хотел я тебя спросить кстати: крал ты когда что в своей жизни, аль нет? // — **Это что за вопрос?** // — Нет, я так. Видишь, из кармана у кого-нибудь, чужое? Я не про казну говорю, казну все дерут и ты конечно тоже... // — **Убирайся к чорту** [ССД-ХІ, «Братья Карамазовы»].

Часто языковым механизмом такой манипулятивной стратегии является устойчивая коммуникативная формула *Да, но...* — ср., например, фрагмент диалога Кириллова и Петра Верховенского в романе «Бесы»:

Кириллов опять уселся на стул и опять уперся глазами в угол. // — В Обществе произошла мысль, — продолжал он тем же голосом, — что я могу быть тем полезен, если убью себя, и что когда вы что-нибудь тут накопите и будут виновных искать, то я вдруг застрелюсь и оставлю письмо, что это я всё сделал, так что вас целый год подозревать не могут. // — Хоть несколько дней; и день один дорог. // — Хорошо. В этом смысле мне сказали, чтоб я, если хочу, подожду. Я сказал, что подожду, пока скажут

срок от Общества, потому что мне всё равно. // — Да, но вспомните, что вы обязались, когда будете сочинять предсмертное письмо, то не иначе как вместе со мной, и, прибыв в Россию, будете в моем... ну, одним словом, в моем распоряжении, то есть на один только этот случай, разумеется, а во всех других вы, конечно, свободны, — почти с любезностью прибавил Петр Степанович [ССД-VIII, «Бесы»].

Манипулятивный подхват в диалогах героев Достоевского часто употребляется в зоне ответной реакции, чтобы высказать то, о чем инициатору по тем или иным причинам хочется умолчать — см., пример диалога Гани Иволгина и его сестры в романе «Идиот»:

*— Старик вор и пьяница, — желчно продолжал Ганя, — я нищий, муж сестры ростовщик, — было на что позариться Аглае! Нечего сказать, красиво! // — Этот муж сестры, ростовщик, тебя... // — **Кормит, что ли?** Ты не церемонься, пожалуйста [ССД-VI, «Идиот»].*

Вообще в диалогах героев Достоевского такой уточняющий подхват встречается довольно часто — см. фрагмент диалога Петра Степановича Верховенского и Кириллова перед самоубийством последнего в романе «Бесы»:

*Петр Степанович даже не улыбнулся; он ждал; Кириллов тонко по-смотрел на него. // — Вы политический обманщик и интриган, вы хотите свести меня на философию и на восторг и произвести примирение, чтобы разогнать гнев, и, когда помирюсь, упросить записку, что я убил Шатова. // Петр Степанович ответил почти с натуральным простодушием: // — Ну, пусть я такой подлец, только в последние минуты не всё ли вам это равно, Кириллов? Ну за что мы ссоримся, скажите, пожалуйста: вы такой человек, а я такой человек, что ж из этого? **И оба вдобавок...** // — **Подлецы.** // — Да, пожалуй и **подлецы**. Ведь вы знаете, что это только слова. // — Я всю жизнь не хотел, чтоб это только слова. Я потому и жил, что всё не хотел. Я и теперь каждый день хочу, чтобы не слова [ССД-VIII, «Бесы»].*

Во многих случаях манипулятивный подхват выражается разного рода повторами, в том числе «зеркальными», частичными или полными. Отвечающий как бы «передразнивает» инициатора, но на самом деле вкладывает в повторяющиеся фрагменты нужные ему смыслы — см., например, фрагмент диалога князя Мышкина с Парфеном Рогожиным:

*<...> — Да как же ты... как же ты... — вскричал князь и не докончил. Он с ужасом смотрел на Рогожина. // — Что же ты не доканчиваешь, — прибавил тот, осклабившись, — а хочешь скажу, что ты вот в эту самую минуту про себя рассуждаешь: “ну, как же ей теперь за ним быть? Как ее к тому допустить?” Известно, что думаешь... // — Я не за тем сюда ехал, Парфен, говорю тебе, не то у меня в уме было... // — **Это может, что не за тем, и не то в уме было, а только теперь оно уж наверно стало за тем, хе-хе! Ну, довольно! Что ты так опрокинулся? Да неужто ты и впрямь того не знал? Дивишь ты меня!** <...> [ССД-VI, «Идиот»].*

Типичной чертой манипулятивных подхватов в диалогах героев Достоевского является использование **«разоблачающего» синонимического преобразования** — см., например, фрагмент диалога Раскольникова с сестрой и матерью в романе «Преступление и наказание»:

*— Дуня, — с усилием продолжал Раскольников, — я этого брака не желаю, а потому ты и должна, завтра же, при первом слове, Лужину отказать, чтоб и духу его не пахло. // — Боже мой! — вскричала Пульхерия Александровна. // — Брат, подумай, что ты говоришь! — вспыхливо начала было Авдотья Романовна, но тотчас же удержалась. — Ты, может быть, теперь не в состоянии, ты устал, — кротко сказала она. // — **В бреду? Нет...** Ты выходишь за Лужина для меня. А я жертвы не принимаю. И потому, к завтраму, напиши письмо... с отказом... Утром дай мне прочесть, и конец! [ССД-V, «Преступление и наказание»].*

В этих случаях в реплике отвечающего отражается установка на «называние вещей своими именами», вместо использованной инициатором эвфе-

мистической номинации — см., например, фрагмент допроса Мити Карамазова в романе «Братья Карамазовы»:

— Но у кого же вы их... присвоили? // — **Вы хотели сказать: «украли»? Говорите теперь слова прямо.** Да, я считаю, что я их всё равно, что **украл**, а если хотите, действительно **«присвоил»**. Но по-моему **украл**. А **вчера вечером так уж совсем украл** [ССД-ХІ, «Братья Карамазовы»].

Стратегия умышленной перемены темы не имеет специальных языковых маркеров — ср., например, фрагмент диалога князя Мышкина и Парфена Рогожина:

Видя, что князь обращает особенное внимание на то, что у него два раза вырывают из рук этот нож. Рогожин с злобною досадой схватил его, заложил в книгу и швырнул книгу на другой стол. // — Ты листы, что ли, им разрезаешь? — спросил князь, но как-то рассеянно, все еще как бы под давлением сильной задумчивости. // — Да, листы... // — Это ведь садовый нож? // — Да, садовый. Разве садовым нельзя разрезать листы? // — Да он... совсем новый. // — Ну, что ж что новый? Разве я не могу сейчас купить новый нож? — в каком-то исступлении вскричал наконец Рогожин, раздражавшийся с каждым словом. // Князь вздрогнул и пристально поглядел на Рогожина. // — Эх ведь мы! — засмеялся он вдруг, совершенно опомнившись. — Извини, брат, меня, когда у меня голова так тяжела, как теперь, и эта болезнь... я совсем, совсем становлюсь такой рассеянный и смешной. **Я вовсе не об этом и спросить-то хотел... не помню о чем. Прощай...** [ССД-VІ, «Идиот»].

Подобные манипулятивные диалоги вполне типичны для художественного мира Достоевского, в котором, по мысли О. Меерсон, главным является не то, о чем говорят персонажи, но то, о чем они умалчивают [Меерсон 2009]. Здесь в зоне умолчания явственно присутствует предвестие убийства Настасьи Филипповны Рогожиным.

См. также подобную перемену темы в целях сокрытия личностно значимой информации в сцене допроса Дмитрия Карамазова:

— Мы, Дмитрий Федорович, сделали, что могли в ваших же интересах, — продолжал Николай Парфенович, — но, получив столь радикальный с вашей стороны отказ разъяснить нам насчет происхождения находившейся при вас суммы, мы, в данную минуту... // — **Это из чего у вас перстень?** — перебил вдруг Митя, как бы выходя из какой-то задумчивости и указывая пальцем на один из трех больших перстней, украшавших правую ручку Николая Парфеновича. // — Перстень? — переспросил с удивлением Николай Парфенович. // — **Да, вот этот... вот на среднем пальце, с жилочками, какой это камень?** — как-то раздражительно, словно упрямый ребенок, настаивал Митя. // — Это дымчатый топаз, — улыбнулся Николай Парфенович, — *хотите посмотреть, я сниму...* [ССД-ХІІ, «Братья Карамазовы»].

В ряде случаев стратегия умышленной перемены темы сопровождается стратегией отказа от неудобного вопроса (рассмотренной выше) — как в фрагменте следующего диалога Грушеньки и Мити Карамазова в романе «Братья Карамазовы», где отказ маркирован словом-предложением *ничего*, а умышленная перемена темы — утверждением о собственной моральной нечистоплотности (признанием в воровстве):

— *Надо, чтоб это честно... впредь будет честно... и чтоб и мы были честные, чтоб и мы были добрые, не звери, а добрые... Увези меня, увези далеко, слышишь... Я здесь не хочу, а чтобы далеко, далеко...* // — *О да, да, непременно!* — сжимал ее в объятиях Митя, — *увезу тебя, улетим... О, всю жизнь за один год отдам сейчас, чтобы только не знать про эту кровь!* // — Какая кровь? — в недоумении переговорила Грушенька. // — **Ничего!** — проскрежетал Митя. — **Груша, ты хочешь, чтобы честно, а я вор. Я у Катеньки деньги украл... Позор, позор!** [ССД-ХІ, «Братья Карамазовы»].

Стратегия умышленной перемены темы может сопровождаться и стратегией подхвата — ср., например, еще один фрагмент диалога князя Мышкина и Парфена Рогожина:

— А что, Лев Николаич, давно я хотел тебя спросить, веруешь ты в бога или нет? — вдруг заговорил опять Рогожин, пройдя несколько шагов. //

— *Как ты странно спрашиваешь и... глядишь?* — заметил князь невольно. // — *А на эту картину я люблю смотреть,* — пробормотал, помолчав, Рогожин, точно опять забыв свой вопрос. // — На эту картину! — вскричал вдруг князь, под впечатлением внезапной мысли, — на эту картину! Да от этой картины у иного еще вера может пропасть! // — Пропадает и то, — неожиданно подтвердил вдруг Рогожин [ССД-VI, «Идиот»].

Эти случаи примечательны тем, что в них манипулятивная техника перемены темы (в полном соответствии с некоторыми выводами, сделанными ранее, в разделе 2.1), не используется в неблагоприятных целях нанесения коммуникативного вреда собеседнику или извлечения из манипуляции какого-либо преимущества. Здесь, скорее, речь может идти об умалчивании неких сведений или об избегании неких тем для разговора — с целью обереечь внутренний мир собеседника, не сообщить ему информации, которая будет тому неудобна, неприятна или свяжет какими-то обязательствами.

Часто в подобных манипулятивных явлениях в реактивной реплике используется полемическая уловка «чтение в сердцах», когда второй участник сам формулирует, что, по его мнению, должен был бы делать говорящий.

- Фрагмент диалога Лебедева и генерала Епанчина (о генерале Иволгине):

<...> — *А-а. Это кого вы давеча ко мне не пускали? Час назад.* // — *Это... это генерала-с. Действительно не пускал, и ему к вам не стать. Я, князь, человека этого глубоко уважаю; это... это великий человек-с; вы не верите? Ну, вот увидите, а все-таки... лучше бы, сиятельнейший князь, вам не принимать его у себя-с* <...> [ССД-VI, «Идиот»];

- Фрагмент диалога Грушеньки и ее приживала Максимова:

<...> — *Э, молчи, Максимушка, не до смеху мне теперь, даже злость берет. На пирожки-то глаз не пяль, не дам, тебе вредно, и бальзамчику тоже не дам. Вот с ним тоже возись; точно у меня дом богадельный, право, — рассмеялась она.* // — *Я ваших благодеяний не стую-с, я ничтожен-с,* — проговорил слезящимся голосом Максимов. — *Лучше бы вы расточали бла-*

годеяния ваши тем, которые нужнее меня-с. // — Эх, всякий нужен, Максимушка, и почему узнать, кто кого нужней. <...> [ССД-ХІ, «Братья Карамазовы»].

В этих и во многих аналогичных примерах использование манипулятивной техники, на первый взгляд, так же, как и в рассмотренных выше случаях, не ведет к нарушениям в области коммуникативного сотрудничества. Кажется, что здесь вполне вежливый и корректный совет собеседнику, как ему следовало бы себя вести. Однако, что вполне типично для художественного мира Достоевского, в подобных диалогах мы имеем дело с выражением специфической позиции самого говорящего, а именно — уязвленной гордости стоящего ниже на общественной лестнице, задавленного самолюбия униженного человека.

В целом проведенный анализ показал, что модели манипулятивной коммуникации в зоне адресата, представленные в художественном диалоге Ф.М. Достоевского, с одной стороны, отражают общие тенденции их использования, выявленные при анализе материала Национального корпуса русского языка, а именно — разного рода нарушения принципов коммуникативного сотрудничества под видом формального его соблюдения. С другой стороны, использование манипулятивных моделей в диалогах Ф.М. Достоевского целиком и полностью находится в русле «художественной диалогики» писателя, т.е. подчинено художественным принципам воплощения диалогического общения персонажей в целом в качестве самостоятельного объекта эстетического изображения. Манипулятивные диалогические техники в зоне ответной реакции, как и другие средства художественного воплощения напряженного взаимодействия «своего» и «чужого слова» в полифоническом повествовании Ф.М. Достоевского, служат инструментом художественного познания личности, ее самораскрытия в процессе непрекращающегося диалога с другими людьми и с миром в целом.

2.2.3. Приемы «языковой демагогии» в диалогической речи персонажей Ф.М. Достоевского

В разделе 2.1 (подраздел 2.1.2) на материале Национального корпуса русского языка мы рассмотрели такие приемы «языковой демагогии», как (1) ассерция, маскирующаяся под пресуппозицию; (2) воздействие при помощи речевых импликатур; (3) возражение под видом согласия; (4) противопоставление «видимой» и «подлинной» реальности; (5) игра на референциальной неоднозначности; (6) использование манипулятивной речевой стратегии *de re* вместо кооперативной стратегии *de dicto*; (7) «магия слова» [Булыгина, Шмелев 1997: 462–477]. Ниже мы покажем, как эти приемы реализуются в диалогах персонажей романов Ф.М. Достоевского.

I. Прием ассерции, маскирующейся под пресуппозицию, состоит в том, что информация, которую надо незаметно внушить адресату, подается под видом пресуппозиции [Булыгина, Шмелев 1997: 472]. В научной литературе по лингвистической прагматике обычно выделяют два вида пресуппозиций: **семантические**, которые облигаторно имплицируются из значений слов и выражений в качестве необходимого условия их осмысленности, и **прагматические**, которые понимаются коммуникантами по умолчанию, которые извлекаются ими из ситуации общения или общего фонда знаний о мире, будучи информацией либо общеизвестной, либо не стоящей внимания [Падучева 1982: 305–307].

Навязывание ложной **семантической пресуппозиции** в зоне инициатора диалога обыгрывается в диалоге Даши и Николая Всеволодовича Ставрогина в романе «Бесы»:

— *Безумных не погублю, ни той, ни другой, но разумную, кажется, погублю: я так подл и гадок, Даша, что, кажется, вас в самом деле кликну «в последний конец», как вы говорите, а вы, несмотря на ваш разум, придете. Зачем вы сами себя губите? //* — *Я знаю, что в конце концов с вами останусь одна я, и... жду того. //* — *А если я в конце концов вас не кликну и убегу от*

вас? // — *Этого быть не может, вы кликните.* // — *Тут много ко мне презрения.* // — *Вы знаете, что не одного презрения.* // — *Стало быть, презрение все-таки есть?* // — *Я не так выразилась. Бог свидетель, я чрезвычайно желала бы, чтобы вы никогда во мне не нуждались.* // — *Одна фраза стоит другой. Я тоже желал бы вас не губить* [ССД-VIII, «Бесы»].

В выделенной реплике Николая Ставрогина содержится пресуппозиция ‘вы испытываете презрение ко мне’, а в ответной реплике Даша реагирует не на пропозицию ‘имеется много презрения’, а именно на пресуппозицию (‘не только презрение, но и что-то еще’). Не случайно Николай Ставрогин усиливает данную мысль за счет вербализации пресуппозиции в вопросе «*Стало быть, презрение все-таки есть?*»), а Даша аннулирует содержание своей предыдущей реплики («*Я не так выразилась*»).

Как было показано в предыдущем разделе 2.1, подобный демагогический прием может быть выражен посредством риторической уловки «чтение в сердцах», когда инициатор диалога априорно утверждает о том, что он знает, что собеседник знает, думает, или чувствует, тем самым навязывая собеседнику точку зрения, которую он, возможно, и не разделяет — ср. диалог Настасьи Филипповны и Аглаи в романе «Идиот»:

Наконец, она твердо и прямо поглядела в глаза Настасьи Филипповны и тотчас же ясно прочла все, что сверкало в озлобившемся взгляде ее соперницы. Женищина поняла женищину; Аглая вздрогнула. // — ***Вы, конечно, знаете, зачем я вас приглашала,*** — выговорила она наконец, но очень тихо и даже остановившись раза два на этой коротенькой фразе. // — *Нет, ничего не знаю,* — ответила Настасья Филипповна, сухо и отрывисто [ССД-VI, «Идиот»].

Не случайно отвечающий в данном диалоге не поддается на данную манипуляцию, отказываясь от навязываемого ему знания. Последний пример примечателен тем, что в диалогах героев Достоевского очень часто встречается эффект разоблачения манипуляции, неприятия ее, раскрытия ее механизма. Пример подобного контекста деманипуляции в ответной реплике

можно видеть в фрагменте диалога Липутина и Степана Трофимовича Верховенского в романе «Бесы»:

— Нет, заметьте, заметьте, — подхватил Липутин, как бы и не слышав Степана Трофимовича, — каково же должно быть волнение и беспокойство, когда с таким вопросом обращаются с такой высоты к такому человеку, как я, да еще снисходят до того, что сами просят секрета. Это что же-с? Уж не получили ли известий каких-нибудь о Николае Всеволодовиче неожиданных? // — Я не знаю... известий никаких... я несколько дней не видался, но... но замечу вам... — лепетал Степан Трофимович, видимо едва справляясь со своими мыслями, — но замечу вам, Липутин, что если вам передано конфиденциально, а вы теперь при всех... // **Совершенно конфиденциально!** Да разрази меня бог, если я... А коли здесь... так ведь что же-с? **Разве мы чужие, взять даже хоть бы и Алексея Нилыча?** // — Я такого воззрения не разделяю; без сомнения, мы здесь трое сохраним секрет, но вас, четвертого, я боюсь и не верю вам ни в чем! [ССД-VIII, «Бесы»].

Здесь Липутин в форме риторического вопроса порождает косвенное утверждение 'мы не являемся чужими, включая и Кириллова', тем самым навязывая эту ложную пресуппозицию собеседнику; при этом ее сомнительность как раз и разоблачается в ответе Степан Трофимовича.

Есть варианты, когда эффект деманипуляции при навязывании инициатором диалога ложной пресуппозиции реализуется не в реплике отвечающего, а в комментариях повествователя — см. фрагмент диалога Порфирия Петровича и Раскольникова в романе «Преступление и наказание»:

*Что-то лукавое послышалось в этом вопросе. Раскольников отшатнулся к самой спинке дивана от наклонившегося к нему Порфирия и молча, в упор, в недоумении его рассматривал. // — Али вот насчет господина Разумихина, насчет того то есть, от себя ли он вчера приходил говорить или с вашего наущения? Да вам именно должно бы говорить, что от себя приходил, и скрыть, что с вашего наущения! А ведь вот вы не скрываете же! **Вы именно упираете на то, что с вашего наущения!** // Раскольников никогда*

не упирал на это. Холод прошел по спине его. // — Вы всё лжете, — проговорил он медленно и слабо, и искривившимися в болезненную улыбку губами, — вы мне опять хотите показать, что всю игру мою знаете, все ответы мои заранее знаете, — говорил он, сам почти чувствуя, что уже не взвешивает как должно слов, — запугать меня хотите... или просто смеетесь надо мной... [ССД-V, «Преступление и наказание»].

Деманипуляция происходит не в зоне ответной реплики Раскольникова, а в ремарке автора «*Раскольников никогда не упирал на это*». Также к признакам деманипуляции можно отнести и вербальную реакцию Раскольникова: «*Вы все лжете*».

В отличие от семантической пресуппозиции, которая так или иначе выводится из значения слов и выражений, употребленных инициатором диалога, при навязывании прагматической пресуппозиции так или иначе обыгрывается общеизвестная или известная обоим коммуникантам информация, которую они по тем или иным причинам избегают озвучивать.

Часто в диалогах героев Достоевского опущение значимой для обоих собеседников, известной им информации в область прагматической пресуппозиции создает между ними напряжение, конфликтную ситуацию, как это можно видеть в фрагменте диалога генерала Епанчина и Гани Иволгина в романе «Бесы» (на тему обещания Гани жениться на Настасье Филипповне как содержания пресуппозиции):

*<...> Генерал пристально рассматривал Ганю; смущение Гани ему видимо не нравилось. // — Вспомните, Иван Федорович, — сказал тревожливо и колеблясь Ганя, — что ведь она дала мне полную свободу решения до тех самых пор, пока не решит сама дела, да и тогда все еще мое слово за мной... // — **Так разве ты... так разве ты...** — испугался вдруг генерал. // — Я ничего. // — **Помилуй, что же ты с нами-то хочешь делать?** // — Я ведь не отказываюсь. Я, может быть, не так выразился... // — **Еще бы ты-то отказывал!** — с досадой проговорил генерал, не желая даже и сдерживать досады. — Тут, брат, дело уж не в том, что ты не отказываешься, а дело в*

твоей готовности, в удовольствии, в радости, с которою примешь ее слова... <...> [ССД-VI, «Идиот»].

Мы видим, как диалог «вертится» вокруг неудобной для обоих говорящих темы, которую они не могут вербализовать — в полном соответствии с концепцией О. Меерсон об «идиосинкразических» местах в сознании героев [Меерсон 2009], и на фоне этого нарастает конфликтная ситуация, которая как бы «упрятана» в невербализованной области их диалогического взаимодействия.

Прием навязывания ложной прагматической пресуппозиции может сознательно использоваться инициатором диалога в целях недобросовестного передергивания, искажения позиции собеседника, перетолкования ее в нужную инициатору сторону, как это реализуется в фрагменте диалога Петра Степановича Верховенского и губернатора фон Лембке в романе «Бесы»:

*Петр Степанович, угадав его цель, грубо выразился, что в одной строчке иных прокламаций более смысла, чем в целой какой-нибудь канцелярии, «не исключая, пожалуй, и вашей». // Лембке покорило. /— Но это у нас рано, слишком рано, — произнес он почти просительно, указывая на прокламации. // — Нет, не рано; вот вы же боитесь, стало быть, не рано. // — Но, однако же, тут, например, приглашение к разрушению церквей. // — Отчего же и нет? Ведь вы же умный человек и, конечно, сами не веруете, а слишком хорошо понимаете, что вера вам нужна, чтобы народ абьютировать. Правда честнее лжи. // — Согласен, согласен, я с вами совершенно согласен, но это у нас рано, рано... — морщился фон Лембке. // — **Так какой же вы после этого чиновник правительства, если сами согласны ломать церкви и идти с дрекольем на Петербург, а всю разницу ставите только в сроке?** [ССД-VIII, «Бесы»].*

В прагматической пресуппозиции реплик фон Лембке выражается согласие с позицией собеседника по поводу роли веры в жизни общества, тогда как Петр Степанович переиначивает эту пресуппозицию (опираясь на слова фон Лембке) таким образом, что фон Лембке в принципе согласен с необхо-

димостью разрушать церкви и свергать правительство. Это возможно только потому, что фон Лембке не эксплицировал, в чем именно он согласен с собеседником, опуская это в пресуппозицию, с полным соответствием с принципами коммуникативного сотрудничества.

Однако, как это было показано ранее, в предыдущем разделе 2.1, манипулятивные техники не обязательно используются в некооперативных целях. Возможно их применения в режиме фатической коммуникации, в плане реализации принципа вежливости, максимы тактичности Дж. Лича [Leech 1979] — см. фрагмент диалога Варвары Петровны и ее сына, Николая Ставрогина, в романе «Бесы»:

Он был весел и спокоен. Может, что-нибудь с ним случилось сейчас очень хорошее, еще нам неизвестное; но он, казалось, был даже чем-то особенно доволен. // — Простишь ли ты меня, Nicolas? — не утерпела Варвара Петровна и поспешно встала ему навстречу. // Но Nicolas решительно рассмеялся. // — Так и есть! — воскликнул он добродушно и шутливо. — Вижу, что вам уже всё известно. А я, как вышел отсюда, и задумался в карете: «По крайней мере надо было хоть анекдот рассказать, а то кто же так уходит?» Но как вспомнил, что у вас остается Петр Степанович, то и завота соскочила [ССД-VIII, «Бесы»].

В реплике Варвары Петровны эксплицирована лишь иллокутивная цель речевого акта извинения, а его пропозициональное содержание — за что именно она извиняется — опущено в известную собеседникам прагматическую пресуппозицию (она просит прощения у сына за то, что напрасно подозревала его, вслед за всем светским обществом, в совершении неприличного в глазах света поступка — женитьбе на сумасшедшей и убогой Марье Тимофеевне Лебядкиной). Как видим, в реплике Николая Ставрогина также вербализована лишь пропозициональная установка — что всем известна истинная подоплека происшедшего, а в чем именно она заключается, также находится в зоне прагматической пресуппозиции. Стратегия взаимных умолча-

ний находится вполне в рамках принципа кооперации и принятых норм общения в дворянском обществе — не говорить вслух о неприличных вещах.

II. Прием воздействия при помощи речевых импликатур заключается в формировании нестрогих умозаключений, которые не входят собственно в смысл предложения, но «вычитываются» в нем адресатом в контексте речевого акта, опираясь на постулаты речевого общения. Благодаря импликатурам дискурса мы можем понимать высказывания, буквальный смысл которых тавтологичен, неинформативен или лишен смысла, и эти импликатуры тем самым заставляют адресата искать пути к непрямой, косвенной интерпретации сказанного. «Демагогичность использования речевых импликатур состоит в том, что они дают возможность автору текста при необходимости «отпереться» от имплицитного утверждения...» [Булыгина, Шмелев 1997: 463].

Этот прием часто используется в каламбурах, экивоках и других подобных приемах обыгрывания возможности двойкой интерпретации высказывания. Ср., например, фрагмент диалога Аркадия и Версиков в романе «Подросток», где за игрой слов скрывается упрек сына отцу в том, что тот не женился на матери Аркадия, но хочет жениться на молодой Анне Андреевне:

— И даже «Версиков». Кстати, я очень сожалею, что не мог передать тебе этого имени, ибо в сущности только в этом и состоит вся вина моя, если уж есть вина, не правда ли? Но, опять-таки, не мог же я жениться на замужней, сам рассуди. // — Вот почему, вероятно, **и хотели же-ниться на незамужней?** [ССД-IX, «Подросток»].

Однако в художественном мире Ф.М. Достоевского обыгрывание импликатур дискурса служит не столько каламбурным целям, сколько реализации такой особенности его художественной манеры, как умолчание о «больном месте» в душе героя [Меерсон 2009]. Об этом свидетельствует одна из кульминационных сцен в романе «Братья Карамазовы», когда Алеша убеждает брата Ивана Федоровича, что Иван не убивал отца:

<...> Иван Федорович вдруг остановился. // — Кто же убийца по-вашему, — как-то холодно по-видимому спросил он, и какая-то даже выскомерная нотка прозвучала в тоне вопроса. // — **Ты сам знаешь кто**, — тихо и проникновенно проговорил Алеша. // <...> // — Да кто, кто? — уже почти свирепо вскричал Иван. Вся сдержанность вдруг исчезла. // — Я одно только знаю, — всё так же почти шепотом проговорил Алеша: // — **Убил отца не ты.** // — «Не ты!» Что такое не ты? — ошеломился Иван. // — **Не ты убил отца, не ты!** — твердо повторил Алеша. С полминуты длилось молчание. // — Да я и сам знаю, что не я, ты бредишь? — бледно и искривленно усмехнувшись, проговорил Иван. Он как бы впился глазами в Алешу. Оба опять стояли у фонаря. // — **Нет, Иван, ты сам себе несколько раз говорил, что убийца ты.** // — Когда я говорил?.. Я в Москве был... Когда я говорил? — совсем потерянно пролепетал Иван. // — Ты говорил это себе много раз, когда оставался один в эти страшные два месяца, — по-прежнему тихо и отдельно продолжал Алеша. Но говорил он уже как бы вне себя. как бы не своею волей, повинаясь какому-то непреодолимому велению. — Ты обвинял себя и признавался себе, что убийца никто как ты. **Но убил не ты, ты ошибаешься, не ты убийца, слышишь меня, не ты!** Меня Бог послал тебе это сказать [ССД-ХІІ, «Братья Карамазовы»].

Здесь в репликах Алеши в эмфатическом употреблении *Не ты убил!* наводится умозаключение 'не ты виноват в смерти отца', причем это умозаключение ложное, так как из текста романа известно, что Иван, пусть косвенно, своим осознанным невмешательством, все-таки способствовал убийству отца, в глубине души желал этого убийства. Но это ложь во спасение, проникнутая высокой христианской идеей спасения души грешника, помощи падшему.

Прием воздействия при помощи речевых импликатур является разновидностью более общей манипулятивной стратегии, которая иногда именуется в научной литературе как «подведение к ложному умозаключению» [Иссерс 1999]. Так, например, в фрагменте диалога Алеши Карамазова и Коли

Красоткина в романе «Братья Карамазовы» Алеша наводит спорное умозаключение о том, что нельзя иметь социалистических убеждений в тринадцать лет, что вызывает по-своему резонную отповедь мальчика:

<...> — *О да, всё... то есть... почему же вы думаете, что я бы не понял? Там конечно много сальностей... Я конечно в состоянии понять, что это роман философский, и написан, чтобы провести идею... — запутался уже совсем Коля. — Я социалист, Карамазов, я неисправимый социалист, — вдруг оборвал он ни с того ни с сего. // — Социалист? — засмеялся Алеша, — да когда это вы успели? Ведь вам еще только тринадцать лет, кажется? // Колю скрючило. // — Во-первых, не тринадцать, а четырнадцать, через две недели четырнадцать, — так и вспыхнул он, — а во-вторых, совершенно не понимаю, к чему тут мои лета? Дело в том каковы мои убеждения, а не который мне год, не правда ли? // — Когда вам будет больше лет, то вы сами увидите, какое значение имеет на убеждение возраст. Мне показалось тоже, что вы не свои слова говорите, — скромно и спокойно ответил Алеша <...> [ССД-ХІ, «Братья Карамазовы»].*

При использовании этого демагогического приема отказаться от сказанного может не только сам инициатор диалога. В зоне адресата тоже имеются возможности среагировать только на ту часть наводимой имплицатуры, которая ему выгодна, и оставить без внимания содержание всего имплицуемого умозаключения — см. пример диалога Раскольникова и Свидригайлова в романе «Преступление и наказание»:

— По некоторым словам и словечкам вашим во время вашего рассказа я замечаю, что у вас и теперь свои виды и самые неотлагательные намерения на Дуню, разумеется подлые. // — Как! У меня вырывались такие слова и словечки? — пренаивно испугался вдруг Свидригайлов, не обратив ни малейшего внимания на эпитет, приданный его намерениям [ССД-V, «Преступление и наказание»].

Здесь в зоне инициатора наводится умозаключение, что слова Свидригайлова изобличают его подлые намерения в отношении Дуни, сестры Рас-

кольникова. Свидригайлов же реагирует на пресуппозицию высказывания, на факт употребления им некоторых слов, и именно это подвергает сомнению. Обратим внимание, что контекст всего фрагмента диалога выглядит «разоблачающим» в духе «художественной диалогии» Достоевского: ведь Свидригайлов тем самым не отрицает, что имеет эти подлые намерения, он сомневается, что произнес слова, по которым можно его изобличить, т.е. в том, что он мог как-то нечаянно проговориться.

III. Возражение под видом согласия заключается в том, что в зоне говорящего под видом соблюдения принципа кооперации (выражения согласия) на самом деле выражается возражение, и обсуждение как бы переводится в нужную ему сторону. Чаще всего говорящим используются стандартные модели типа «Да, но...», как, например, в фрагменте из сцены допроса Дмитрия Карамазова в романе «Братья Карамазовы»:

<...> — Вы хотели сказать: «украли»? Говорите теперь слова прямо. Да, я считаю, что я их всё равно, что украл, а если хотите, действительно «присвоил». Но по-моему украл. А вчера вечером так уж совсем украл. // — Вчера вечером? Но вы сейчас сказали, что уж месяц, как их... достали! // — Да, но не у отца, не у отца, не беспокойтесь, не у отца украл, а у ней. Дайте рассказать и не перебивайте. Это ведь тяжело. <...> [ССД-ХП, «Братья Карамазовы»].

Для актуализации данного демагогического приема часто используется фигура противопоставления. Это дает возможность говорящему высказать возражение в неявном виде, при этом собеседник не всегда может уловить, что в его адрес высказывается не согласие, а возражение. — ср., например, фрагмент из диалога Петра Степановича и Кириллова в романе «Бесы»:

Кириллов опять уселся на стул и опять уперся глазами в угол. // — В Обществе произошла мысль, — продолжал он тем же голосом, — что я могу быть тем полезен, если убью себя, и что когда вы что-нибудь тут накопите и будут виновных искать, то я вдруг застрелюсь и оставлю письмо, что это я всё сделал, так что вас целый год подозревать не могут. // —

Хоть несколько дней; и день один дорог. // — Хорошо. В этом смысле мне сказали, чтоб я, если хочу, подожду. Я сказал, что подожду, пока скажут срок от Общества, потому что мне всё равно. // — Да, но вспомните, что вы обязались, когда будете сочинять предсмертное письмо, то не иначе как вместе со мной, и, прибыв в Россию, будете в моем... ну, одним словом, в моем распоряжении, то есть на один только этот случай, разумеется, а во всех других вы, конечно, свободны, — почти с любезностью прибавил Петр Степанович. // — Я не обязался, а согласился, потому что мне всё равно. <...> [ССД-VIII, «Бесы»].

Как было показано в предыдущем разделе 2.1 и как мы видим из анализа примера выше, в подобных случаях часто используются типизированные речевые формулы по модели 'действительно X, но Y', 'конечно, X, но Y', 'разумеется X, но Y', 'естественно X, но Y' и под. Это видно, например, и в фрагменте диалога Федора Павловича и монашка на приеме у старца в романе «Братья Карамазовы»:

*<...> — А было ль это при предыдущем старце, Варсонофии? Тот изыщности-то, говорят, не любил, вскакивал и бил палкой даже дамский пол, — заметил Федор Павлович, подымаясь на крылечко. // — **Старец Варсонофий действительно казался иногда как бы юродивым, но много рассказывают и глупостей. Палкой же никогда и никого не бивал,** — ответил монашек. — Теперь, господа, минутку повремените, я о вас повещу. <...> [ССД-XII, «Братья Карамазовы»].*

Подобные манипуляции участвуют в реализации так называемой речевой стратегии «самооправдания», к которой часто прибегают герои-манипуляторы в романах Ф.М. Достоевского, чтобы скрыть какой-то неблагоприятный поступок — ср., например, фрагмент полилога в романе «Идиот», с участием Лизаветы Прокофьевны Епанчиной, князя Мышкина, Лебедева, Келлера, Ипполита и др.:

<...> — Единственно из благородства, — громко и звонко заговорил вдруг подскочивший Келлер, обращаясь прямо к Лизавете Прокофьевне,

— единственно из благородства, сударыня, и чтобы не выдать скомпрометированного приятеля, я давеча утаил о поправках, несмотря на то, что он же нас с лестницы спустить предлагал, как сами изволили слышать. **Для восстановления истины признаюсь, что я действительно обратился к нему, за шесть целковых, но отнюдь не для слога, а собственно для узнания фактов, мне большей частью неизвестных, как к компетентному лицу.** Насчет штиблетов, насчет аппетита у швейцарского профессора, насчет пятидесяти рублей вместо двухсот пятидесяти, одним словом, вся эта группировка, все это принадлежит ему за шесть целковых, но слог не поправляли. // — Я должен заметить, — с лихорадочным нетерпением и каким-то ползучим голосом перебил его Лебедев, при распространявшемся все более и более смехе, — что я поправлял одну только первую половину статьи, но так как в середине мы не сошлись и за одну мысль поссорились, то я вторую половину уж и не поправлял-с, так что все что там безграмотно (а там безграмотно!), так уж это мне не приписывать-с... // — Вот он о чем хлопочет! — вскричала Лизавета Прокофьевна <...> [ССД-VI, «Идиот»].

Нетрудно видеть, что данный прием содержится в речевой зоне Келлера, вся пространная реплика которого строится как прием саморазоблачения героя. Но, как уже отмечалось ранее, не всегда манипулятивная техника подобного рода используется в действительно некооперативных целях, для нанесения коммуникативного вреда собеседнику. В ряде случаев прием возражения по виду согласия служит уточнению позиций и восполнению недостающих знаний у коммуникантов, что вполне вписывается в принципы коммуникативного сотрудничества. Это можно видеть в фрагменте диалога Аркадия Долгорукого и его приятеля Васина в романе «Подросток»:

<...> — Вообще, я не мог многого извлечь из того, что говорил господин Стебельков, — заключил я о Стебелькове, — он как-то сбивчиво говорит... и как будто в нем что-то такое легкомысленное... // Васин тотчас же сделал серьезный вид. // — Он действительно даром слова не владеет,

но только с первого взгляда; ему удавалось делать чрезвычайно меткие замечания; и вообще — это более люди дела, аферы, чем обобщающей мысли; их надо с этой точки судить... Точь-в-точь как я угадал давеча. <...> [ССД-IX, «Подросток»].

А иногда этот прием используется в речевой зоне персонажа для его признания в собственной неправоте, в связи с вновь открывшимися обстоятельствами — ср., например, фрагмент диалога Аглаи и князя Мышкина в романе «Идиот»:

— <...> Я замечаю, что вы тоже, кажется, надо мной смеетесь и их сторону держите, — прибавила она, грозно нахмурившись; — не сердите меня, я и без того не знаю, что со мной делается... я убеждена, что вы пришли сюда в полной уверенности, что я в вас влюблена и позвала вас на свидание, — отрезала она раздражительно. // — **Я действительно вчера боялся этого,** — простодушно проболтался князь (он был очень смущен); — **но сегодня я убежден, что вы...** // — Как! — вскричала Аглая, и нижняя губка ее вдруг задрожала: — вы боялись, что я... вы смели думать, что я... Господи! Вы подозревали, пожалуй, что я позвала вас сюда с тем, чтобы вас в сети завлечь, и потом чтобы нас тут застали и принудили вас на мне жениться... <...> [ССД-VI, «Идиот»].

В целом отметим, что использование демагогического приема «возражение под видом согласия», как и ряда смежных с ним приемов, в диалогах героев Достоевского служит художественным средством раскрытия характера героя через речь, когда персонаж приоткрывает свой внутренний мир для читателя.

IV. Противопоставление «видимой» и «подлинной» реальности опирается на «апелляцию к объективной реальности», которую говорящий осуществляет посредством метаязыковых операторов *на самом деле, в самом деле, в действительности* и под. Как пишут Т.В. Булыгина и А.Д. Шмелев: «Хотя выражения *действительно, в действительности, в самом деле* и *на самом деле* содержат одну и ту же идею апелляции к реальности, их риториче-

ческие функции во многом различны или даже противоположны. Можно было бы сказать, что *«действительно и в самом деле»* используются в контекстах подтверждения некоторого высказывания, тогда как *в действительности и на самом деле* могут выступать в контекстах опровержения» ([Баранов и др. 1993])» [Булыгина, Шмелев 1997: 464–465].

Наши наблюдения над диалогической речью героев Достоевского подтверждают это положение. Метаязыковые операторы *действительно и в самом деле* в основном используется как подтверждение тезиса инициатора диалога — ср. фрагмент диалога между Аделаидой и князем Мышкиным в романе «Идиот»:

— *Это все философия*, — заметила Аделаида, — вы философ и нас приехали поучать. // — *Вы, может, и правы*, — улыбнулся князь, — *я действительно, пожалуй, философ, и кто знает, может, и в самом деле мысль имею поучать...* *Это может быть; право, может быть* [ССД-VI, «Идиот»].

В свою очередь, метаязыковой оператор *на самом деле* используется как особый тип манипулятивного несогласия, когда говорящий априорно считает, что его собеседник владеет неправильным или неполным знанием об обсуждаемом в диалоге фрагменте реальности, и апеллирует к некоему «подлинному положению дел в мире», которое известно лишь ему одному. Это можно видеть в диалоге Раскольникова и Порфирия Петровича в романе «Преступление и наказание»:

<...> — Это было не в бреду, это было наяву! — вскричал он, напрягая все силы своего рассудка проникнуть в игру Порфирия. — *Наяву, наяву! Слышите ли? // — Да, понимаю и слышу-с! Вы и вчера говорили, что не в бреду, особенно даже напирали, что не в бреду! Всё, что вы можете сказать, понимаю-с! Э-эх!.. Да послушайте же, Родион Романович, благодетель вы мой, ну вот хоть бы это-то обстоятельство. **Ведь вот будь вы действительно, на самом-то деле преступны али там как-нибудь замешаны в это проклятое дело, ну стали бы вы, помилуйте, сами напирать, что не***

в бреду вы всё это делали, а, напротив, в полной памяти? Да еще особенно напирать, с упорством таким, особенным, напирать, — ну могло ли быть, ну могло ли быть это, помилуйте? Да ведь совершенно же напротив, по-моему. Ведь если б вы за собой что-либо чувствовали, так вам именно следовало бы напирать: что непременно, дескать, в бреду! Так ли? Ведь так? [ССД-V, «Преступление и наказание»].

Специфика использования оператора *на самом деле* в диалогах героев Достоевского, как видим из предыдущего примера, заключается в том, что он употребляется, как правило, в контексте риторического или информативного вопроса — как в фрагменте диалога Степана Трофимовича и Липутниа в присутствии Кириллова и Варвары Петровны в романе «Бесы»:

— <...> *Вчера вечером, под влиянием разговора у Варвары Петровны (сами можете представить, какое впечатление на меня произвело), обратился я к Алексею Нилычу с отдаленным вопросом: вы, говорю, и за границей и в Петербурге еще прежде знали Николая Всеволодовича; как вы, говорю, его находите относительно ума и способностей? Они и отвечают этак лаконически, по их манере, что, дескать, тонкого ума и со здравым суждением, говорят, человек. А не заметили ли вы в течение лет, говорю, некоторого, говорю, как бы уклонения идей, или особенного оборота мыслей, или некоторого, говорю, как бы, так сказать, помешательства? Одним словом, повторяю вопрос самой Варвары Петровны. Представьте же себе: Алексей Нилыч вдруг задумались и сморщились вот точно так, как теперь: «Да, говорят, мне иногда казалось нечто странное». **Заметьте при этом, что если уж Алексею Нилычу могло показаться нечто странное, то что же на самом-то деле может оказаться, а?** // — Правда это? — обратился Степан Трофимович к Алексею Нилычу. <...> [ССД-VIII, «Бесы»].*

Обнаружены контексты, где *в самом деле* и *на самом деле* синонимизируются, т.е. *в самом деле* употреблено в позиции несогласия, вместо *на самом деле* — на такую возможность указывается и в уже цитированной рабо-

те [Булыгина, Шмелев 1997: 467-470:]; ср. фрагмент диалога Николая Всеволодовича Ставрогина и Липутина в романе «Бесы»:

— Скажите, — спросил он [Николай Всеволодович Ставрогин] его, — каким образом вы могли заранее угадать то, что я скажу о вашем уме, и снабдить Агафью ответом? // — А таким образом, — засмеялся Липутин, — что ведь и я вас за умного человека почитаю, а потому и ответ ваш заранее мог предугадать. //— Все-таки замечательное совпадение. Но, однако, позвольте: вы, стало быть, за умного же человека меня почитали, когда присылали Агафью, а не за сумасшедшего? // — За умнейшего и за рассудительнейшего, а только вид такой подал, будто верю про то, что вы не в рассудке... Да и сами вы о моих мыслях немедленно тогда догадались и мне, чрез Агафью, патент на остроумие выслали. // — **Ну, тут вы немного ошибаетесь; я в самом деле... был нездоров...** — пробормотал Николай Всеволодович нахмурившись. — Ба! — вскричал он, — да неужели вы и в самом деле думаете, что я способен бросаться на людей в полном рассудке? Да для чего же бы это? [ССД-VIII, «Бесы»].

Нетрудно видеть, что здесь оператор *в самом деле* служит не средством подтверждения мыслей собеседника, а средством опровержения его неверного суждения.

В целом данный прием довольно характерен для диалогов героев Достоевского, потому что они постоянно, в напряженном противостоянии друг с другом, ищут истину, правду — о себе и о других. В столкновении разных «правд», разных «голосов» и проявляется полифонизм романов Ф.М. Достоевского как ведущая черта поэтики писателя.

V. Прием игры на референциальной неоднозначности заключается в том, что говорящий намеренно в контексте нейтрализует две возможных противоположных интерпретации в зоне адресата по поводу того, имеется ли в виду определенный конкретный референт, или референт неопределенный / обобщенный, или же вообще номинация употреблена в нереферентной, предикатной функции. Напомним, что типы референции подробно освещаются в

работе Е.В. Падучевой, где они именуются «денотативными статусами» [Падучева 1985].

Так, в работе Е.В. Падучевой выделяются разные виды генерализованного (обобщенного) нереферентного употребления, в частности, соответствующие логическим кванторам всеобщности (универсальное нереферентное употребление) и существования (универсальное нереферентное употребление) [Падучева 1985]. Ср. следующий диалог Даши и Николая Ставрогина из романа «Бесы»:

<...> — *Слушайте, Даша, я теперь всё вижу привидения. Один бесенок предлагал мне вчера на мосту зарезать Лебядкина и Марью Тимофеевну, чтобы порешить с моим законным браком, и концы чтобы в воду. Задатку просил три целковых, но дал ясно знать, что вся операция стоит будет не меньше как полторы тысячи. Вот это так расчетливый бес! Бухгалтер! Ха-ха! //* — *Но вы твердо уверены, что это было привидение?* // — *О нет, совсем уж не привидение! Это просто был Федька Каторжный, разбойник, бежавший из каторги. Но дело не в том; как вы думаете, что я сделал? Я отдал ему все мои деньги из портмоне, и он теперь совершенно уверен, что я ему выдал задаток!* <...> [ССД-VIII, «Бесы»].

Николай Ставрогин в инициальной реплике употребляет слово *привидения* в экзистенциальном нереферентном употреблении — ‘Некоторые S суть P’ («я теперь всё вижу привидения»), а в реплике Даши и в последующем ответе Ставрогина мы видим конкретизацию «референциальной истории» упоминаемого персонажа [Падучева 1985], а именно — что имеется в виду конкретное лицо, Федька Каторжный.

Аналогичную игру на референциальным переходе от нереферентного употребления к референтному можно видеть в полилоге Зосимова, Разумихина и Раскольникова в романе «Преступление и наказание» (речь идет о подозрениях Порфирия Петровича по поводу возможного убийцы):

— *Убил непременно закладчик?* — *утвердительно говорил Зосимов. //*
— *Непременно закладчик!* — *поддакнул Разумихин. — Порфирий своих мыс-*

лей не выдает, а **закладчиков** все-таки допрашивает... // — **Закладчиков** допрашивает? — громко спросил Раскольников. // — Да, а что? // — Ничего. // — Откуда он их берет? — спросил Зосимов. // — Иных Кох указал; других имена были на обертках вещей записаны, а иные и сами пришли, как прослышали... [ССД-V, «Преступление и наказание»].

В фразе Зосимова «Убил непременно закладчик» номинация закладчик использована в нереферентном употреблении, в такой его разновидности, как атрибутивная референция. По словам Е.В. Падучевой, атрибутивная именная группа иллюстрируется фразой *Убийца Смита сумасшедший* в том ее понимании, когда говорящий имеет презумпцию существования и единственности убийцы, но не имеет в виду никакого конкретного человека, определяя его по некоторому свойству или по принадлежности к какому-либо классу [Падучева 1985: 118]. Однако в последующем развитии диалога номинация *закладчики* (неслучайна и форма множественного числа) меняет область референции: предполагаются конкретные закладчики, просто неизвестные ни говорящему, ни слушающему. Такое употребление, согласно Е.В. Падучевой является референтным и имеет денотативный статус «неопределенные для говорящего именные группы = 'какие-то закладчики'» [Падучева 1985: 106].

В этом плане интересна еще одна сцена в романе «Преступление и наказание», которая является одной из ключевых в плане развития художественной идеи романа:

<...> — Позвольте вам заметить, — отвечал он [Раскольников] сухо, — что Магометом иль Наполеоном я себя не считаю... ни кем бы то ни было из подобных лиц, следственно, и не могу, не быв ими, дать вам удовлетворительного объяснения о том, как бы я поступил. // — Ну, полноте, кто ж у нас на Руси себя **Наполеоном теперь не считает?** — с страшною фамильярностию произнес вдруг Порфирий. Даже в интонации его голоса было на этот раз нечто уж особенно ясное. // — Уж не **Наполеон ли какой будущий** и нашу Алену Ивановну на прошлой неделе топором уколошил? — брякнул вдруг из угла Заметов [ССД-V, «Преступление и наказание»].

В речевой зоне Раскольникова и Порфирия Петровича номинация *Наполеон* использована в нереферентном, предикатном употреблении [Падучева 1985] ‘считать X-а Наполеоном, т.е. обладающим качествами, свойствами, соответствующими стереотипу Наполеона в общественном сознании’. Заметов употребляет номинацию *Наполеон* в атрибутивном денотативном статусе [Падучева 1985], имея в виду неизвестного ему конкретного человека — убийцу старушки, который считает себя Наполеоном, Здесь также мы имеем дело с референтным употреблением, которому приписывается денотативный статус «неопределенные для говорящего именные группы = ‘какой-то Наполеон’» [Падучева 1985: 106].

Как указывают Т.В. Булыгина и А.Д. Шмелев, рассмотренный прием «языковой демагогии» «основан на манипулировании риторическим приемом генерализации. Указанный прием состоит в том, что для выражения того или иного мнения по поводу конкретной ситуации говорящий использует общую сентенцию. Тем самым может использоваться генерализованная референция в тех случаях, когда фактически имеется в виду единственный объект» [Булыгина, Шмелев 1997: 471]. Это можно видеть в диалоге Варвары Петровны и Степана Трофимовича в романе «Бесы»:

<...> — Довольно, Степан Трофимович, дайте покой; измучилась. Успеем наговориться, особенно про дурное. Вы начинаете брызгаться, когда засмеетесь, это уже дряхлость какая-то! И как странно вы теперь стали смеяться... Боже, сколько у вас накопилось дурных привычек! Кармазинов к вам не поедет! А тут и без того всему рады... Вы всего себя теперь обнаружили. Ну довольно, довольно, устала! Можно же, наконец, пощадить человека! // Степан Трофимович «пощадил человека», но удалился в смущении [ССД-VIII, «Бесы»].

Здесь фраза Варвары Петровны: «Можно же, наконец, пощадить человека!» — обычно в узусе прочитывается как генерализованное высказывание, не имеющее в виду никого конкретно. Однако в авторской ремарке, отражающей «чужую речь» Степана Трофимовича, что маркируется кавычками

(«пощадил человека»), имеется в виду уже конкретный человек, а именно — собеседник, Варвара Петровна.

В целом проведенный анализ еще раз обнаруживает, что манипулятивные техники в диалогах героев Достоевского не обязательно используются в конфликтных, некооперативных целях нанесения коммуникативного ущерба адресату. В ряде случаев можно отметить «игровое», каламбурное использование этого приема просто для усиления выразительности (диалог про Наполеона), в других примерах развитие «референциальной истории» служит средством достижения согласия, коммуникативного сотрудничества или обогащения фонда знаний о предмете диалога у собеседников.

VI. Прием использования манипулятивной речевой стратегии *de re* вместо кооперативной стратегии *de dicto* заключается в перетолковании ситуации под нужным говорящему углом вместо объективного изложения положения дел или хода событий, а также в переинтерпретации чужих воззрений или высказываний в соответствии со своими исходными посылками.

Так, в фрагменте диалога Лизы и Николая (сцена объяснения после ночного свидания) в романе «Бесы» Ставрогин трактует происшедшее в русле своих воззрений, и едва ли Лиза сама по себе могла бы счесть эти номинации адекватными:

<...> — *Зачем ты себя погубила, так уродливо и так глупо, и что теперь делать?* // — *И это Ставрогин, «кровопийца Ставрогин», как называет вас здесь одна дама, которая в вас влюблена! Слушайте, я ведь вам уже сказала: я разочла мою жизнь на один только час и спокойна. Разочтите и вы так свою... впрочем, вам не для чего; у вас так еще много будет разных «часов» и «мгновений»* <...> [ССД-VIII, «Бесы»].

Как видим из вышеприведенного примера, собеседник часто распознает факт перемены номинаций говорящим и реагирует соответствующим образом, не принимая версии инициатора диалога — ср. фрагмент диалога Варвары Петровны и Степана Трофимовича :

— <...> ... Вместо того чтобы благородно стоять свидетельством, продолжать собою пример, вы окружаете себя какою-то сволочью, вы приобрели какие-то невозможные привычки, вы одряхлели, вы не можете обойтись без вина и без карт, вы читаете одного только Поль де Кока и ничего не пишете, тогда как все они там пишут; всё ваше время уходит на болтовню. Можно ли, позволительно ли дружить с такою сволочью, как ваш неразлучный Липутин? // — Почему же он **мой и неразлучный** ? — робко протестовал Степан Трофимович <...> [ССД-VIII, «Бесы»].

В ряде случаев собеседник занимает активную позицию, т.е. не просто не соглашается с номинациями инициатора диалога, но меняет их на противоположные, возвращаясь к исходному, объективному положению дел — ср. фрагмент диалога князя Мышкина и Евгения Павловича в романе «Идиот»:

<...> — Зачем, скажите, затесался к вам этот мальчишка, князь? — сказал он вдруг с такою явною досадой и даже со злобой, что князь удивился. — Бьюсь об заклад, у него недоброе на уме! // — Я заметил, — сказал князь, — мне показалось, по крайней мере, что он вас слишком интересуется сегодня, Евгений Павлыч; это правда? // — И прибавьте: при моих собственных обстоятельствах мне и самому есть о чем задуматься, так что я сам себе удивляюсь, что весь вечер не могу оторваться от этой противной физиономии! // — **У него лицо красивое...** <...> [ССД-VI, «Идиот»].

Манипулятивное использование номинаций de re вместо de dicto часто используется в речевой стратегии дискредитации [Иссерс 1999], когда говорящий, вроде бы передавая имевшие место факты, на самом деле интерпретирует их в негативном ключе, с целью снижения статуса собеседника или смысла изображаемого события. В этом плане примечателен фрагмент диалога Петра Степановича Верховенского со своим отцом, Степаном Трофимовичем, в романе «Бесы»:

— <...> ... А знаешь, старик, я думаю, у вас было одно мгновение, когда она готова была бы за тебя выйти? **Глупейшим ты образом упустил!** Я, конечно, говорю с твоей точки зрения, но все-таки ж лучше, чем теперь,

когда чуть не сосватали на «чужих грехах», как шута для потехи, за деньги. // — За деньги! Она, она говорит, что за деньги! — болезненно возопил Степан Трофимович. // — А то как же? Да что ты, я же тебя и защищал. Ведь это единственный твой путь оправдания. Она сама поняла, что тебе денег надо было, как и всякому, и что ты с этой точки, пожалуй, и прав. Я ей доказал, как дважды два, что вы жили на взаимных выгодах: она капиталисткой, а ты при ней сентиментальным шутом. Впрочем, за деньги она не сердится, хоть ты ее и доил, как козу. Ее только злоба берет, что она тебе двадцать лет верила. что ты ее так облапошил на благородстве и заставил так долго лгать. В том, что сама лгала, она никогда не сознается, но за это-то тебе и достанется вдвое. Не понимаю, как ты не догадался, что тебе придется когда-нибудь рассчитаться. Ведь был же у тебя хоть какой-нибудь ум. Я вчера посоветовал ей отдать тебя в богадельню, успокойся, в приличную, обидно не будет; она, кажется, так и сделает. Помнишь последнее письмо твое ко мне в Х —скую губернию, три недели назад? // — Неужели ты ей показал? — в ужасе вскочил Степан Трофимович. // — Ну еще же бы нет! Первым делом. То самое, в котором ты уведомлял, что она тебя эксплуатирует, завидуя твоему таланту, ну и там об «чужих грехах». Ну, брат, кстати, какое, однако, у тебя самолюбие! Я так хохотал. <...> // — Изверг, изверг! — возопил Степан Трофимович [ССД-VIII, «Бесы»].

В данном примере Петр Степанович, в духе своих «материалистических, социалистических и атеистических воззрений», зло и несправедливо интерпретирует отношения между Варварой Петровной и Степаном Трофимович через призму низменных и корыстных интересов. Как пишет О.С. Иссерс, действенность стратегии дискредитации — именно в несправедливом преувеличении, в злонамеренном и умышленном передергивании фактов, что наносит ее адресату особый психологический ущерб. Не случайна и эмоциональная реакция Степана Трофимовича; ведь в подобных случаях невозмож-

но возражать по существу, потому что любые возражения будут иметь вид оправданий.

Еще один пример — сцена в монастыре, на приеме у игумена Паисия и старца Зосимы в романе «Братья Карамазовы», когда Федор Павлович Карамазов демагогически и ернически издевается над заготовленным к приходу гостей угощением:

<...>— *Простите, — сказал вдруг игумен. — Было сказано издревле: «И начат глаголати на мя многая некая, даже и до скверных неких вещей. Аз же вся слышав, глаголах в себе: се врачество Иисусово есть и послал исцелити тщеславную душу мою». А потому и мы благодарим вас с покорностью, гость драгоценный! // И он поклонился Федору Павловичу в пояс. //* — <...>. *Что у них тут наготовлено? — подошел он [Федор Павлович] к столу. — Портвейн старый Фактори, медок разлива братьев Елисеевых, ай да отцы! Не похоже ведь на пискариков. Ишь бутылочек-то отцы наставляли, хе-хе-хе! А кто это всё доставлял сюда? Это мужик русский, труженик, своими мозольными руками заработанный грош сюда несет, отрывая его от семейства и от нужд государственных! Ведь вы, отцы святыя, народ сосете! //* — *Это уж совсем недостойно с вашей стороны, — проговорил отец Иосиф. Отец Паисий упорно молчал. Миусов бросился бежать из комнаты, а за ним и Калганов.* [ССД-ХІ, «Братья Карамазовы»].

По сути, от подобной речевой агрессии не может быть адекватной защиты, если собеседник желает действовать в рамках принципа коммуникативного сотрудничества. Реакцией на подобную стратегию дискредитации может быть только отказ от продолжения речевого взаимодействия, что видно из данного примера. Также реплика Федора Павловича вполне вписывается и в рамки коммуникативной стратегии антиаргументации.

VII. Прием «магии слова» состоит в употреблении выражений, эмоционально воздействующих на адресата речи, с целью по возможности отключить рациональное восприятие сказанного адресатом. «Расчет, осознанный или неосознанный, делается на то, что поддавшийся «магии слов» адре-

сат речи не будет особенно вникать в смысл того, что ему говорится» [Булыгина, Шмелев 1997:475–476]. Используемые говорящим высказывания часто бывают тавтологичны, алогичны, бессмысленны или внутренне противоречивы, но это не осознается адресатом, замороженным «красивостью» речи.

«Магия слова» — один из самых частых демагогических приемов в диалогах Достоевского, поскольку этот прием выполняет характерологическую функцию в поэтике писателя. В произведениях Ф.М. Достоевского имеется целая галерея персонажей-демагогов, манипуляторов или бескорыстных врунов, которые за цветистостью речи прячут низменные помыслы или душевное убожество (Игнат Лебядкин в романе «Бесы», Лебедев и генерал Иволгин в романе «Идиот», Федор Павлович Карамазов в романе «Братья Карамазовы» и пр.).

Рассмотрим пример диалога капитана Лебядкина и Варвары Петровны в романе «Бесы»:

— **Сударыня!** — взревел он вдруг, — **позволите ли сделать вам один вопрос, только один, но открыто, прямо, по-русски, от души?** // — **Сделайте одолжение.** // — **Страдали вы, сударыня, в жизни?** // — **Вы просто хотите сказать, что от кого-нибудь страдали или страдаете.** // — **Сударыня, сударыня!** — вскочил он вдруг опять, вероятно и не замечая того и ударяя себя в грудь, — **здесь, в этом сердце, накопело столько, столько, что удивится сам бог, когда обнаружится на Страшном суде!** // — Гм, сильно сказано. // — **Сударыня, я, может быть, говорю языком раздражительным...** // — **Не беспокойтесь, я сама знаю, когда вас надо будет остановить.** // — **Могу ли предложить вам еще вопрос, сударыня?** // — **Предложите еще вопрос.** // — **Можно ли умереть единственно от благородства своей души?** // — **Не знаю, не задавала себе такого вопроса.** // — **Не знаете! Не задавали себе такого вопроса!!** — прокричал он с патетической иронией. — **А коли так, коли так: «Молчи, безнадежное сердце!»** — и он неистово стукнул себя в грудь [ССД-VIII, «Бесы»].

Собеседник, замороженный патетическими и романтическими оборотами «высокого стиля», просто не может взять в толк, о чем, собственно, идет речь. Капитан Лебядкин хочет показать свою значительность в высшем свете, будучи на самом деле пьяницей, трусом и бездельником.

Такое расхождение между видимым и подлинным является предметом пристального художественного интереса писателя, и поэтому использование героем приема «магии слова» часто является средством его «речевого само-разоблачения», как в примере диалога Лебедева и князя Мышкина (о генерале Иволгине) из романа «Идиот»:

<...> — А вы ему денег не даете? // — Князь! Многоуважаемый князь! Не только деньги, но за этого человека я, так сказать, даже жизнью... нет, впрочем, преувеличивать не хочу, — не жизнью, но если, так сказать, лихорадку, нарыв какой-нибудь, или даже кашель, — то ей богу готов буду перенести, если только за очень большую нужду; ибо считаю его за великого, но погибшего человека! Вот-с; не только деньги-с! <...> [ССД-VI, «Идиот»].

Комический эффект, возникающей из-за использованной Лебедевым фигуры нисходящей градации (от жизни до кашля) выступает как прием обнажения низменной и мелочной души героя в его речи.

Возможны случаи, когда позиция разоблачения «магии слова» реализована в репликах адресата манипулятивной «магии слова», что мы видим в фрагменте диалога князя Мышкина и Келлера в романе «Идиот»:

<...>... Мало-помалу они разговорились, и до того, что и разойтись не хотелось. Келлер с необыкновенною готовностью признавался в таких делах, что возможности не было представить себе, как это можно про такие дела рассказывать. Приступая к каждому рассказу, он уверял положительно, что кается и внутренне «полон слез», а между тем рассказывал так, как будто гордился поступком, и в то же время до того иногда смешно, что он и князь хохотали, наконец, как сумасшедшие. // — Главное то, что в вас какая-то детская доверчивость

и необычайная правдивость, — сказал, наконец, князь; — знаете ли, что уж этим одним вы очень выкупаете? // — **Благороден, благороден, рыцарски благороден!** — подтвердил в умилении Келлер: — **но знаете, князь, все только в мечтах и, так сказать, в кураже, на деле же никогда не выходит! А почему так? и понять не могу.** // — *Не отчаивайтесь. Теперь утвердительно можно сказать, что вы мне всю подноготную вашу представили; по крайней мере, мне кажется, что к тому, что вы рассказали, теперь больше ведь уж ничего, прибавить нельзя, ведь так? //* — **Нельзя?!** — *с каким-то сожалением воскликнул Келлер: — о, князь, до такой степени вы еще, так сказать, по-швейцарски понимаете человека.* // — *Неужели еще можно прибавить? — с робким удивлением выговорил князь: — так чего же вы от меня ожидали, Келлер, скажите пожалуйста, и зачем пришли с вашей исповедью? //* — **От вас? Чего ждал? Во-первых, на одно ваше простодушие посмотреть приятно; с вами посидеть и поговорить приятно; я, по крайней мере, знаю, что предо мной добродетельнейшее лицо, а во-вторых... во-вторых...** // *Он замялся. //* — Может быть, денег хотели занять? — подсказал князь очень серьезно и просто, даже как бы не- сколько робко. <...> [ССД-VI, «Идиот»].

Выявление собеседником истинного мотива использования инициатором диалога приема «магии слова» есть самое действие средство защиты от манипулятивного воздействия — логический анализ всегда разрушает манипуляцию.

Иногда в диалогах героев Достоевского эффект разоблачения «магии слова» реализуется в имплицитной сфере общего контекста диалога, так сказать, в зоне читателя, который сам должен из текста вывести логическую несуразность, алогизм, натяжки противоречия, скрытые за умными и красивыми речами персонажа — см., например, фрагмент беседы Лебедева, генерала Иволгина и князя Мышкина из романа «Идиот», в котором с уморительной серьезностью обсуждается, сколько монахов и младенцев может съесть человек от голода:

— В нашем отечестве, равно как и в Европе, всеобщие, повсеместные и ужасные голода посещают человечество, по возможному исчислению и сколько запомнить могу, не чаще теперь как один раз в четверть столетия, другими словами, однажды в каждое двадцатипятилетие. Не спорю за точную цифру, но весьма редко, сравнительно. // — С чем сравнительно? // — С двенадцатым столетием и с соседними ему столетиями с той и с другой стороны. Ибо тогда, как пишут и утверждают писатели, всеобщие голода в человечестве посещали его в два года раз или, по крайней мере, в три года раз, так что при таком положении вещей человек прибегал даже к антропофагии, хотя и сохраняя секрет. **Один из таких тунейдцев, приближаясь к старости, объявил сам собою и без всякого принуждения, что он в продолжение долгой и скудной жизни своей умертвил и съел лично и в глубочайшем секрете шестьдесят монахов и несколько светских младенцев, — штук шесть, но не более, то есть необыкновенно мало сравнительно с количеством съеденного им духовенства. До светских же взрослых людей, как оказалось, он с этой целью никогда не дотрогивался.** // <...> — Да разве можно съесть шестьдесят монахов? — смеялись кругом. // — **Хоть он и съел их не вдруг, что очевидно, а, может быть, в пятнадцать или в двадцать лет, что уже совершенно понятно и натурально...** // — И натурально? // — **И натурально!** — с педантским упорством отгрызался Лебедев: — **да и кроме всего, католический монах уже по самой натуре своей повадлив и любопытен, и его слишком легко заманить в лес или в какое-нибудь укромное место и там поступить с ним по вышесказанному, — но я все-таки не оспариваю, что количество съеденных лиц оказалось чрезвычайное, даже до невоздержности.** // — Может быть, это и правда, господа, — заметил вдруг князь [ССД-VI, «Идиот»].

Комический эффект «деманипуляции» возникает в читательском восприятии (в соответствии с замыслом автора) на фоне столкновения внешней формальной связности и логичности реплик диалога, их коммуникативной

согласованности, адекватности использования приемов аргументации с невероятным и абсурдным содержанием. Обратим внимание на финальную реплику князя, сделанную в рамках принципа кооперации и принципа вежливости, что усиливает общую фантазмагоричность изображаемого.

В целом мы можем утверждать, что все проанализированные приемы «языковой демагогии» в диалогах героя Достоевского имеют значительную художественную нагрузку. Они играют существенную роль в самораскрытии внутреннего мира героя через его речь, а иногда — и в его саморазоблачении, когда персонаж незаметно для себя обнажает тайники своей души или, напротив, сознательно пытается скрыть от окружающих неудобную для него информацию о своих поступках.

Выводы по содержанию главы II

В главе проанализированы манипулятивные речевые стратегии в диалогическом взаимодействии и приемы «языковой демагогии», соответственно, по данным Национального корпуса русского языка, по которым мы условно моделируем манипулятивные коммуникативные схемы естественного диалога, и по текстам романов Ф.М. Достоевского.

Было показано, что в естественном диалоге конвенции диалогической коммуникации могут сознательно или бессознательно игнорироваться, нарушаться говорящими. В область нашего рассмотрения попали прежде всего речевые стратегии манипулятивного ухода от темы, манипулятивного пере спрашивания, перебива и подхвата, манипулятивной перемены темы, манипулятивного отказа от коммуникации, демонстративного молчания.

Во всех рассмотренных нами манипулятивных стратегиях обнаружены случаи применения риторической уловки, именуемой «выход на метауровень», когда вместо информации, требуемой по логике продолжения диалога, собеседник оценивает взаимоотношения коммуникантов, тональность разго-

вора, само исходное коммуникативное намерение инициатора или обсуждает значения слов, употребленных им.

Исследование показало, что далеко не всегда использование адресатом тех или иных манипулятивных техник ведет к нарушению постулатов кооперативного общения, принципа вежливости Дж. Н. Лича. В ряде случаев манипуляция в зоне адресата может иметь целью как раз соблюдение постулата тактичности (уход от обсуждения неудобной темы, сделанный в тактичной форме перемены темы). При этом ряд признаков манипулятивной коммуникации все же сохраняется.

Далее, в соответствии с концепцией исследования, были проанализированы те же модели манипулятивных речевых стратегий в художественном диалоге героев Ф.М. Достоевского. Мы выявили специфику использования манипулятивных коммуникативных схем в диалогах героев Ф.М. Достоевского, которая связана с особой ролью диалога в моделировании художественного мира его «полифонических» романов, а именно — в формировании такой черты поэтики писателя, как «диалог умолчаний», когда основная смысловая нагрузка в диалогах лежит на том, что не сказано, на том, что скрыто.

Было показано, что манипулятивные диалогические техники в зоне ответной реакции, как и другие средства художественного воплощения напряженного взаимодействия «своего» и «чужого слова» в полифоническом повествовании Ф.М. Достоевского, служат инструментом художественного познания личности, ее самораскрытия в процессе непрекращающегося диалога с другими людьми и с миром в целом.

На следующем этапе исследования, применительно к моделям естественно-языкового диалога, были проанализированы такие приемы «языковой демагогии», как ассерция, маскирующаяся под пресуппозицию; воздействие при помощи речевых импликатур; возражение под видом согласия; противопоставление «видимой» и «подлинной» реальности; игра на референциальной неоднозначности; использование манипулятивной речевой стратегии *de re* вместо кооперативной стратегии *de dicto*; «магия слова».

Исследование показало, что все рассмотренные приемы объединяет то обстоятельство, что они так или иначе нарушают принцип кооперации, провозглашая не критичность восприятия адресатом навязываемых ему мнений, которые подаются как данность, обсуждать и тем более отрицать которую не имеет смысла. Адресату во всех этих случаях достаточно бесцеремонно навязываются некие суждения, причем в такой форме, которая не предполагает их возможного обсуждения.

Затем все семь указанных приемов «языковой демагогии» были рассмотрены на материале художественных диалогов героев Достоевского. Были сделаны выводы о функциональном своеобразии применения приемов «языковой демагогии» в речевом взаимодействии персонажей романов Достоевского, что связано с особенностями поэтики писателя, в частности — с характерологическими функциями недоговоренности, умолчания, сокрытия «больных мест» в сознании героя.

Так, в диалогах героев Достоевского опущение значимой для обоих собеседников, известной им информации в область прагматической пресуппозиции создает между ними напряжение, конфликтную ситуацию. Также использование приемов «языковой демагогии» в художественной речи Достоевского играет существенную роль в реализации так называемой речевой стратегии «самооправдания», к которой часто прибегают герои-манипуляторы в романах Ф.М. Достоевского, чтобы скрыть какой-то неблагоприятный поступок. Герои Достоевского постоянно, в напряженном противостоянии друг с другом, ищут истину, правду — о себе и о других.

В целом использование данных приемов служит художественным средством раскрытия характера героя через речь, когда персонаж, незаметно для себя, приоткрывает свой внутренний мир для читателя. Они играют существенную роль в самораскрытии характера героя через его речь, а иногда — и в его саморазоблачении.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Осуществленное в работе сопоставительное изучение манипулятивных речевых стратегий в русской естественно-языковой и художественной диалогической коммуникации привело нас к следующим результатам.

Изучение теоретической литературы по проблематике исследования позволило обосновать его исходные положения, терминологический аппарат и методику анализа моделей манипулятивной диалогической коммуникации на русском языке.

Итак, диалог выступает как первичная форма существования языка. Это особая форма речи, которая состоит в обмене взаимообусловленными репликами, монологу как высказыванию одного лица. Современный комплексный подход к изучению диалога вызвал к жизни интердисциплинарное направление в науке о языке, которое получило название «лингвистическое диалоговедение». Этот подход предлагает рассматривать диалогическое взаимодействие как особый тип дискурса. Под диалогическим дискурсом понимается результат совместной коммуникативной деятельности двух или более индивидуумов, включающий помимо собственно речевого произведения определенный набор экстралингвистических признаков (конситуативные показатели, определенные пресуппозиции и т.п.).

Мы рассмотрели различия между естественным диалогом и диалогом художественным. Было показано, что, с одной стороны, художественная диалогическая речь предполагает обработанность ее автором, т.е. это всегда — отражение письменной формы существования языка, а, с другой стороны, — эта речь необходимо основана на живой разговорной речи, как бы воспроизводит, имитирует живую разговорную речь. Существенные коммуникативно-прагматические особенности художественного диалога как раз связаны с письменным характером художественного диалога, обуславливающим обдуманность художественного диалога.

Диалогическая коммуникация может быть кооперативной, реализующей принципы коммуникативного сотрудничества участников диалога, и некооперативной, нарушающей по тем или иным причинам эти принципы. В целях предпринятого исследования акцент был сделан на моделях манипулятивной диалогической коммуникации. Они определяются в работе как приемы непрямого воздействия на слушающего или читателя, когда идеи, которые необходимо внушить ему, не высказываются прямо, а навязываются ему исподволь путем использования возможностей, предоставляемых языковыми механизмами. Были выявлены основные манипулятивные речевые стратегии в зоне ответной реакции адресата, а также рассмотрены семь основных приемов «языковой демагогии», которые, как правило, реализуются в зоне инициатора диалога, к которым, в соответствии с концепцией нашего исследования, относится семь приемов «языковой демагогии».

В соответствии с приведенными выше теоретическими и методологическими соображениями была обоснована концепция исследования. На первом этапе исследования осуществлялся анализ моделей манипулятивной диалогической коммуникации и приемов «языковой демагогии» по данным Национального корпуса русского языка. На втором этапе исследования аналогичный анализ моделей манипулятивной диалогической коммуникации и приемов «языковой демагогии» осуществлялся уже на текстовом материале произведений Ф.М. Достоевского. На завершающем этапе была дана сопоставительная интерпретация полученных результатов с учетом интенциональных и функциональных особенностей диалога в художественной речи.

В непосредственно исследовательской части работы сначала был осуществлен анализ манипулятивных речевых стратегий в естественно-языковом диалогическом взаимодействии по данным Национального корпуса русского языка. В область нашего рассмотрения попали прежде всего речевые стратегии манипулятивного ухода от темы, манипулятивного пере спрашивания, перебива и подхвата, манипулятивной перемены темы, манипулятивного отказа от коммуникации, демонстративного молчания.

В частности, было показано, что в зоне адресата порождается демонстративный ответ не по теме, совсем из другой области, абсолютно не связанный с обсуждаемой темой, происходит информативное и коммуникативное рассогласование реплик. При манипулятивном переспрашивании может декларироваться цель уточнения инициального вопроса или его части, но на деле обсуждение переводится в другую плоскость. Стратегия манипулятивного перебива используется отвечающим в ситуации обрыва реплики инициатора, когда в речевой зоне ответной реакции инициатору диалога просто не позволяют полностью высказать свое сообщение.

Стратегия отказа от неудобного вопроса в ответной реплике может вербализоваться указанием на нежелание обсуждать данный вопрос, часто с использованием специальных метаязыковых маркеров типа *Что об этом говорить?; (Мы) не будем об этом говорить* и пр. Стратегия манипулятивного подхвата может вводиться формулой «возражение под видом согласия». Манипулятивный подхват может сопровождаться «зеркальным» повтором инициальной реплики в ответе, который меняет регистр общения и переводит разговор в удобную для отвечающего тональность.

В стратегии умышленной перемены темы, как правило, завуалировано выражается возражение или несогласие, и отвечающий ненавязчиво переключает разговор в нужном ему направлении, выражает уже свою позицию. В основе некоторых моделей умышленной перемены темы лежит прагматический механизм, основанный на манипулятивной подмене темы исходной реплик на рему в реактивной реплике (или наоборот). Также в подобных манипулятивных явлениях в реактивной реплике используется полемическая уловка «чтение в сердцах», когда второй участник сам формулирует, что, по его мнению, должен был бы делать говорящий.

Во всех рассмотренных нами манипулятивных стратегиях обнаружены случаи применения риторической уловки, именуемой «выход на метауровень», когда вместо информации, требуемой по логике продолжения диалога,

собеседник оценивает само исходное коммуникативное намерение инициатора или обсуждает значения слов, употребленных им.

Также предпринятое исследование показало, что далеко не всегда использование адресатом тех или иных манипулятивных техник ведет к нарушению постулатов кооперативного общения или принципа вежливости Дж. Н. Лича. В ряде случаев манипуляция в зоне адресата может иметь целью как раз соблюдение постулата тактичности (уход от обсуждения неудобной темы, сделанный в тактичной форме перемены темы). При этом ряд признаков манипулятивной коммуникации все же сохраняется.

Далее, применительно к моделям естественно-языкового диалога, по данным Национального корпуса русского языка мы проанализировали такие приемы «языковой демагогии», как ассерция, маскирующаяся под пресуппозицию; воздействие при помощи речевых импликатур; возражение под видом согласия; противопоставление «видимой» и «подлинной» реальности; игра на референциальной неоднозначности; использование манипулятивной речевой стратегии *de re* вместо кооперативной стратегии *de dicto*; «магия слова».

Было показано, что языковые механизмы демагогических приемов, как правило, основаны на разнообразных имплицитных формах подачи нужной говорящему информации, которая помещается в неассертивный компонент смысла слова, выражения или высказывания — в его пресуппозицию, инференцию или импликатуру.

Анализ приема использования ассерции, маскирующейся под пресуппозицию, выявил модели навязывания ложных пресуппозиций двух типов — семантических и прагматических. При навязывании семантической пресуппозиции говорящий в качестве бесспорного и самоочевидного суждения в пресуппозиции навязывает суждение, которое спорно и нуждается в обосновании. При этом часто используются «принудительно блокирующие вопросы», в которых негативная информация об отвечающем уже заложена в пресуппозицию, обладающую свойством неустранимости, т.е. не отрицаемой в общеотрицательном суждении. При навязывании прагматической пресуппо-

зиции коммуникант ссылается на якобы известные обоим собеседникам обстоятельства, но не вербализует их содержание: это позволяет ему по тем или иным причинам не брать на себя ответственность за свои речевые действия, перекладывая ее на плечи спрашивающего.

Анализ приема воздействия при помощи речевых имплицатур показал, что их использование часто заключается в подведении адресата «подведении к ложному умозаключению». Собеседнику навязывается необходимость небуквальной интерпретации в нужном для говорящего ключе. Говорящий переинтерпретирует слова и мысли собеседника в нужном манипулятору ключе, но делает вид, что собеседник сам сказал это. Также часто используется прием «чтение в сердцах», который трактуется именно как полемическая уловка, при котором говорящий как бы просто подтверждает то, что собеседник знает сам, а под видом этого подтверждения навязывается нужное манипулятору умозаключение.

Анализ приема возражения под видом согласия выявил ряд манипулятивных схем, цель которых заключается в том, что говорящий как будто соглашается с мыслью, высказанной оппонентом, но тут же приводит соображение, сводящее на нет возможные выводы из этой мысли. Манипулятивность подобных приемов заключается в том, что под видом соблюдения принципа кооперации (выражения согласия) на самом деле выражается возражение, и диалог переводится в нужную для отвечающего сторону.

Анализ приема противопоставления «видимой» и «подлинной» реальности обнаружил использование говорящим типизированных речевых формул на основе метаязыковых операторов *на самом деле, в самом деле, в действительности* с целью выразить некую спорную или дискуссионную точку зрения под видом ее полного соответствия положению дел в мире. При этом именно говорящий в неявном виде присваивает себе право судить о том, какова эта подлинная реальность.

Анализ приема игры на референциальной неоднозначности показал, что манипулирование речевыми моделями генерализации заключается в том,

что для выражения того или иного мнения по поводу конкретной ситуации говорящий использует общую сентенцию. Тем самым может использоваться генерализованная референция в тех случаях, когда фактически имеется в виду единичный объект, благодаря чему задействуется стратегия переформулирования исходной информации в интересах говорящего.

Анализ приема использования манипулятивной речевой стратегии *de re* вместо кооперативной стратегии *de dicto* выявил основные речевые схемы, в результате использования которых обсуждаемая ситуация перетолковывается в нужном говорящему направлении, а чужое мнение переформулируется в соответствии с исходными посылками и оценками самого говорящего: это лексическая замена, амфиболия (обыгрывание многозначности), буквализация исходного выражения, перифразирование исходного понятия или его ложная дефиниция, использование метаязыковых показателей (маркеров) переключения точки зрения и «коммуникативной стратегии выхода на метауровень», подмена темы и ремы высказывания.

Анализ приема «магия слова» показал, что основной речевой стратегией для его реализации является амплификация — нагромождение в высказывании слов одной эмоционально-оценочной тональности, избыточное использование образных средств, которые отвлекают адресата от сути дела. При этом с точки зрения здравого смысла используемые говорящим высказывания часто бывают тавтологичны, алогичны, бессмысленны или внутренне противоречивы, но этот факт не осознается адресатом, замороженным речевой «красивостью».

В целом проведенный анализ показал, что все рассмотренные приемы языкового манипулирования объединяет то обстоятельство, что они так или иначе нарушают принцип кооперации, провоцируя некритичность восприятия адресатом навязываемых ему мнений, причем в такой форме, которая не предполагает их возможного обсуждения.

Далее, в соответствии с замыслом исследования, результаты анализа рассмотренных на материале естественно-языковой коммуникации моделей

манипулятивного взаимодействия и приемов «языковой демагогии» были сопоставлены с результатами анализа данных явлений в художественных диалогах романов Ф.М. Достоевского. Выбор в качестве материала для исследования на данном его этапе художественной речи Ф.М. Достоевского обусловлен важностью диалогической коммуникации именно в романах этого писателя. Диалог у Достоевского есть проявление такой черты его художественного мира, как полифоничность. Это диалог точек зрения, диалог сознаний, в потем уже — диалог в обычном смысле слова. Так понимаемый диалог служит средством взаимного познания личностей, самопознания и вообще — истинной жизни.

Очень часто герои Ф.М. Достоевского отвечают не на непосредственную реплику, обращенную к ним в диалоге, а на свои мысли или на воображаемые реплики, которые мог бы сказать, но не произнес собеседник. Художественное своеобразие диалогической коммуникации героев писателя состоит в уникальном сочетании сказанного и невысказанного, того, что ослвлено, с тем, о чем умалчивается. А подобного рода коммуникативная организация диалога по умолчанию предполагает использование говорящими разного рода манипулятивных стратегий и тактик с самыми разными целями. Действительно, герои Достоевского в своих диалогах демонстрируют нам самые разнообразные модели конфликтной, вербально-агрессивной и манипулятивной, коммуникации, сами порой не осознавая этого.

Анализ моделей манипулятивной коммуникации в ходе ответной реакции в диалогах героев Достоевского выявил определенные сходства в ситуациях использования тех или иных манипулятивных стратегий, в их коммуникативной организации и речевого оформления. В то же время была обнаружена и специфика использования манипулятивных коммуникативных схем в диалогах героев Ф.М. Достоевского, которая связана с особой ролью диалога в моделировании художественного мира его «полифонических» романов.

Особую художественную роль манипулятивные стратегии в диалогах героев Достоевского играют в формировании такой черты поэтики писателя,

как «диалог умолчаний», когда основная смысловая нагрузка в диалогах лежит на том, что не сказано, на том, что имплицитно, скрыто.

Типичной чертой манипулятивных техник в диалогах героев Достоевского является использование «разоблачающего» синонимического преобразования. Также часто в подобных манипулятивных явлениях используется полемическая уловка «чтение в сердцах», когда отвечающий сам формулирует, что, по его мнению, должен был бы делать говорящий.

В целом проведенный анализ обнаружил, что модели манипулятивной коммуникации в зоне адресата, представленные в художественном диалоге Ф.М. Достоевского, с одной стороны, отражают общие тенденции их использования, выявленные при анализе материала Национального корпуса русского языка, а именно — разного рода нарушения принципов коммуникативного сотрудничества под видом формального его соблюдения. С другой стороны, использование манипулятивных моделей в диалогах Ф.М. Достоевского целиком и полностью находится в русле «художественной диалогии» писателя, т.е. подчинено художественным принципам воплощения диалогического общения персонажей в целом в качестве самостоятельного объекта эстетического изображения.

Было показано, что манипулятивные диалогические техники в зоне ответной реакции, как и другие средства художественного воплощения напряженного взаимодействия «своего» и «чужого слова» в полифоническом повествовании Ф.М. Достоевского, служат инструментом художественного познания личности, ее самораскрытия в процессе непрекращающегося диалога с другими людьми и с миром в целом.

На завершающем этапе исследования была осуществлена сопоставительная интерпретация рассмотренных выше семи приемов «языковой демагогии» уже применительно к художественному диалогу в романах Ф.М. Достоевского. На уровне самих используемых манипулятивных техник мы выявили значительные сходства в речевой реализации данных приемов в диалогах естественно-языковых и художественных. Но при этом были сделаны вы-

воды и о функциональном своеобразии применения приемов «языковой демагогии» в речевом взаимодействии персонажей романов Достоевского, что связано с особенностями художественного мира писателя, в частности — с изображением разного рода недоговоренности, умолчания, сокрытия «больных мест» в сознании героя и в его речи.

Демагогический прием навязывания пресуппозиции (семантической или прагматической), как и другие приемы, может быть выражен посредством риторической уловки «чтение в сердцах», когда инициатор диалога априорно утверждает о том, что он знает, что собеседник знает, думает, или чувствует, тем самым навязывая собеседнику точку зрения, которую он, возможно, и не разделяет. При этом в диалогах Достоевского очень часто встречается эффект разоблачения манипуляции, неприятия ее, раскрытия ее механизма, как в реплике отвечающего, так и в комментариях повествователя.

Часто в диалогах героев Достоевского опущение значимой для обоих собеседников, известной им информации в область прагматической пресуппозиции создает между ними напряжение, конфликтную ситуацию. Манипулятивное использование имплицитной информации в диалоге может сознательно использоваться инициатором диалога в целях недобросовестного передергивания, искажения позиции собеседника, перетолкования ее в нужную инициатору сторону. При этом манипулятивные техники вовсе не обязательно используются в некооперативных целях. Возможно их применение в режиме фатической коммуникации, в плане реализации принципа вежливости, максимы тактичности.

Приемы «языковой демагогии» в диалогах Достоевского участвуют в реализации так называемой речевой стратегии «самооправдания», к которой часто прибегают герои-манипуляторы в романах Ф.М. Достоевского, чтобы скрыть какой-то неблагоприятный поступок.

Прием использования манипулятивной речевой стратегии *de re* вместо *de dicto* употребляется в случаях, когда говорящему надо навязать свою позицию собеседнику, причем желательно — незаметным для того способом.

Однако собеседник часто распознает факт перемены номинаций говорящим и реагирует соответствующим образом, не принимая версии инициатора диалога. Также манипулятивные модели *de re* могут использоваться в речевой стратегии дискредитации, когда говорящий, вроде бы передавая имевшие место факты, на самом деле интерпретирует их в негативном ключе, с целью снижения статуса собеседника или смысла изображаемого события.

В работе было показано, что «магия слова» — один из самых частых демагогических приемов в диалогах Достоевского, поскольку этот прием выполняет характерологическую функцию в поэтике писателя. В произведениях Ф.М. Достоевского имеется целая галерея персонажей-демагогов, манипуляторов или бескорыстных врунов, которые за цветистостью речи прячут низменные помыслы или душевное убожество.

Расхождение между видимым и подлинным всегда было предметом пристального художественного интереса писателя, и поэтому использование героем приема «магии слова» часто является средством его «речевого само-разоблачения». Однако не менее часты в диалогах героев Достоевского и случаи разоблачения «магии слова» с позиции «чужого сознания» — с позиции отвечающего или в авторской ремарке-комментарии. Иногда в диалогах героев Достоевского эффект разоблачения «магии слова» реализуется в имплицитной сфере общего контекста диалога, так сказать, в зоне читателя, который сам должен из текста вывести логическую несуразность, алогизм, натажки противоречия, скрытые за умными и красивыми речами персонажа.

Как показало предпринятое исследование, использование демагогических приемов всех типов в диалогах героев Достоевского служит художественным средством раскрытия характера героя через речь, когда персонаж, незаметно для себя, приоткрывает свой внутренний мир для читателя. Герои Достоевского постоянно, в напряженном противостоянии друг с другом, ищут истину, правду — о себе и о других. В столкновении разных «правд», разных «голосов» и проявляется полифонизм романов Ф.М. Достоевского как ведущая черта поэтики писателя.

В целом употребление всех проанализированных приемов «языковой демагогии» в диалогах героев Ф.М. Достоевского служит художественным средством раскрытия характера героя через речь, когда персонаж, незаметно для себя, приоткрывает свой внутренний мир для читателя. Они играют существенную роль как в самораскрытии характера героя через его речь, так и в саморазоблачении.

Проведенное в работе сопоставительное исследование манипулятивных речевых стратегий в русской естественно-языковой и художественной диалогической коммуникации не исчерпывает поставленную проблему по причине разнообразия используемых манипулятивных стратегий в речевой практике носителей русского языка и огромного и все возрастающего массива фактов языкового манипулирования в диалогической коммуникации на русском языке. Это обуславливает перспективы дальнейшего исследования, которые заключаются в возможной конкретизацией и детализацией каталога манипулятивных техник и особенностей их функционирования применительно к разным типам «дискурсов активного воздействия» (О.В. Соколова), в частности, с изучением специфики языкового манипулирования в медийном, политическом и рекламном дискурсах. Также интересно было бы выявить своеобразие применения манипулятивных приемов и средств в среде неформальной интернет-коммуникации на русском языке, в поликодовых, интерактивных и гипертекстовых моделях организации контента русскоязычного интернета.

ИСТОЧНИКИ И ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

БВЛ-93 — Лермонтов, М.Ю. Стихотворения. Поэмы. Маскарад. Герой нашего времени [Текст] / М.Ю. Лермонтов. — М.: Художественная литература, 1972. — 768 с. (Библиотека всемирной литературы, т. 93).

НКРЯ — Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. — URL: [http:// www.ruscorpora.ru](http://www.ruscorpora.ru)

ССД — Достоевский, Ф.М. Собрание сочинений: В 12 т. [Текст] / Ф.М. Достоевский. — М.: Изд-во «Правда», 1982.

ССЧ — Чехов, А.П. Собрание сочинений: В 8 т. [Текст] / А.П. Чехов. — М.: Изд-во «Правда», 1969–1970.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Азимов, Э.Г., Щукин, А.Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам) [Текст] / Э.Г. Азимов, А.Н. Щукин. — М.: ИКАР, 2009. — 448 с.
2. Алферов, А.В. Интеракциональная лингвистика и структура диалога [Текст] / А.В. Алферов // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. — 2011. — № 4. — С. 135-138.
3. Арутюнова, Н.Д. Диалогическая модальность и явление цитации [Текст] / Н.Д. Арутюнова // Человеческий фактор в языке. Коммуникация, модальность, дейксис / Н.Д. Арутюнова, Т.В. Булыгина, А. А. Кибрик и др.; Отв. ред. Т.В. Булыгина. — М.: Наука, 1992. — С. 52-79.
4. Арутюнова, Н.Д. Некоторые типы диалогических реакций и «почему»-реплики в русском языке [Текст] / Н.Д. Арутюнова // Филологические науки. — 1970. — № 3. — С. 44-58.
5. Арутюнова, Н.Д. Предложение и его смысл [Текст] / Н.Д. Арутюнова. — М.: Наука, 1976. — 383 с.
6. Арутюнова, Н.Д. Стилъ Достоевского в рамке русской картины мира [Текст] / Н.Д. Арутюнова // Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. — 2-е изд., испр. — М.: Языки русской культуры, 1999. — С. 846-870.
7. Арутюнова, Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт [Текст] / Н.Д. Арутюнова. — М.: Наука, 1988. — 341 с.
8. Арутюнова, Н.Д. Фактор адресата [Текст] / Н.Д. Арутюнова // Изв-я АН СССР. Серия лит. и языка. — 1981. — Т. 40. — № 4. — С. 356-367.
9. Арутюнова, Н.Д. Феномен второй реплики, или о пользе спора [Текст] / Н.Д. Арутюнова // Логический анализ языка. Противоречивость и аномальность текста / Отв.ред. Н. Д. Арутюнова. — М.: Наука, 1990. — С. 175–194.

10. Арутюнова, Н.Д. Язык и мир человека [Текст] / Н.Д. Арутюнова. — М.: Языки русской культуры, 1998. — 896 с.
11. Арутюнова, Н.Д., Падучева, Е.В. Истоки, проблемы и категории прагматики [Текст] / Н.Д. Арутюнова, Е.В. Падучева // Новое в зарубежной лингвистике: Вып. 16. Лингвистическая прагматика / Сост. и вст. ст. Н.Д. Арутюновой, Е.В. Падучевой; общ. ред. Е.В. Падучевой. — М.: Прогресс, 1985. — С. 3-42.
12. Ахманова, О.С. Словарь лингвистических терминов [Текст] / О.С. Ахманова. — М.: Советская энциклопедия, 1966. — 608 с.
13. Ашимбаева, Н. Т. Достоевский. Контексты слов [Текст] / Н.Т. Ашимбаева. — СПб.: «Серебряный век», 2014. — 232 с.
14. Бадалова, Е.Н. Концептосфера романа Ф. М. Достоевского «Идиот»: Дисс. ... канд. филол. наук: 10.01.01 [Текст] / Е.Н. Бадалова; Астраханский госуниверситет. — Астрахань, 2017. — 180 с.
15. Баделина, М.В. Отношения согласия между репликами диалогических единств: Дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01 [Текст] / М.В. Баделина; Ивановский госуниверситет. — Иваново, 1997. — 174 с.
16. Баженова, Я.Г. Аутокогниция как результат диалоговой коммуникации [Текст] / Я.Г. Баженова // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. — 2017. — № 1. — С. 9-13.
17. Баженова, Я.Г. Диалоговый подход в образовательном процессе как способ рефлексивного взаимодействия и смыслопорождения [Текст] / Я.Г. Баженова // Общие вопросы лингводидактики и межкультурной коммуникации: Сб. науч. ст. — Чебоксары: ЧГУ, 2016. — С. 3-7.
18. Баженова, Я.Г. Манипулятивные речевые стратегии в диалогической коммуникации на русском языке: когнитивно-дискурсивный аспект коммуникации [Текст] / Я.Г. Баженова // Когнитивные исследования языка. — 2021. — Вып. 3 (46): Язык и мышление в эпоху глобальных перемен. — С. 300–303.

19. Баранов, А.Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика: учеб. пособие [Текст] / А.Н. Баранов. — М.: Флинта: Наука, 2009. — 592 с.
20. Баранов, А.Н., Иванова, Е.А. Лексические показатели минимальных диалогов [Текст] / А.Н. Баранов, Е.А. Иванова // Вестник Московского ун-та. Сер. 9. Филология. — 1999. — № 1. — С. 76-87.
21. Баранов, А.Н., Крейдлин, Г.Е. Иллокутивное вынуждение в структуре диалога [Текст] / А.Н. Баранов, Г.Е. Крейдлин // Вопросы языкознания. — 1992а. — № 2. — С. 84–99.
22. Баранов, А.Н., Крейдлин, Г.Е. Структура диалогического текста: лексические показатели минимальных диалогов [Текст] / А.Н. Баранов, Г.Е. Крейдлин // Вопросы языкознания. — 1992б. — № 3. — С. 8–17.
23. Бахтин, М.М. Проблемы поэтики Достоевского [Текст] / М.М. Бахтин. — М.: Советская Россия, 1979. — 318 с.
24. Бахтин, М.М. Эстетика словесного творчества [Текст] / М.М. Бахтин. — М.: Искусство, 1986. — 445 с.
25. Белая, Г.А. Художественный мир современной прозы [Текст] / Г.А. Белая.. — М.: Наука, 1983. — 191 с.
26. Бизева, М.Г. Коммуникативный блок как одна из единиц диалога [Текст] / М.Г. Бизева // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. — 2000. — № 5. — С. 27-59.
27. Блакар, Р.М. Язык как инструмент социальной власти [Текст] / Р.М. Блакар // Язык и моделирование социального взаимодействия: Сб. ст. / под ред. В. В. Петрова; сост. В. М. Сергеева, П. Б. Пашина. — М. : Прогресс, 1987. — С. 88–125.
28. Богданов, В.В. Семантическое и прагматическое согласование высказываний в диалоге [Текст] / В.В. Богданов // Диалог глазами лингвиста: Сб. научн. трудов / Редкол.: Г.П. Немец (отв. ред.) и др. — Краснодар: КГУ, 1994. — С. 9-15.

- 29.Болдырев, Н.Н. Когнитивная лингвистика / [Текст] / Н.Н. Болдырев. — М.; Берлин: Директ-Медиа, 2016. — 252 с.
- 30.Борисова, И.Н. Русский разговорный диалог: структура и динамика [Текст] / И.Н. Борисова. — Изд. 3-е. — М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. — 320 с.
- 31.Борисова, М.Б. О типах диалога в пьесе Горького «Враги» [Текст] / М.Б. Борисова // Очерки по лексикологии, фразеологии, стилистике. Учен. зап. ЛГУ. Сер. филол. наук.— 1956. — № 198. — Вып. 24. — С. 32-54.
- 32.Букин, А.С. Проблема некооперативного диалога [Текст] / А.Ю. Букин // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. —2014. — № 2. — Том 1. Филология. — С. 226–232.
- 33.Булыгина, Т.В. О границах и содержании прагматики [Текст] / Т.В. Булыгина // Изв-я АН СССР. Серия лит. и языка. — 1981. — Т. 40. — № 4. — С. 333-343.
- 34.Булыгина, Т.В., Шмелев, А.Д. Диалогические функции некоторых вопросительных предложений [Текст] / Т.В. Булыгина, А.Д. Шмелев // Изв-я АН СССР. Серия лит. и языка. — 1982. — Т. 41. — № 4. — С. 314-326.
- 35.Булыгина, Т.В., Шмелев, А.Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). [Текст] / Т.В. Булыгина, А.Д. Шмелев. — М.: Языки русской культуры, 1997. — 576 с.
- 36.Валюсинская, З.В. Проблемы изучения диалога в работах советских лингвистов [Текст] / З.В. Валюсинская // Синтаксис текста; Отв. ред. Г.А. Золотова; АН СССР. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. — М.: Наука, 1979. — С. 299–313.
- 37.Введение в литературоведение: Учебное пособие [Текст] / Под ред. Л.В. Чернец. — М.: Высшая школа, 2006. — 680 с.
- 38.Вежбицка, А. Речевые акты [Текст] / А. Вежбицка // Новое в зарубежной лингвистике: Вып. 16. Лингвистическая прагматика / Сост. и вст. ст.

- Н.Д. Арутюновой и Е.В. Падучевой; общ. ред.. Е.В. Падучевой. — М.: Прогресс, 1985. — С. 251–275.
- 39.Викторова, Е.Ю. Функционирование дискурсивных слов с диффузным значением [Текст] / Е.Ю. Викторова // Вестник Томского государственного университета. — 2014. — № 383. — С. 27–34.
- 40.Виноградов, В.В. О языке художественной прозы: Избранные труды [Текст] / В.В. Виноградов; послесл. А.П. Чудакова; коммент. Е.В. Душечкиной и др. — М.: Наука, 1980. — 360 с.
- 41.Виноградов, В.В. Русский язык. (Грамматическое учение о слове) [Текст] / В.В. Виноградов. — М.: Наука, 1986. 640 с.
- 42.Винокур, Г.О. Избранные работы по русскому языку [Текст] / Г.О. Винокур. — М.: Учпедгиз, 1959. — 492 с.
- 43.Винокур, Т.Г. Говорящий и слушающий. Варианты речевого поведения [Текст] / Т.Г. Винокур. — М.: Наука, 1993а. — 172 с.
- 44.Винокур, Т.Г. Диалог [Текст] / Т.Г. Винокур // Русский язык: энциклопедия / Гл. ред. Ю.Н. Караулов. — М.: Большая российская энциклопедия: Дрофа, 1998. — С. 119–120.
- 45.Винокур, Т.Г. Информативная и фатическая речь как обнаружение разных коммуникативных намерений говорящего и слушающего [Текст] / Т.Г. Винокур // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект / Под ред. Е.А. Земской, Д.Н. Шмелева; Российская акад. наук, Ин-т русского языка им. В.В. Виноградова. — М.: Наука, 1993б. — С. 5-29.
- 46.Винокур, Т.Г. К характеристике говорящего. Интенция и реакция [Текст] / Т.Г. Винокур // Язык и личность: Сб. статей / Под ред. Ю.Н. Караулова; АН СССР. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. — М.: Наука, 1989. — С. 11–23.
- 47.Винокур, Т.Г. О некоторых синтаксических особенностях диалогической речи в современном русском языке [Текст] / Т.Г. Винокур // Исследования

- по грамматике русского литературного языка. — М.: Изд-во АН СССР, 1955. — С. 342-355.
48. Воробьева, О.П. Текстовые категории и фактор адресата [Текст] / О.П. Воробьева. — Киев: Вища школа, 1993. — 199 с.
49. Галактионова, И.В. Средства выражения согласия [Текст] / И.В. Галактионова // Идеографические аспекты русской грамматики / Под ред. В.А. Белошапковой и И.Г. Милославского. — М.: Изд-во МГУ, 1988. — С. 145-168.
50. Галкина-Федорук, Е.М. Об экспрессивности и эмоциональности в языке [Текст] / Е.М. Галкина-Федорук // Сборник статей по языкознанию. Профессору Моск. ун-та академику В.В. Виноградову в день его 60-летия. — М.: Изд-во Московского университета, 1958. — С. 103-124.
51. Галкина-Федорук, Е.М. Суждение и предложение [Текст] / Е.М. Галкина-Федорук. — М.: Изд-во МГУ им. М.В. Ломоносова, 1956. — 73 с.
52. Гаричева, Е.А. О диалоге у Достоевского [Текст] / Е.А. Гаричева // Литературоведческий журнал. — 2002. — № 16. — С. 38-44.
53. Гаспаров, Б.М. Устная речь как семиотический объект [Текст] / Б.М. Гаспаров // Ученые записки Тартуского университета. — Тарту: ТГУ, 1978. — Вып. 442. Семантика номинации и семиотика устной речи. — С. 63-112.
54. Гастева, Н.Н. Диалогическое единство в разговорной речи: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01 [Текст] / Н.Н. Гастева. — Саратов, 1990. — 20 с.
55. Гельгардт, Р.Р. Рассуждения о монологах и диалогах (К общей теории высказывания) // Сборник докладов и сообщений лингвистического общества. — Калинин: КГПИ, 1971. — Вып. 1. — Ч. 2. — С. 28-153.
56. Герасименко, И.Е., Тютрина, О.М. Эмотивность как лингвистическая категория [Текст] / И.Е. Герасименко, О.М. Тютрина // Молодой ученый. — 2016. — № 13 (2). — С. 23-25.

57. Гойхман, О.Я., Надеина, Т.М. Речевая коммуникация: учебник [Текст] / О.Я. Гойхман, Т.М. Надеина. — Москва : Инфра-М, 2008. — 286 с.
58. Голанова, Е.И. О современном публичном диалоге [Текст] / Е.И. Голанова // Поэтика: Стилистика. Язык и культура. Памяти Т.Г. Винокур: Сб. ст. / Отв. ред. Н.Н. Розанова; Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова. — М.: Наука, 1996. — С. 142–150.
59. Голованева, М.А. Коммуникативно-когнитивное пространство русской драмы конца XX века: Автореферат дисс. ... докт. филол. наук: 10.02.01 [Текст] / М.А. Голованева; Волгоградский гос. социально-пед. ун-т. — Волгоград, 2013. — 40 с.
60. Голубева-Монаткина, Н.И. Вопросительное предложение и речевые акты [Текст] / Н.И. Голубева-Монаткина // Иностранные языки в школе. — 1990. — № 6. — С. 82–86.
61. Голубева-Монаткина, Н.И. Классификационное исследование вопросов и ответов диалогической речи [Текст] / Н.И. Голубева-Монаткина // Вопросы языкознания. — 1991. — № 1. — С. 125–134.
62. Горелов, И.Н. Невербальные компоненты коммуникации [Текст] / И.Н. Горелов. — М.: Наука, 1980. — 104 с.
63. Грайс, Г.П. Логика и речевое общение [Текст] / Г.П. Грайс // Новое в зарубежной лингвистике: Вып. 16. Лингвистическая прагматика / Сост. и вст. ст. Н.Д. Арутюновой и Е.В. Падучевой; общ. ред. Е.В. Падучевой. — М.: Прогресс, 1985. — С. 217–237.
64. Гронская, Н.Э. Языковые механизмы манипулирования массовым политическим сознанием [Текст] / Н.Э. Гронская // Вестник Нижегородского лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. — 2000. — С. 220–231.
65. Гроссман, Л.П. Стилистика Ставрогина: к изучению новой главы «Бесов» [Текст] / Л.П. Гроссман // Ф.М. Достоевский. Статьи и материалы / Под редакцией А.С. Долинина. — Сборник второй. — Л.-М.: Мысль, 1924. — С. 559–577.

66. Данилова, А.А. Манипулирование словом в средствах массовой информации [Текст] / А.А. Данилова. — М.: Добросвет, Изд-во «КДУ», 2011. — 232 с.
67. Девкин, В.Д. Диалогическая немецкая разговорная речь в сопоставлении с русской [Текст] / В.Д. Девкин. — М.: Высшая школа, 1981. — 160 с.
68. Дейк, ван Т.А. Язык. Познание. Коммуникация [Текст] / Т. ван Дейк; пер. с англ. и сост. В.В. Петрова. — М.: Прогресс, 1989. — 312 с.
69. Дементьев, В.В. «Извращенная фатика» [Текст] / В.В. Дементьев // Вопросы стилистики / Отв. ред. О.Б. Сиротинина. — Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1993. — Вып. 26. — С. 93–102.
70. Демидов, И.В. Логика: Учебное пособие для юридических вузов [Текст] / И.В. Демидов; Под ред. доктора философских наук, проф. Б.И. Каверина. — М.: Юриспруденция, 2000. — 208 с.
71. Демьянков, В.З. Прагматические основы интерпретации высказывания [Текст] / В.З. Демьянков // Изв-я АН СССР. Серия лит. и языка. — 1981. — Т. 40. — № 4. — С. 368-377.
72. Демьянков, В.З. Тайна диалога [Текст] / В.З. Демьянков // Диалог: теоретические проблемы и методы исследования: Сб. научно-аналитических обзоров [Текст] / Отв. ред. Н.А. Безменова. — М.: ИНИОН, 1991. — С. 11-44.
73. Денисова, С.Л. Интроспекция во внутренний мир персонажа средствами сравнения [Текст] / С.Л. Денисова // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. — 2009. — № 2. — С. 73-77.
74. Депутатова, Н.А. Стимулирующие реплики побудительной семантики в английском и русском речевом дискурсе: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.20 [Текст] / Н. А. Депутатова; КГПУ. — Казань, 2004. — 25 с.
75. Диалог глазами лингвиста: Межвуз. сб. научн. трудов [Текст] / Редкол.: Г.П. Немец (отв. ред.) и др. — Краснодар: КубГУ, 1994. — 123 с.

- 76.Диалог: теоретические проблемы и методы исследования: Сб. научно-аналитических обзоров [Текст] / Отв. ред. Н.А.Безменова. — М.: ИНИОН, 1991. — 160 с.
- 77.Диалоговое взаимодействие и представление знаний: Сб. науч. тр. [Текст] / Под ред. А.С. Нариньяни; АН СССР. Сибирское отд-ие. — Новосибирск: Изд-во СО АН СССР, 1985. — 189 с.
- 78.Долгова, Н.А. Функционально-семантическая характеристика финальных реплик диалога: автореф. дисс. ... канд. филол. Наук: 10.02.19 [Текст] / Н.А. Долгова; ТверГУ. — Тверь, 2000. — 181 с.
- 79.Долинин, К.А. Интерпретация текста: Французский язык: Учеб. пособие для студ. по спец. №2103 «Иностр. яз» [Текст] / К. А. Долинин. — М.: Просвещение, 1985. — 288 с.
- 80.Достоевский: Эстетика и поэтика: Словарь-справочник [Текст] / Сост. Г.К. Щенников, А.А. Алексеев; науч. ред. Г.К. Щенников; ЧелГУ. — Челябинск: Металл, 1997. — 272 с.
- 81.Дуров, А.А. Концепция «большого диалога» М.М. Бахтина как методологическая основа исследования народной культуры [Текст] / А.А. Дуров // Вестник Ставропольского государственного университета. — 2009. — Вып. 60. — С. 45-51.
- 82.Дускаева, Л.Р. Диалогичность речи письменной [Текст] / Л.Р. Дускаева // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М.Н. Кожинной. — М.: Наука: Флинта, 2003. — С. 45-53.
- 83.Ермакова, О.Н., Земская, Е.А. К построению типологии коммуникативных неудач [Текст] / О.Н. Ермакова, Е.А. Земская // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект / Под ред. Е.А. Земской, Д.Н. Шмелева; Российская акад. наук, Ин-т русского языка им. В.В. Виноградова. — М.: Наука, 1993. — С. 30-64.
- 84.Есенина, О.А., Щербатых, Е.Ю. Реплики-стимулы в диалогических единствах с оценочным компонентом (на материале современных англоязычных интервью) [Текст] / О.А.Есенина, Е.Ю. Щербатых //

- Ярославский педагогический вестник. — 2014. — Т. I. — № 2. — С. 134–139.
85. Жеребило, Т.В. Словарь лингвистических терминов [Текст] / Т.В. Жеребило. — Изд. 5-е, испр. и доп. — Назрань: ООО «Пилигрим», 2010. — 486 с.
86. Занько, С.Ф. Основные вопросы лингвистической теории диалога (на материале современного русского языка): автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01 [Текст] / С.Ф. Занько. — Казань, 1971. — 19 с.
87. Земская Е.А. и др. Русская разговорная речь. Фонетика. Морфология. Лексика. Жест [Текст] / Е.А. Земская, М.В. Китайгородская, Е.В. Красильникова, Н.Н. Розанова. — М.: Наука, 1983. — 240 с.
88. Земская, Е.А. Городская устная речь и задачи ее изучения [Текст] / Е.А. Земская // Разновидности городской устной речи: Сб. научн. трудов / Под ред. Е.А. Земской, Д.Н. Шмелева. — М.: Наука, 1988. — С. 5–44.
89. Земская, Е.А. и др. Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис [Текст] / Е.А. Земская, М.В. Китайгородская, Е.Н. Ширяев. — М.: Наука, 1981. — 276 с.
90. Золотова, Г.А. и др. Коммуникативная грамматика русского языка [Текст] / Г.А. Золотова, Н.К. Онипенко, М.Ю. Сидорова; Под общей редакцией доктора филол. наук Г.А. Золотовой. — М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 1998. — 528 с.
91. Иванова, Е.А. Лексические пограничные маркеры минимальных диалогических единиц: Дисс. ... канд. филол. наук: 10:02.21 [Текст] / Е.А. Иванова; МГУ им. М.В. Ломоносова. — М., 1999. — 169 с.
92. Иванчикова, Е. А. Рассказчик в повествовательной структуре произведений Достоевского [Текст] / Е.А. Иванчикова // Достоевский: материалы и исследования: сборник статей / гл. ред. Г. М. Фридлендер. — СПб.: Наука, 1994. — Т. 11. — С. 41–50.
93. Изаренков, Д.И. Обучение диалогической речи [Текст] / Д.И. Изаренков. — 2-е изд., испр. — М.: Русский язык, 1986. — 150 с.

94. Изаренков, Д.И. Структура и функциональные особенности диалога в современном русском языке: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01 [Текст] / Д.И. Изаренков. — М., 1979. — 17 с.
95. Измайлов, А.З. Диалогическая речь и проблематика смысла [Текст] / А.З. Измайлов // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. — 2009. — № 2. — С. 127-130.
96. Изотова, Н.В. Об особенностях диалогических структур в прозе А.П. Чехова [Текст] Н.В. Изотова // Логический анализ языка. Моно-, диалог, полилог в разных языках и культурах / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова. — М.: Индрик, 2010. — С. 162–173.
97. Исенина, Е. И. Развитие дословесной коммуникации в диалогах [Текст] / Е.И. Исенина // Текст как инструмент общения: Сборник статей / Редкол. Ю.А. Сорокин (отв. ред.) и др.; АН СССР, Ин-т языкознания — М.: Наука, 1983 — С. 76-80.
98. Иссерс, О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи [Текст] / О.С. Иссерс. — Омск: Омский гос. ун-т, 1999. — 285 с.
99. Иссерс, О.С. Более полувека под зонтиком коммуникативных стратегий [Текст] / О.С. Иссерс // Коммуникативные исследования. — 2020. — Т. 7. — № 2. — С. 243–256.
100. Казаковская, В.В. Вопросо-ответные единства в диалоге «взрослый-ребенок» [Текст] / В.В. Казаковская // Вопросы языкознания. — 2004. — № 2. — С. 89-107.
101. Казаковская, В.В., Хохлова, М.В. Вопросо-ответные единства, апеллирующие к точке зрения адресата [Текст] / В.В. Казаковская, М.В. Хохлова // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. — 2015. — Т. 11. — № 1. — С. 401–437.
102. Каменская, О.Л. Текст и коммуникация [Текст] / О.Л. Каменская. — М.: Высш. школа, 1990. — 152 с.
103. Кара-Мурза, С. Г. Манипуляция сознанием [Текст] / С. Г. Кара-Мурза. — М.: Алгоритм, 2000. — 681 с.

104. Карасев, Л.В. О символах Достоевского [Текст] / Л.В. Карасев // Вопросы философии. — 1994. — № 10. — С. 90–111.
105. Карасик, В.И. О типах дискурса [Текст] / В.И. Карасик // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: Сб. научн. трудов / Под ред. В. И. Карасика, Г. Г. Слышкина. Волгоград: Перемена, 2000. — С. 5–20.
106. Карасик, В.И. Речевое поведение и типы языковых личностей [Текст] / Карасик В.И. // Массовая культура на рубеже веков. Человек и его дискурс: Сб. научн. трудов / Под редакцией Ю.А. Сорокина, М.Р. Желтухиной; Институт языкознания РАН. — М.: Азбуковник, 2003. — С. 24-45.
107. Касаткина, Т.А. О творящей природе слова. Онтологичность слова в творчестве Ф. М. Достоевского как основа «реализма в высшем смысле» [Текст] / Т.А. Касаткина. — М.: ИМЛИ РАН, 2004. — 480 с.
108. Китайгородская, М.В. Чужая речь в коммуникативном аспекте [Текст] / М.В. Китайгородская // Русский язык в его функционировании: Коммуникативно-прагматический аспект / Т. Г. Винокур и др. ; отв. ред. Е. А. Земская, Д. Н. Шмелев / РАН. ИРЯ им. В.В. Виноградова. — М.: Наука, 1993. — С.65-89.
109. Ключев, Е.В. Фатика как предмет дискуссии [Текст] / Е.В. Ключев // Поэтика: Стилистика. Язык и культура. Памяти Т.Г. Винокур: Сб. ст. / Отв. ред. Н.Н. Розанова; Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. — М.: Наука, 1996. — С. 212–220.
110. Кожина, М.Н. О диалогичности письменной научной речи: учеб. пособ. по спецкурсу [Текст] / М.Н. Кожина. — Пермь: Изд-во ПГУ, 1986. — 92 с.
111. Колесникова, Н.Л. Вопросительное предложение как средство выражения оценочной семантики: Дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.04 [Текст] / Н.Л. Колесникова; МПГУ. — М., 2005. — 174 с.

112. Колокольцева, Т.Н. Специфические коммуникативные единицы диалогической речи: Дисс. ... докт. филол. наук: 10.02.01 [Текст] / Т.Н. Колокольцева; СГУ им. Н.Г. Чернышевского. — Саратов, 2001. — 363 с.
113. Комина, Н.А. Коммуникативно-прагматический аспект английской диалогической речи. Дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.04 — германские языки [Текст]./ Н.А. Комина; КГУ. — Калинин, 1984. — 194 с.
114. Кононова, Г.А. Каузальные отношения в немецкой диалогической речи [Текст] / Г.А. Кононова // Диалог о диалоге: Сб. статей. — Саранск: Изд. Морд. универ., 1991. — С. 35-41.
115. Копнина, Г.А. Речевое манипулирование: учеб. пособие [Текст] / Г.А. Копнина. — М. : Флинта, 2012. — 170 с.
116. Косогорова, Х.Г. Коммуникативно-синтаксическая организация вопросно-ответных диалогических единств (на материале русской волшебной сказки): Дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.19 [Текст] / Х.Г. Косогорова; ЯГПУ им. К.Д. Ушинского. — Ярославль, 2006. — 178 с.
117. Красильникова, Е.В. О соотношении монолога и диалога [Текст] / Е.В. Красильникова // Поэтика: Стилистика. Язык и культура. Памяти Т.Г. Винокур: Сб. ст. / Отв. ред. Н. Н. Розанова; Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова. — М.: Наука, 1996. — С. 138-142.
118. Красина, Е.А. Русские перформативы: Монография [Текст] / Е.А. Красина. — М.: Изд-во РУДН, 1999. — 126 с.
119. Красных, В.И. Выражение согласия-несогласия с высказыванием собеседника [Текст] / В.В. Красных // Русский язык за рубежом. — 1970. — № 1. — С. 27–35.
120. Краткий словарь когнитивных терминов [Текст] / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, П.Г. Лузина; Под общ. ред. Е.С. Кубряковой (КСКТ). — М.: Филологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, 1996. — 245 с.

121. Кристева, Ю. Слово, диалог и роман [Текст] / Ю. Кристева // Ю. Кристева. Избранные труды: Разрушение поэтики. — М.: РОССПЭН, 2004. — С. 165-193.
122. Кубрякова, Е.С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке. Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира [Текст] / Е.С. Кубрякова. — М.: ЯСК, 2004. — 560 с.
123. Кудрявцев, И.А. Концепт общение и его вербальное выражение в диалогическом дискурсе [Текст] / И.А. Кудрявцев // Язык. Словесность. Культура. — 2014. — № 4. — С. 56-66.
124. Кузнецов, И.А. Национально обусловленные модели фатической диалогической вопросно-ответной коммуникации в современной русской речи: Дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01 — русский язык [Текст] / И.А. Кузнецов; ННГУ им. Н.И. Лобачевского. — Нижний Новгород, 2020. — 245 с.
125. Кузьмина, М.К. Интенциональные смыслы «согласие и уход от темы» и «несогласие и уход от темы» [Текст] / М.К. Кузьмина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — Тамбов: Грамота, 2013. — № 8. — Ч. 2. — С. 106-109.
126. Купина, Н.А. Разговорное диалогическое единство как текст [Текст] / Н.А. Купина // Языковой облик уральского города: Сб. научн. трудов. — Свердловск: Изд-во УрГУ, 1990. — С. 38–46.
127. Кустова, Е.Ю. О диалогическом механизме аксиологической (интерпретационной) составляющей семиозиса [Текст] / Е.Ю. Кустова // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. — 2011. — № 4. — С. 144-147.
128. Кучинский, Г.М. Диалог и мышление [Текст] / Г.М. Кучинский. — Минск: Изд-во БГУ, 1983. — 190 с.
129. Лагутин, В.И. Проблемы анализа художественного диалога (к прагмалингвистической теории драмы) [Текст] / В.И. Лагутин. — Кишинев: Штиница, 1991. — 98 с.

130. Ланцева, Е.А. Проблема отбора диалогических единиц в аспекте обучения коммуникативной грамматике русского языка как неродного [Электронный ресурс] / Е.А. Ланцева // Гуманитарный вестник. — 2013. — Вып. 3 (5). — URL: <http://hmbul.bmstu.ru/catalog/lang/ling/45.html> (Дата обращения: 27.01.2019).
131. Ленерт, У. Проблема вопросно-ответного диалога [Текст] / У. Ленерт // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23. Когнитивные аспекты языка / Сост. и ред. В.В. Петров, В.И. Герасимов. — М.: Прогресс, 1988. С. 258–281.
132. Лингвистический энциклопедический словарь (ЛЭС) [Текст] / Гл. ред. В.Н. Ярцева. — М.: Сов. энциклопедия, 1990. — 685 с.
133. Макаров, М.Л. Основы теории дискурса [Текст] / М.Л. Макаров. — М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. — 280 с.
134. Макшанцева, Н.В. Диалоговые технологии как средство формирования профессиональной языковой личности [Текст] / Н.В. Макшанцева // Вестник Университета Российской академии образования. — 2010. — № 5. — С. 31-35.
135. Мартыненко, Т.И. Диалогическое единство (Структурно-семантический и коммуникативно-прагматический аспекты): Дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 [Текст] / Т.И. Мартыненко: РГПУ. — Ростов н/Д, 2005. — 170 с.
136. Мартынова, Е.М. Типология явлений коммуникативного дискомфорта в ситуациях диалога. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01 [Текст] / Е.М. Мартынова; ОГУ. — Орел, 2000. — 18 с.
137. Масленников, С.В. Диалогические единства в исторических хрониках А.Н. Островского: структура — семантика — функционирование [Текст] / С.В. Масленников // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. — 2017. — № 4. — С. 230–233.

138. Матвеева, Т.В. Непринужденный диалог как текст [Текст] / Т.В. Матвеева // Человек — Текст — Культура: коллективная монография / под ред. Н. А. Купиной, Т. В. Матвеевой. — Екатеринбург: ИРРО, 1994. — С. 125-140.
139. Матвеева, Т.В. О методе выявления ценностной информации разговорного диалога [Текст] / Т. В. Матвеева // Научный диалог. — 2018. — № 10. — С. 89–101.
140. Матвеева, Т.В. Полный словарь лингвистических терминов [Текст] / Т.В. Матвеева. — Ростов н/Д: Феникс, 2010. — 562 с.
141. Мегаева, К. Диалог у Достоевского // Дагестанский университет. Сборник научных сообщений. (Филология) [Текст] / К. Мегаева. — Махачкала: ДагГУ, 1964. — С. 149–157.
142. Меерсон, О.А. «Свободная вещь». Поэтика неостранения у Андрея Платонова [Текст] / О.А. Меерсон. — Новосибирск: Наука, 2001. — 122 с.
143. Меерсон, О.А. Персонализм как поэтика: литературный мир глазами его обитателей [Текст] / О.А. Меерсон. — СПб.: Пушкинский Дом, 2009. — 432 с.
144. Михайлов, Л.М. Грамматика немецкой диалогической речи: Учеб. пособие для студентов ин-тов и фак. иностр. яз. [Текст] / Л. М. Михайлов. — М.: Высш. школа, 1986. — 110 с.
145. Михайлов, Н.Н. Теория художественного текста. [Текст] / Н.Н. Михайлов. — М.: Academia, 2006. — 220 с.
146. Муханов, И.Л. Интонация в практике русской диалогической речи [Текст] / И.Л. Муханов. — 3-е изд., перераб. и доп. — М.: Ойкумена, 1995. — 230 с.
147. Навасартян, Л.Г. Языковые средства и речевые приемы манипуляции информацией в СМИ (на материале российских газет): Дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01 [Текст] / Л.Г. Навасартян; СарГУ им. Н. Г. Чернышевского. — Саратов, 2017. — 172 с.

148. Нестеров, И.В. Диалог и монолог [Текст] / И.В. Нестеров // Русская словесность. — 1996. — № 5. — С. 81-86.
149. Нестеров, И.В. Диалог и монолог как литературоведческие понятия: Дисс. ... канд. филол. наук: 10.01.08 [Текст] / И.В. Нестеров; МГУ им. М.В. Ломоносова.. — М., 1998. — 235 с.
150. Николаев, В.П. Взаимосвязь реплик в диалогических группах со специальными вопросами в современном английском языке: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01 [Текст] / В.П. Николаев; ОГУ им. И.П. Мечникова. — Одесса, 1982. — 22с.
151. Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23. Когнитивные аспекты языка [Текст] / Сост. и ред. В.В. Петров, В.И. Герасимов. — М.: Прогресс, 1988. — 320 с.
152. Новое в зарубежной лингвистике: Вып. 16. Лингвистическая прагматика [Текст] / Сост. и вст. ст. Н.Д. Арутюновой, Е.В. Падучевой; общ. ред. Е.В.Падучевой. — М.: Прогресс, 1985. — 504 с.
153. Новое в зарубежной лингвистике: Вып. 17. Теория речевых актов [Текст] / Сост. и вступ.ст. И.М. Кобозевой и В.З. Демьянкова; общ. ред. Б.Ю. Городецкого. — М.: Прогресс, 1986. — 424 с.
154. Новые тенденции в русском языке начала XXI века: Кол. мон. [Текст] / Т.Б. Радбиль, Е.В. Маринова, Л.В. Рацибурская, Н.А. Самыличева, А.В. Шумилова, Е.В. Щеникова, С.Н. Виноградов— М.: Флинта; Наука, 2014. — 304 с.
155. Орлова, М.Н. Структура диалога в современном русском языке (Вопросно-ответная форма). Автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01 [Текст] / М.Н. Орлова. Саратов, 1968. — 17 с.
156. Остин, Дж.Л. Слово как действие [Текст] / Дж.Л. Остин // Новое в зарубежной лингвистике: Вып. 17. Теория речевых актов / Сост. и вступ.ст. И.М. Кобозевой и В.З. Демьянкова; общ. ред. Б.Ю. Городецкого. — М.: Прогресс, 1986. — С. 22-130.

157. Падучева, Е.В. Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива) [Текст] / Е.В. Падучева. — М.: Языки русской культуры, 1996. — 464 с.
158. Падучева, Е.В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью. Референциальные аспекты семантики местоимений [Текст] / Е.В. Падучева. — М.: Наука, 1985. — 272 с.
159. Падучева, Е.В. Прагматические аспекты связности диалога [Текст] / Е.В. Падучева // Изв-я АН СССР. Серия лит-ры и языка. — 1982. — Т. 41. — № 4. — С. 305–313.
160. Паршин, П.Б. Речевое воздействие: основные формы и разновидности [Текст] / П.Б. Паршин // Рекламный текст: семиотика и лингвистика / Ю.К. Пирогова, А.Н. Баранов, П.Б. Паршин [и др.]. — М.: Издат. дом Гребенникова, 2000. — 270 с.
161. Пирогова, Ю.К. Имплицитная информация как средство коммуникативного воздействия и манипулирования (на материале рекламных и PR-сообщений) [Текст] / Ю. К. Пирогова // Проблемы прикладной лингвистики: сб. научн. трудов. — М.: Изд-во МГУ, 2002. — С. 209–227.
162. Плотникова, А.В. Средства связи компонентов диалогических единств [Электронный ресурс] / А.В. Плотникова // Филологические науки в России и за рубежом: материалы Междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, февраль 2012 г.). — СПб.: Реноме, 2012. — С. 157-159. — URL <https://moluch.ru/conf/phil/archive/26/1731/> (Дата обращения: 27.01.2020).
163. Полищук, Г.Г., Сиротинина, О.Б. Разговорная речь и художественный диалог [Текст] / Г.Г. Полищук, О.Б. Сиротинина // Лингвистика и поэтика : Сб. ст. / Отв. ред. В. П. Григорьев; Акад. наук СССР, Ин-т русского яз. им В.В. Виноградова. — М.: Наука, 1979. — С. 188–199.

164. Радбиль, Т.Б. Выявление содержательных и речевых признаков недобросовестной информации в экспертной деятельности лингвиста [Текст] / Т.Б. Радбиль // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. — 2014. — № 6. — С. 146-149.
165. Радбиль, Т.Б. Язык и мир: парадоксы взаимоотражения [Текст] / Т.Б. Радбиль. — М.: Издательский дом ЯСК, 2017. — 592 с. — (Язык. Семиотика. Культура.)
166. Радбиль, Т.Б. Герой Андрея Платонова как языковая личность (образ Фомы Пухова в «Сокровенном человеке») [Текст] / Т.Б. Радбиль // Русистика сегодня. — №3-4. — 1999. — С. 66–83.
167. Радбиль, Т.Б., Юматов, В.А. Способы выявления имплицитной информации в лингвистической экспертизе [Текст] / Т.Б. Радбиль, В.А. Юматов // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. — 2014. — № 3(2). — С. 18-21.
168. Ремизова, С.А. Вопросительность в диалоге: специфика речевых реализаций (на материале английского, немецкого и русского языков): Дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.19 [Текст] / С.А. Ремизова; КГУ. — Краснодар, 2001. — 239 с.
169. Рождественская, О.Ю. Диалог: его роль и функции в творчестве Ф.М. Достоевского: Дисс. ... канд. филол. наук: 10.01.08 [Текст] / О.Ю. Рождественская; МГУ им. М.В. Ломоносова. — М., 2018. — 164 с.
170. Рождественский, Ю.В. Теория риторики [Текст] / Ю.В. Рождественский. — М.: Добросвет, 1997. — 597 с. — Гл. III. Теория диалога. Структура диалога. — С. 298-452 и др.
171. Романов, А.А. Системный анализ регулятивных средств диалогического общения. Пособие по теоретическим курсам [Текст] / А.А. Романов. — М.: Ин-т языкознания АН СССР, 1988. — 182 с.
172. Романова, Г.И., Орлова, Н.Н. Невербальный диалог в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» [Текст] / Г.И. Романова, Н.Н.

- Орлова // Вестник Государственного гуманитарно-технологического университета. — 2018. — № 2. — С. 68–71.
173. Ружицкий, И.В. Маска и маскарад У Ф. М. Достоевского [Текст] / И.В. Ружицкий // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. — 2015. — Т. 5. — № 5. — С. 38–46.
174. Ружицкий, И.В. О языке Достоевского [Текст] / И.В. Ружицкий // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета: Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2013. — № 9. — С. 74–81.
175. Ружицкий, И.В. Язык Достоевского: идиоглоссарий, тезаурус, эйдос: монография [Текст] / И.В. Ружицкий. — М.: ЛЕКСРУС, 2015. — 543 с.
176. Ружникова, О.М. Актуализация высказываний согласия в диалогическом дискурсе: Дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.04 [Текст] / О.М. Ружникова; ПомГУ им. М.В. Ломоносова. — Архангельск, 2004. — 188 с.
177. Русская грамматика: В 2 т. [Текст] / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз.; редкол.: д. филол. н. Н. Ю. Шведова (гл. ред.) и др. — М.: Наука, 1980–1982 (Грамматика 1980). — Т. I: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология / Н.С. Авилова, А.В. Бондарко, Е.А. Брызгунова и др. — 1982. — 783 с.
178. Русский язык начала XXI века: лексика, словообразование, грамматика, текст: Кол. мон. [Текст] / Под ред. Л.В. Рацибурской. — Нижний Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2014. — 325 с.
179. Русский язык: энциклопедия [Текст] / Гл. ред. Ю.Н. Караулов. — М.: Большая российская энциклопедия: Дрофа, 1998. — 721 с.
180. Русское повседневное общение: прагматика, культурология [Текст] / И.Н. Борисова, С.Ю. Данилов, Т.В. Матвеева, Н.Н. Розанова, И.В. Шалина. — Екатеринбург: Гуманитарный ун-т, 2018. — 442 с.

181. Рябцева, Э.Г. Реплики несогласия в микродиалоге [Текст] / Э.Г. Рябцева // Диалог глазами лингвиста: Сб. научн. трудов / Редкол.: Г.П. Немец (отв. ред.) и др. — Краснодар: КГУ, 1994. — С. 86-91.
182. Савельева, С.П. Номинации речевых интенций в русском языке и их семантико-прагматическое истолкование: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01 [Текст] / С.П. Савельева, ИРЯ им. А.С. Пушкина. — М., 1991. — 21 с.
183. Садикова, В.А. О единицах бытового и художественного диалога [Электронный ресурс] / В.А. Садикова // Язык и текст. — 2015. — Т. 2. — № 2. — С. 17–24. — URL: https://psyjournals.ru/files/76888/langpsy_2015_n2_Sadikova.pdf (Дата обращения: 26.09.2019).
184. Самигулина, Ф.Г. Моделирование коммуникативной установки в речемыслительной деятельности на уровне грамматической семантики [Текст] / Ф.Г. Самигулина // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. — 2009. — № 1. — С. 188-192.
185. Сараскина, Л.И. Фёдор Достоевский: Одоление демонов [Текст] / Л.И. Сараскина. — М.: Согласие, 1996. — 462 с.
186. Святогор, И.П. Типы диалогических реплик в современном русском языке: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01 [Текст] / И.П. Святогор; МГПИ им. В.И. Ленина. — М., 1967. — 20 с.
187. Серль, Дж. Р. Что такое речевой акт [Текст] / Дж.Р. Серль // Новое в зарубежной лингвистике: Вып. 17. Теория речевых актов / Сост. и вступ.ст. И.М. Кобозевой и В.З. Демьянкова; общ. ред. Б.Ю. Городецкого. — М.: Прогресс, 1986б. — С. 151–169.
188. Серль, Дж.Р. Классификация иллокутивных актов [Текст] / Дж.Р. Серль // Новое в зарубежной лингвистике: Вып. 17. Теория речевых актов / Сост. и вступ.ст. И.М. Кобозевой и В.З. Демьянкова; общ. ред. Б.Ю. Городецкого. — М.: Прогресс, 1986а. — С. 170-195.
189. Серова, Т.С., Фролова, Т.П. Диалогическое единство и единица диалогической речевой деятельности при обучении иностранному языку

- будущих юристов [Текст] / Т.С. Серова, Т.П. Фролова // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. Серия: Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика. — 2014. — Т. 20. — № 1. — С. 125–129.
190. Сковородина, С.В. Прагматика реактивных речевых актов в немецком диалогическом дискурсе (концепты «Благодарность» и «Извинение»): Дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.04 [Текст] / С.В. Сковородина; РГПУ им. А.И. Герцена. — Спб., 2004. — 219 с.
191. Скребнев, Ю.М. Введение в коллоквиалистику [Текст] / Ю.М. Скребнев. — Саратов: Издательство Саратовского ун-та, 1985. — 210 с.
192. Словарь языка Достоевского. Лексический строй идиолекта: Вып. 1-3 [Текст] / Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова; Гл. ред. чл.-корр. РАН Ю. Н. Караулов. — М.: Азбуковник, 2001–2003.
193. Слово Достоевского — 2000: Сб.статей [Текст] / Ред. Ю.Н. Караулов, Е.Л. Гинзбург; Российская академия наук. Ин-т рус.яз. им В.В. Виноградова. — М.: Азбуковник, 2001. — 595 с.
194. Современный философский словарь (СФС). — 3-е изд., испр. и доп. [Текст] / Под общей ред. В.Е. Кемерова. — М.: Академический Проект, 2004. — 864 с.
195. Соколова, О.В. Типология дискурсов активного воздействия: поэтический авангард, реклама и PR [Текст] / О.В. Соколова. — М.: Гнозис, 2014. — 304 с.
196. Соловьева, А.К. О некоторых общих вопросах диалога [Текст] / А.К. Соловьева // Вопросы языкознания. — 1965. — № 6 — С. 103–110.
197. Сотникова, А.А. Диалог и условия реализации в нем семантико-коммуникативной категории согласия — несогласия [Текст] / А.А. Сотникова // Вестник Ленинградского гос. ун-та. Серия История. Языкознание. Литературоведение. — 1987. — Вып. 4. — № 23. — С. 76-82.

198. Степанов, Ю.С. В поисках прагматики (Проблема субъекта) [Текст] / Ю.С. Степанов // Известия АН СССР. Серия лит-ры и языка. — 1981. — Т. 40. — № 4. — С. 325–332.
199. Степанян, К. А. Явление и диалог в романах Ф. М. Достоевского [Текст] / К.А. Степанян. — СПб.: Крига, 2010. — 400 с.
200. Стернин, И.А. Основы речевого воздействия: Учебное пособие [Текст] / И.А. Стернин. — Воронеж: ВорГУ, 2001. — 228 с.
201. Стернин, И.А. Социальные факторы и публицистический дискурс [Текст] / И.А. Стернин // Массовая культура на рубеже веков. Человек и его дискурс. Сб. научн. трудов / Под ред. Ю.А. Сорокина, М.Р. Желтухиной; Институт языкознания РАН — М.: Азбуковник, 2003. — С. 91-108.
202. Стешов, А.В. Как победить в споре. О культуре полемики [Текст] / А.В. Стешов. — Л.: Изд-во: Л.: Лениздат, 1991. — 191 с.
203. Стилистический энциклопедический словарь русского языка (СЭС-РЯ) [Текст] / Под ред. М.Н. Кожинной. — М.: Флинта; Наука, 2003. — 696 с.
204. Столярова, Е.К. Синонимия реплик-реакций в русской диалогической речи: Дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.01 [Текст] / Е.К.Столярова; МГУ им. М.В. Ломоносова. — М., 2001. — 163 с.
205. Сулименко, Н.Е. Лексическая экспликация диалогичности монолога [Текст] / Н.Е. Сулименко // Функциональная семантика слова: Сб. научн. тр. / Свердлов. гос. пед. ин-т. — Свердловск: Изд-во Свердловского пед. ин-та, 1992. — С. 5-12.
206. Сухих, С.А. Методология и методы исследования диалога [Текст] / С.А. Сухих // Диалог глазами лингвиста: Сб. научн. трудов / Редкол.: Г.П. Немец (отв. ред.) и др. — Краснодар: КГУ, 1994. — С. 39-47.
207. Сухих, С.А. Прагмалингвистическое измерение коммуникативного процесса: Автореф. дисс. ... докт. филол. Наук: 10.02.01 [Текст] / С.А. Сухих; КубГУ. — Краснодар, 1998. — 30 с.

208. Теплицкая, Н.И. Диалог с позиции теории актуального членения [Текст] / Н.И. Теплицкая // Филологические науки. — 1984. — № 4. — С. 130–151.
209. Теплицкая, Н.И. О структуре диалогического текста [Текст] / Н.И. Теплицкая // Научные труды МГПИИЯ им. М. Тореца. — 1975. — Вып. 84. — С. 314–331.
210. Трошева, Т.А. Диалог [Текст] / Т.А. Трошева // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М.Н. Кожинной. — М.: Наука: Флинта, 2003. — С. 44–45.
211. Труфанова, И.В. Образ слушающего в языке [Текст] / И.В. Труфанова // НДВШ. Филологические науки. — 1997. — № 2. — С. 98–104.
212. Федорова, Л.Л. и др. Коммуникационные стратегии культуры и гуманитарные технологии: Научно-методические материалы [Электронный ресурс] / Кол. авторов; Российский Государственный педагогический университет имени А. И. Герцена. — СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 2007. — Электронная публикация: Центр гуманитарных технологий. — 18.12.2009. URL: <https://gtmarket.ru/laboratory/expertize/3392/3395> (Дата обращения: 18.10.2019)
213. Фёдорова, Л.Л. О двух референтных планах диалога [Текст] / Л.Л. Федорова // Вопросы языкознания. — 1983. — № 5. — С. 97–101.
214. Федорова, Л.Л. Типология речевого воздействия и его место в структуре общения [Текст] / Л.Л. Федорова // Вопросы языкознания. — 1991. — № 6. — С. 46–50.
215. Федосюк, М.Ю. «Стиль» ссоры [Текст] / М.Ю. Федосюк // Русская речь. — 1993. — № 5. — С. 14–19.
216. Федосюк, М.Ю. Неявные способы передачи информации в тексте: Учеб. пособие по спецкурсу [Текст] / М.Ю. Федосюк. — М.: МГПИ им. В.И. Ленина, 1988. — 83 с.
217. Федотова, Н.В. Семантика и структура диалогического текста в системе русского языка (на примере телевизионных передач): Дисс. ...

- канд. филол. наук: 10.02.01 [Текст] / Н.В. Федотова; ТГУ им. Г.Р. Державина. — Тамбов, 2006. — 353 с.
218. Формановская, Н.И. Коммуникативно-прагматические аспекты единиц общения [Текст] / Н.И. Формановская. — М.: Ин-т рус. яз. им. А.С. Пушкина, 1998. — 291 с.
219. Халитова, Л.К. Роль дискурсивной лексики в создании гармоничного диалога (на примере контактоустанавливающих средств русского, английского и татарского языков) [Текст] / Л.К. Халитова // Ученые записки Казанского университета. Серия «Гуманитарные науки». — Т. 152, кн. 6. — 2010. — С. 95–105.
220. Хисамова, Г.Г. Диалог как компонент художественного текста: на материале художественной прозы В.М. Шукшина: Дисс. ... докт. филол. наук: 10.02.01 [Текст] / Хисамова Г.Г.; Башкир. гос. ун-т. — Уфа, 2009. — 396 с.
221. Хисамова, Г.Г. Функции диалога в художественном тексте [Текст] / Г.Г. Хисамова // Российский гуманитарный журнал. — 2015. — Том 4. — № 1. — С. 34–42.
222. Хоц, А.Н. Структурные особенности пространства в прозе Достоевского [Текст] / А.Н. Хоц // Достоевский: материалы и исследования: сборник статей: в 20 т. / гл.ред. Г. М. Фридлендер. — СПб.: Наука, 1994. — Т. 11. — С. 51–60.
223. Хундснуршер, Ф. Основы, развитие и перспективы анализа диалога [Текст] / Ф. Хундснуршер // Вопросы языкознания. — 1998. — № 2. — С. 38–50.
224. Человеческий фактор в языке. Коммуникация, модальность, дейксис [Текст] / Н. Д. Арутюнова, Т.В. Булыгина, А.А. Кибрик и др.; Отв. ред. Т.В. Булыгина; Рос. АН, Ин-т языкознания. — М.: Наука, 1992. — 282 с.
225. Чернявская, В.Е. Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия [Текст] / В.Е. Чернявская. — М.: Флинта, 2006. — 136 с.

226. Шалина, И.В. Причины и виды коммуникативно-речевой дисгармонии [Текст] / И.В. Шалина // Культурно-речевая ситуация в современной России: вопросы теории и образовательных технологий. Материалы конференции / Под ред И.Т. Вепревой. — Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2000. — С. 194–196.
227. Шарапова, Е.В. Аномальная сочетаемость интенсификаторов в языке Ф.М. Достоевского: Дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01 [Текст] / Е.В. Шарапова; МПГУ. — М., 2018. — 229 с.
228. Шведова, Н.Ю. К изучению русской диалогической речи [Текст] / Н.Ю. Шведова // Вопросы языкознания. — 1956. — № 2. — С. 67-82.
229. Шведова, Н.Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи [Текст] / Н.Ю. Шведова. — М.: Азбуковник, 2003. — 378 с.
230. Шимонюк, М. Деструкция языка и новаторство художественного стиля (по текстам Андрея Платонова) [Текст] / М. Шимонюк. — Katowice: Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego, 1997. — 122 с.
231. Ширяев, Е.Н. Прагматический фактор и семантико-синтаксическая структура разговорного высказывания [Текст] / Е.Н. Ширяев // Русистика. — Berlin. — 1989. — № 2.
232. Ширяев, Е.Н. Семантико-синтаксическая структура разговорного диалога [Текст] / Е.Н. Ширяев // Русский язык в научном освещении. — 2001. — № 1 (1). — С. 132–147.
233. Ширяев, Е.Н. Структура интенциональных конфликтных диалогов [Текст] / Е.Н. Ширяев // Проблемы речевой коммуникации: Межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. О.Б. Сиротининой. — Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2000. — С. 80–85.
234. Шмелева, Т.В. Диалогичность модуса [Текст] / Т.В. Шмелева // Вестник Московского ун-та. Сер.9. Филология. — 1995. — № 5. — С. 147-156.
235. Щерба, Л.В. Восточнолужицкое наречие. — Т. 1. (С прил. текстов) [Текст] / Л.В. Щерба. — Петроград: тип. А.Э. Коллинс, 1915. — 276 с.

236. Щерба, Л.В. Избранные работы по русскому языку [Текст] / Л.В. Щерба; Ред. М.И. Матусевич; Акад. наук СССР. Отд-ние лит-ры и языка. — М.: Гос. учеб.-пед. изд-во М-ва просвещения РСФСР, 1957. — 186 с.
237. Юхнова И.С. Общение как проблема литературоведения // Юхнова И.С. и др. Диалог и диалогичность: Монография. — Нижний Новгород: Нижегородский госуниверситет, 2020. — С. 21–24.
238. Якобсон, Р. Избранные работы [Текст] / Р. Якобсон; перевод с англ., нем., франц. — М.: Прогресс, 1985. — 455 с.
239. Якубинский, Л.П. О диалогической речи [Текст] / Л.П. Якубинский // Якубинский Л.П. Избранные работы. Язык и его функционирование / под ред. А.А. Леонтьева. — М.: Наука, 1986. — С. 17-58.
240. Bach, K., Harnish, R. M. Linguistic communication and speech acts [Text] / K.Bach, R. M. — Cambridge, Mass.; London: The Massachusetts Institute of Technology, 1979. — 352 p.
241. Duncan, S., Fisce, D. Face-to-Face Interaction [Text] / S. Duncan, D. Fisce. — New Jersey: Lawrence Erlbaum Associates, 1977. — 361 p.
242. Leech, G. N. Principles of Pragmatics [Text] / G. N. Leech. — London; New York: Longman, 1983. — 250 p.
243. Schiffrin, D. Discourse markers [Text] / D. Schiffrin. — Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1987. — 318 p.
244. Sinclair, J. Priorities in Discourse Analysis [Text] / J. Sinclair // Advances in Spoken Discourse Analysis. — London and New York, 1992. — P. 79-89.
245. Wardhaugh, R. How Conversation Works [Text] / R. Wardhaugh. — Oxford; Basil Blackwell, 1995. — 230 p.